

Литературный

АЛЬМАНАХ

2004

НАЦИОНАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
РЕСПУБЛИКИ
БЕЛАРУСЬ

Администрация МО "Город Сыктывкар"
Управление культуры
администрации МО "Город Сыктывкар"

СЫКТЫВКАР

литературный альманах

Повести

Рассказы

Стихи

Очерки

Статьи

Сыктывкар
Коми книжное издательство
2004

Проект доктора филологических наук В.Н. Демина

Редактор-составитель А.В. Канев

Общественная редколлегия

В. Шевцов

А. Канев

А. Иевлев

М. Курочкин

С. Югов

В. Полещиков

Авторы благодарят за финансовую поддержку проекта Управление культуры администрации МО "Город Сыктывкар" и лично главу администрации МО "Город Сыктывкар" Сергея Михайловича Катунина.

Сыктывкар : литературный альманах: повести, рассказы, стихи, очерки, статьи / Ред.-сост. А.В.Канев . - Сыктывкар : Полиграф-Сервис, 2004. - 261 с. - В надзаг.: Администрация МО "Город Сыктывкар". - Управление культуры администрации МО" Город Сыктывкар"

ОГЛАВЛЕНИЕ

Елена Парилова. Слово о "Сыктывкаре"	6
С Т И Х И	7
Дмитрий ФРОЛОВ.....	7
Алексей ИЕВЛЕВ.	9
Андрей ПОПОВ	13
Олег РОЧЕВ.....	14
Виктор ДЕМИДОВ	16
Андрей КАНЕВ.....	24
Евгений СУВОРОВ.....	28
Иван ПЕХТЕРЕВ	31
Николай ГЕРАСИМОВ	33
Раиса КУКЛИНА	34
Андрей ЕВСТЮНИЧЕВ	35
Аркадий КАЛИМОВ.....	36
Митрофан КУРОЧКИН	38
Людмила ГАВРИЛИНА	42
Лариса ВЫСОЦКАЯ.....	43
Лара ГОНСКОВА	44
Владимир ОЛОФИНСКИЙ	45
Тамара КУРОЧКИНА	49
Валентин ОХАПКИН	50
Людмила ВТЮРИНА	51
Ирина САМАР.	54
Юрий ФИДЕЛЬГОЛЬЦ.....	55
Екатерина ШИРЯЕВА	56
Александр ЛОБАНОВ.	56
Мария КУЗЬМИНА.	58
Виктория МАРТЫНОВА.....	59
Наталья БИЛАН.....	60
Ольга ДРИНДРОЖИК.....	60
Альбина СЕЛИВАНОВА.....	61
Антонина ГОРДЕЕВА	61
Тамара ЧИРКИНА	62
Любовь ГАЛОЯН.....	62
Николай АНИКИН.....	64
Ольга Мишурова.....	65

ПРОЗА	66
Валентин ГРИНЕР. Под тенью "Южного креста" (повесть).....	66
Александр УЛЬЯНОВ. Мамин колодец (рассказ).....	108
Алексей ИЕВЛЕВ. Сотрудник КГБ (рассказ).....	112
Дорога домой (рассказ).....	113
Первая экспедиция (рассказ)	117
Александр ПАРНАЧЕВ. Зона. Пырей (главы из романа) ...	133
Андрей Канев. Женихались старик со старухой (рассказ).....	126
Бог дал... (рассказ).....	130
Нас ждет огонь смертельный ... (рассказ).....	135
Виктор ДЕМИДОВ. Ночные ведьмы (отрывок из повести)	136
Рифат ГИЗАТУЛИН Саид (очерк)	145
Валерия МИРОНОВА Бычок (очерк)	149
Олег РОЧЕВ. Незабудки (рассказ).....	155
Митрофан КУРОЧКИН. Дороги дарьи дергачевой.....	162
Любовь МАРИНИЧЕВА. Монологи взрослого человека.	168
 ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ	 179
Степан ЮГОВ. Фантазии Александра Мацука.	179
Евгений СУВОРОВ. Не забывай ушедших, им трудней... ..	181
Раиса КУКЛИНА. Свет и тьма замкнутого пространства.....	188
Валентин ОХАПКИН. Моя пушкиниана.....	193
Екатерина ЛОВИНА-ЛОВИЧ . Российский союз профессиональных литераторов в Республике Коми.....	203
Андрей КАНЕВ. Открытые миры литературы	207
Раиса КУКЛИНА. «Прошедшее возвращается в снах».....	235
Вениамин ПОЛЕЩИКОВ. Пооследний рыцарь.....	237
Анатолий ПОПОВ. Поиски Рауля Валенберга.....	239

СЛОВО О "СЫКТЫВКАРЕ"

Литературный альманах "Сыктывкар" уже зарекомендовал себя, как интересное неординарное издание, в котором публикуются новые произведения как маститых, так и совсем юных авторов. Его двери открыты не только столичным поэтам и писателям, но и литераторам из городов и районов всей республики, что, несомненно, подчеркивает значимость этого ежегодного сборника для регионального литературного процесса.

Этот выпуск литературного альманаха, который ты сейчас держишь в руках, читатель, десятый – юбилейный. Спонсирует выход книги в свет Управление культуры МО "Город Сыктывкар". В этом юбилейном для издания году, сборник был издан в Коми книжном издательстве, что, несомненно, повысило его полиграфический статус.

Нынешний сборник по содержанию разбит на несколько разделов. В него вошли проза, поэзия, художественные очерки о сыктывкарцах, критика, литературоведение и краеведение. Гимном столице республики стал раздел "Стихи о Сыктывкаре". Центральным произведением раздела прозы можно назвать повесть одного из старейших писателей нашего края Юрия Коврижных "Морошки белые цветы", посвященную освоению крайнего Севера, так же в нем напечатаны рассказы А. Канева, И. Белыха, А. Ульянова и других уже известных и еще молодых авторов.

Поэтическое слово никогда не оставляло читателей равнодушным. На этот раз в альманахе представлены стихотворные произведения Виктора Кушманова, Олега Чупрова, Алексея Иевлева, Валерия Вьюхина, Митрофана Курочкина, Николая Тюрнина, участников эжвинского литературного клуба "У комелька". Впервые опубликованы стихи известного композитора Михаила Герцмана, и ранее не публиковавшиеся стихи Дмитрия Фролова. Разнообразен по тематике и раздел, посвященный критике, литературоведению и краеведению, в нем представили свои статьи ученые-литературоведы В. Мартынов, Г. Лисовская, С. Югов, А. Семяшкин и О. Заявадинова. Народному поэту республики А.Е. Ванееву посвящена статья нашего недавнего земляка, живущего ныне в Новой Зеландии Валентина Гринера "Ах, снегирь, красногрудый ты мой..."

Хочется верить, что юбилейный выпуск литературного альманаха "Сыктывкар" найдет дорогу к сердцу внимательного и заинтересованного читателя, не оставит равнодушными критиков и литературоведов, займет свое достойное место в литературном процессе Республики Коми.

Елена ПАРИЛОВА, заместитель
главы МО "Город Сыктывкар"

СТИХИ

Дмитрий ФРОЛОВ

* * *

Не забывай ушедших, им трудней,
они в пути, там нет ночей и дней,
а только день сплошной,
а может, ночь одна...
Кто знает, что скрывает пелена?

А может, даже нет и пелены.
Все это – наши выдумки и сны,
но эти сны оставшимся нужны:
без этих грез оставшимся больней.
Не потому ли в памяти своей
мы сохраняем радость прошлых дней?

Своих ушедших в памяти храни:
пока мы живы – живы и они.
И мы живем, пока ушедших помним.

* * *

Путь-дорога моя многотрудная,
где страдание, крест да могила,
да осенняя песня остудная,
да веселая вешняя сила.

Похоронят меня – травка вырастет,
прилетят ее птицы склевывать.
Травку склевывать – зерна сплевывать.
Дай-то Бог и вам зиму вынести.

Ну а мне, молодцу, будет все к лицу.
За другим пойдет красна девица.
Уж не пить винца и не гневаться,
если мать-земля призвала к венцу.

Ничего от меня не останется
(зарастут пути да осядет холм),
только песня моя, песня-странница,
да веселый бор, птичьих песен полн.

МОЛИТВА В СУМАСШЕДШЕМ ДОМЕ

О, Господи! Мы все твои сыны.
Ты приютил нас дом странноприимный.
Да, мы безумны, Отче,
мы больны,
но пред Тобой склоненные стоим мы.
Но молим мы, смиренные, за тех,
кто не имеет в жизни даже крыши.
Пошли Ты им какой-нибудь успех,
Пошли им подаяние, Всевышний.
Пускай найдется им полуподвал,
Где можно греться, к трубам прижимаясь,
И корка хлеба, чтобы рот жевал,
И дай дожить до ласкового мая.
А если вдруг от голода помрут,
счастливые, под собственной «крышей»,
пускай случится это поутру,
и пусть не отгрызут им уши крысы.

СЧАСТЬЕ

Дочери Тамаре

Проснувшись рано поутру,
когда едва синеет небо,
я за руку тебя беру –
и мы идем с тобой по снегу.

Нам весело, мы не грустим
и слушаем с тобой, как влажно
под сапогами снег хрустит
и шепчет нам о чем-то важном.

И мы идем в руке рука
И тропим снежные дороги...
Проходит все наверняка...
Настанет срок – и перед Богом
предстану я,
и спросит Он:
«А был ли счастлив на земле ты?»

И вспомню я не вешний звон,
не ароматный ветер лета,
и не осенние леса,
а эту зимнюю дорогу!

И по щеке скользнет слеза –
Слезка любви в ладони Богу.

Алексей ИЕВЛЕВ

* * *

В нашем доме никто не живет.
Двор затянут травой и крапивой.
И несет облака небосвод
Издалёка – далёко.
Счастливой
И большой – бесконечной! – была
Жизнь, по капле ушедшая в землю...
А могильных холмов купола
Свою тихую участь приемлют.

* * *

Деда тоже звали Алексей.
Как он жил, не знаю.
Не встречались.
От него и от его вещей
Только фотографии остались.

Он – в военной форме без погон.
Царская кокарда на фуражке.
И такая глубина времен
Проступает в черно-белой краске.

Что я там увижу впопыхах,
Мимолетно, значит, и неточно?
А тропа на дедовых лугах
Пропадает строчкой одиночной.

Я почти не знаю этих мест.
Я – чужой на родине отцовской.
И давно не слышен благовест
Вдалеке от суеты московской.

Белые на небе облака.
Заросли заброшенных угодий.
И глаза родного старика.
И сознание, что он уходит.

* * *

Плесните солнце мне в глаза!
Пускай я стану отраженьем,
Всего лишь огненным мгновеньем,
Каким не дорожит гроза.

Пускай я буду слеп потом
От этого удара света!
Какая черная планета –
Зачем я здесь построил дом?!

Какие бешенные дни,
Как псы, издохли у порога!
Как гибельна еще дорога...
Где путеводные огни?

* * *

Смотри,
Этот снег так похож на тебя:
Исчезнет, лишь трону рукою.
Смеялся я, снежную бабу лепя,
И вышла она неживою.

Никто не завидует снежной красе.
И даже немного жалеют...
Ах, если б мы жили и были,
Как все!

Как быстро надежды
Стареют...

* * *

Кто пишет историю – тот и окажется прав.
Не тот, кто стрелял,
И не тот, кто давал ордена.
Большие победы бесславно забудет страна,
Большие потери оправданной кровью назвав.

А крови все больше...

Все больше чеканят наград.
Все больше крестов на груди
Деревенской земли.
Московские звезды без крови светить не могли...
Двуглавый орел тоже пиру кровавому
Рад.

* * *

Женщина!
Женщина.
Женщина...
Павшая с неба звезда...
То ли судьбой искалечена...
То ли со мною повенчана –
Может быть, в этом беда...

Звездные страны не ведаю.
Звезд не хватаю с небес.
И не считаю победою
Стать позаметней,
Чем есть.

Звездные,
Звездные гавани!
Как я давно не грущу...
Но, словно в дальнее плаванье,
В небо звезду отпускаю.

* * *

Красивое слово – «разлука».
Словно излучина синей реки.
Словно солнце,
В которое из лука,
Смеясь, пускают стрелы
Пареньки.

Я тоже играю словами.
Но больше похож на мишень.
А пули свистят над головами,
Потому что им целиться
Лень.

* * *

Этот был знатоком

И уже не творил,
Так как видел изъяны
Во всем.

А другой был весь –
Чувства!
И правила не признавал.

Говорят,
Я как раз посредине –
Ни правил не знаю,
Ни чувств.

* * *

Как притягательно то,
Отчего навсегда отступился,
Но не забыл.
Даже если отравы напился...

Ломит хребет
От чужих и ненужных забот.
Лошадь-судьба ломовая
Жилы рвет,
Но идет
Не назад, а вперед.

И во лбу у нее,
Как отметина давней мечты,
Светлый образ звезды.

От которой давно отступился.

* * *

Облака были в детстве большими –
В полнеба почти.
В полстраны
Умещались родительский дом
И друзья.
На другой половине страны
Были только мечты.
Как конфеты до праздника,
Трогать их было нельзя.

Я ходил там, где белые спят облака.

Я бывал на другой половине страны.
И конфеты на праздник
Сегодня для дочки важны.

А мечты в руки мне не даются
Пока.

Андрей ПОПОВ

* * *

Опускается серое небо,
Приближается к серым глазам.
Никакому румянному Фебу
Я бессмертной души не отдам.

Жертвы требует идол кудрявый,
Искушает свободой стиха.
А взамен ни покоя, ни славы –
Одиночество, лира, тоска.

Пусть летят аполлоновы стрелы
Мимо строк моего бытия,
Смерть – вот самое важное дело,
Умирать так за други своя.

* * *

Маленький город – большой огород.
Заспанный бродит какой-то народ.

Не во что верить. И не на что жить.
Как надоело от водки тужить!

Дела великого не предстоит.
Город зевает. А небо молчит.

Снова свою вспоминаю вину.
Душу спасали –
Проспали страну.

* * *

И отец мой,
И сын мой

Живут неправильно,
Сердце болит за них,
Не спасительно живут они,
Как и я.

* * *

Солнечный день – на душе хорошо!
Жизнь я свою прожил не так,
Как хотел.
Господи, Ты все время вразумлял меня.
И вразумил.

Олег РОЧЕВ

ДОМ

А в Кедва-Воме всё ещё стоит
Столетний дом – омшалый монолит
И в срубе лиственничном тёс лежит,
Ломая буры радиомонтёра.

Неистребимо полон стариной
Особый дух, таинственный, живой
И, чудится, кивает головой
Таёжник – Дед, с улыбкой, без укора.

Удастся ли ещё хоть раз пройти
К своим корням неблизкие пути,
Проникнуть в стародавнее, родное –

Не знаю, но надеюсь, как-нибудь
Туда смогу на время заглянуть
И – подышать заветной стороною.
КЕДВА

Мне выпало на Вычегде родиться,
Я здесь живу, я здешний человек,
Но отчего тогда ночами снится
Таёжной речки говорливый бег.

По разноцветной гальке перекатов,
Качая стариц жёсткую траву,
Кружа у пастей омутов шербатых

Приносит Кедва в Ижму синеву.

Вокруг – боров дремучие напевы
И тайны тёмных, пойменных озёр,
И ожерельями таёжной королевы –
Болот роскошных клюквенный узор.

Там нет мостов, ведь Кедва своенравна –
Весной сметает всё шальной поток,
И летом не бывает речка плавной –
Тут беспокойности моей исток.

Сестра родная северному лету –
Светла, и точно так же холодна,
Но, родовой памятью согрета,
В душе прижилась родником она.

Мне верится, и это очень важно,
Ещё споёт над головою старый лес
И Кедва уведёт меня однажды
На поиски не узанных чудес!

У КОСТРА

Вызвездило.
Снова подморозит.
Над стынущей рекой клочками – пар.
Душа сегодня равнодушна к прозе –
Костра мне ближе ласковый пожар,
Зелёные глаза Большой Медведицы,
Над дальним лесом Ориона стать –
Такие рифмы этой ночью встретятся,
Что в жизни городской их не сыскать.

Предзимний лес безмолвной тайны полон,
В кустах прибрежных падает листва,
А дым костра, настоящий на смолах
Уносит ввысь и мысли, и слова.

Река звездой играет напоследок,
Шуршит шугой, готовясь в долгий сон.

Наверно так сидел мой дальний предок,
И слушал льдинок тихий перезвон,

Бросал в костёр смолистые коренья,
Мечту протягивая сквозь огонь ко мне...

Я слушаю костра ночное пенье
И вижу деда в трепетном огне.

Виктор ДЕМИДОВ

ШАГНУ В НЕБО С ТОБОЙ

(Из цикла «Капели»)

Зарни ань - золотой женицине

Удачи, друзья

(пожелание)

У дачи - удачи!..

А в доме -
здоровья и счастья
родным и - кроме...

Друзьям и подругам,
и всей округе -
счастья в себе
и счастья - друг в друге.

Не поддавайся
мгновеньям печальным:
Кто любит, участлив
к ближним и дальним...

Не поскоплюсь
участьем втройне:
весны и расцвета
России-стране.

И нежного неба
Маме-планете,
где подрастают
гордые дети.

... Счастья тебе
и немножечко - мне.

Кто любит,
тот счастлив и молод
вполне.

По осыпям звезд люблю восходить

По снежнику,
по осыпям звезд,
по зыбучему Млечному пути
на вершину,
где живет Дед Мороз,
мне хотелось взойти.

Но крик восхищенья
некстати возник, -
и сорвалась звезда...
Рухнул лавиной слепой карниз,
и понесло в никуда...

Я удержался на гребне волны
и даже - упряжку спас...
Солнечноликим Богом весны
мне улыбался Спас...

Он не грозил:
- Ужо погоди!..
Он в небе парил невесом.
Он страстно желал мне:
- Живи и дыши
с миром моим в унисон!..

Люблю восходить по осыпям звезд,
в ладони ловить первый снег...
В самый лютый российский мороз
сердцем открыт Весне.

Лебеди в полях моих пасутся

Я один услышу в поле лебедей
под окошками бревенчатого дома.
Там, где небо голубого голубей,
где тропинка каждая знакома.

На проталинах изменчивой весны
кликуны картошку собирают,
о бессонной тундре видят сны

и по-птичьему о ней мечтают.

Не сорвусь сомнительным азартом,
сердце в ритме восхищенья удержу.
По зазимку - ломок он и лаком -
не вползу на тайную межу.

Отдых птиц тревогой не нарушу,
не спугну сторожкой стаи стать...
Солнца пламенеющую грушу
вознамерюсь их крылом достать...

Я - один, но с верною собакой.
Я - один - такие, брат, дела.
Слез - соседский черный кот наплакал,
Радости - широкие крыла.

Поднимусь душой не оскуделой,
вместе с ними в тундру улечу,
в смутную загадку ночи белой
на олене белом укачу...

И скажу, оборотясь к востоку
просветленным и родным лицом,
тундре:
- Мы не одиноки.
Здравствуй, Мать. Ты ждала -
я пришел.

Здравствуй, девочка Эхо!..
Здравствуй, девочка Эхо!..
Хочешь, я стану твоим смехом,
умноженным эхом
долины,
моренной, созвучной, суглинной?

Хочешь,
я стану твоим дыханьем,
упругим,
весенним,
ранним?!

Ты звонко-презвонко хохочешь...
Гадаю:

хочешь?..
Не хочешь?..
Хочешь?!..

Милое-славное Эхо,
ты просто не можешь без смеха...
Ты просто вторишь влюбленным -
возгласом,
песней,
стоном...

Солнышком в водах дробисься,
Звездами колко лучисься...
Тебе не дано отмолчаться ...
- Девочка Эхо, -
СЧАСТЬЯ!..

СЧАСТЬЯ
в чутком служеньи участью.

Былью станет небыль?
А что, - шагну с тобою в небо,
и сразу былью станет небыль.
И в руки - руки,
глаза - в глаза...
Что в небесах тебе сказать?!

- Радейтан мэ...¹
Тебя и Землю
и Мир возвышенный приемлю
какими есть...

Большая честь
хранить Любовь
такой, как есть.

... Рывок потряхнет нас, как котят,
и распахнется дивный сад -
упругих куполов соццветье
наполнит свежий светлый ветер...

И в небе плавное скольженье,
как факт земного притяженья...

¹Радейтан ме (коми) - люблю

Неотвратимое сближенье...
Толчок, как точка в предложенье.

... Еще шагну с Тобою в небо.
Еще познаю грусть и небыль.
Всё суета сует.

Лишь Ты -
земная сущность Красоты.

Мною владейте

(*Признание*)

Мною владейте:
МЕ ТЭНО РАДЕЙТА.
МЕ ТЭНО РАДЕЙТА...
Мной,
как собой.

Вы не робейте:
МЕ ТЭНО РАДЕЙТА.
Я - не колючий,
хотя - не ручной.

К жизни приучен.
Пока - не приручен.
Возьмись - при-ру-чи!..
Ты ведь ладошками ловишь лучи!..

Желайте.
Жалейте.
Крепостью,
кротостью сердца владейте:
МЕ ТЭНО РАДЕЙТА.²
МЕ ТЭНО РАДЕЙТА!..

Ты слышишь меня?

Секунды кап-кап...
Минуты - так-тик...
Ты - стойкий оловянный солдатик
на утлом кораблике
из серой газетной бумаги,
полный отваги
на крутой житейской волне

² Ме тэно радейта (коми) - Я тебя люблю.

и сочувствия к существам на дне...

В повадке - русалочья плавность.
В жизни - заглавность,
уверенность в парусе-дне
и немножко, быть может, во мне.

В твоей летучей улыбке -
певучие линии скрипки
звучат на звонкой струне -
в тишине,
при луне,
при вольготном цыганском огне...

Интересно,
вдвоем нам было бы тесно?..
Если б - с тобою одне -
сошлись в колыбельном челне?!
... Разбудила бы струны во мне
на раскатистой свежей волне?..

Белогрив, как волна, и светел
берега замечает ветер
и со штилем в извечной борьбе
улетает к ждущей - Тебе...

Он нашепчет тебе про Это,
наплетет, Бог ведает, что:
пролетело красное лето,
ну а бабье-то не ушло!..

Лебединые слышатся трубы.
Я на убыль еще не убыл.
Я - твой снежный и нежный ветер
овеваю тебя на рассвете,

окрыляю свежим дыханьем,
окликаю тебя расстояньем
меж закатом и утром дня:
- Просыпайся. Ты слышишь меня?!

Гусли дождя
Дождь,
протяженный во времени,

дождь,
протяженный в пространстве
странствий...

Дождь,
протяженный во мне,
извне - в моем дне
сомнений,
чуждых и не чуждых мнений...

Звучащий гулче и чаще
в дрожащей дремучей чаще...
Душой омытой - юной
играю на твоих струнах,
дождь протяжного вздоха
и шелестящего эха....

К нему я тяну ладони:
- Не уходи - не гоним,
все освежающий,
все обновляющий,
омывающей ауру дождь,
силу жизни умножь.

... Постоял,
пошумел,
послушал,
настроив струйные уши.
Щелкнул по носу
в небо воздетому колосу
надежд,
ожиданий,
Любви:
Мы - свои!..

И ушел в леса на рассвете,
и по лужам шлепали дети,
и плескалось солнышко в лужах
лебеденьшем неуклюжим...
И звучало певучее: - Жди
золотые грибные дожди!

Он придет - я калитку открою.
И с Тобою нас станет трое.
И уйдет босоногий в поля,

животворной влагой пыля...
И озвучит рука твоя
многострунные гусли дождя...

Я всего листочек Родины...

(Разговор с деревьями)

Хорошо ли вам колыхается,
вам поется на ветру?
Хорошо ли листьям дышится
то в прохладу,
то в жару?

Прикоснусь к щеке березовой
человеческой щекой:

Ты утешь меня,
любимая.
Ты утешь и успокой.

Я всего листочек Родины
на зыбкой ветке бытия,
гроздь соплодия смородины,
если вместе ТЫ и Я.

Хорошо ли вам колыхается
в предвечерней тишине,
хорошо ли песня слышится
на березовой волне?

с.Корткерос, Катyd.

Старого Томаса дочь

(Позывные прошлого)

Vana Тоома tutar,
Старого Томаса дочь!
Встретишь ли хмурым утром, -
поезд уходит в ночь.

Ему у пустынных вокзалов
долго и хрипло кричать,
в жестких ладонях вагона
твое нетерпенье качать...

Балтики встречный ветер
поцелует в ямочки щек.
И затрепещут веки:

- Здравствуй, милый!.. Еще!..

И покатится в гору
жизни воспрянувшей воз
в толпе одиночек,
в которой
ты сам себе тепловоз!..

Vana Tooma tutar,
на гребне встающей волны
вспомни раннее утро
Роденовской «Вечной весны»!

**Ленинград, июнь 1972 -
Сыктывкар, 2.12.2002 г.**

Вернусь дыханием весенним
Уплыву я облаком вечерним,
тронутым окалиной лучей,
и вернусь дыханием весенним, -
весь земной и всё-таки - ничей!..

И пройду все степени цветенья,
созревания в волнующейся ржи
На васильке небесного виденья
ты волшебный взгляд свой удержи.

И подумай: «Он к друзьям уехал,
но вернется, верю, всеравно...»
Отзовусь я гулким звучным эхом,
гибкой веткой постучу в окно.

Андрей КАНЕВ

* * *

Откройте все двери и окна,
Стихи отпущу на свободу,
А то сквозь разбитые стекла
Поранятся, выйдя к народу.

Нет мочи держать их в уздечке
И в стол их писать, а не в книжку.
А время, увы, быстротечно...

Откройте на окнах задвижки.

Плевать вам на прозу и вирши,
Вы только плетете интриги,
О, те, от кого я завишу,
Вернее, не я, мои книги.

Стихи мои вышли к народу,
И кровь была алой, не блеклой,
Пройдя сквозь огонь и сквозь воду,
Пройдя сквозь разбитые стекла...

* * *

Стучали колеса телячьих вагонов,
По телу России неслись поезда,
В одном из которых страдала корова,
Ее в Коми край привезут навсегда.

А там по-над Доном пустели станицы,
Сгоняли зажитков с насиженных мест.
Мелькали в вагонах казацкие лица.
На Север они увозили свой крест.

Страдала корова по имени Машка.
Никак не понять ей за что, почему
Ей выпала доля рогатой дурашке
На Север в вагоне катиться в тюрьму.

Мой прадед казак хитромудрый за Машку,
Чтоб вместе с людьми в тот телячий вагон,
Отдал коменданту дамасскую шашку
И старый с огромной трубой патефон.

Корова страдала от голода горько,
От каждой в судьбе непонятной версты.
Мой дед так и выжил, он был ей теленком...
А вдоль полосы колосились кресты.

Рябая буренка спасла человека,
Давая за сутки стакан молока.
Шел третий десяток двадцатому веку...
А я в двадцать первом живу вот пока!

* * *

Андрею Терзи

Осветила ракета блокпост,
И дороги чеченской столицы.
Ветер запахи гари принес,
Запорошил снежками бойницы.

Все не кончится эта война...
Трассера... И бомбят к горизонту.
На висках у ребят седина,
Восемь дыр у "вертушки" по борту...

Мы не только умеем стрелять,
Побеждать и бандитов треножить.
Мы умеем еще отдыхать,
Песни петь, те, что душу тревожат.

Укушу шашлычок с вертела
И развалены Грозного вспомню.
Пусть за нас не боится страна,
Ведь ОМОН победить невозможно...

ПОГОНЯ

Александру Яковлеву

Был дождь...
Визжали тормоза.
И в свете фар, пугая сосны,
Метала молнии гроза.
Щебенка сыпалась с откоса...
Преступник, совершивший зло,
Жал на педали исступленно –
За ним гналась рука закона.
Дрожало матово стекло...
Сержант из службы ППС
Уверенно ведет "УАЗик".
Свидетелем погони – лес.
Он правду рассказать обязан.
Нетрезвым взглядом на него
Взирает зло, боясь ответа.
Небритость щек в кулак светло,
В кармане камень пистолета...
За поворотом поворот –
Так продолжается погоня.
Смерть

Скалит свой беззубый рот
И выбирает:
Их ведь двое...
Будь снисходительна, судьба,
К тому, кто грудью защищает
Других людей и их права,
Достоин жизни он...
И славы!

* * *

Юрию Коврижных

Войну окончив капитаном
Он орденов не заслужил,
С тех пор бывал частенько пьяным
На складе сторожем служил.

И во дворе "козла забивши",
Жизнь разбавлял свою пивком...
А по ночам во сне забывшись
Вновь по Европе шел пешком.

Медальки брякали с устатку,
На старом мятом пиджаке,
Когда шагал он для порядку
На День Победы налегке.

И я его почти не видел,
Когда он мусор выносил,
И, может, пару раз обидел,
За что он тут же и простил.

Но пламенем Афганистана
Пахнуло как-то на меня,
Застряла скрежетом металла
В душе убийца Чечня...

Сейчас, когда идет с натугой
По лестнице к себе сосед,
Тяну ему я руку друга,
Не уклоняюсь от бесед

О том, что плохо в государстве,
Да и замучил ревматизм,

А рюмки две в обед – не пьянство,
А просто, мол, такая жизнь...

Евгений СУВОРОВ

* * *

Расскажи мне дед Максим, расскажи!
Как ты хлебушко растил? Как ты жил?
Как ты полюшко пахал, боронил?
Как растил тринадцать ртов, как кормил?

В доме ветер лишь гулял, да беда,
На столе полынь-трава, лебеда.
Пять детишек, не дожив до трех лет,
С голодухи отошли на тот свет.

Как в Германскую на Первой войне,
Лихо с немцем воевал на коне.
Под собою трех коней потерял,
Пуля-дура не убила тебя.

За Святуя Русь дрался, не за страх,
Возвратился в дом в геройских крестах,
В царской армии для всех был пример:
Бравый унтер, боевой кавалер.

Как с берданкою ходил на лосей,
Да на белок, да на диких гусей,
И медведя не боялся в лесу,
Бил и уток, и бобра, и лису.

Говорят, ты шибко девок любил,
Говорят, что мою бабку ты бил,
Говорят, любил и пить и гулять,
А не только на войне воевать.

А, подвыпивши, любил газовать,
Свою силушку на всех показать:
Брал трехлетнего быка за рога,
И валил быка оземь на бока.

Поднатужившись, коня поднимал,
Гнул подковы и оглобли ломал,
Мужиков всех на лопатки валил,

А не то и по сопатке глушил.

На деревне сильным - главный почет.
Говорят, ты хитрый был, словно черт,
Над соседями любил подкузьмить,
Перед каждым встречным шутку съязвить.

Все и звали тебя так "Рыжий бес".
Раз на дерево в деревне залез,
"Эй, Макар, держи!" - соседу сказал,
Снял штаны ... и за вранье наказал.

Все страдали от дедовских проказ.
Ты не только по дворам девок пас.
То подбрасывал лягух бабам в рот,
То сметану уплетал, словно кот.

... Расскажи мне дед Максим, расскажи,
Как ловил живьем ты зайцев во ржи...
С фотографии старинной глядят:
Борода, усы, да хитрый твой взгляд.

... Не расскажет дед Максим ничего,
Под рябиною лежит прах его.
Умер он, я не родился на свет.
Жаль, не встретились с тобой, милый дед.

РОССИЯ

Время зовет
В дальний поход -
В бой со слепой стихией.
Вера моя,
Доля моя,
Время мое -
Россия!

Никнет жнивье
И воронье
Кружит на небе синем.
Счастье мое,
Горе мое,
Радость моя -
Россия!

Встану стеной
За край родной,

Грудью пред злым Батыем.
Сердце мое,
Солнце мое,
Песня моя -
Россия!

Будут опять
Храмы сиять,
Грянет Русь с новой силой.
Вера моя,
Слава моя,
Гордость моя, -
Россия!

* * *

В заколоченные окна
Не стучится больше ветер.
Опустевший, без хозяев
Приуныл бедняга дом.
Разлетелись все по свету,
Никого в деревне нету...
Сизый дым от сигареты
Поднимается столбом.

Заросли крапивой двери,
Нет тропинки до калитки.
А когда-то жизнь бурлила,
Била радостным ключом...
По столбу ползут улитки,
Средь ромашек маргаритки...
Ни знакомых, ни политики,
Ни вопросов: что - почему?

Никуда я не поеду
От родной своей землицы.
Что мне город? Что работа?
Я давно от них устал.
Лишь бы теплилась лампада,
Да Господь дал сил трудиться,
Да еще Ему молиться, -
Славить Господа Христа!

**ПОГОСТ ПОЛИТИЧЕСКИХ
ССЫЛЬНЫХ**

Я жил и работал в суровом краю –
В таежной Ухте журналистом.
И был в этом городе, я не таю,
Знаком не с одним сталинистом.
Опричники северных концлагерей,
Они не имели уж власти,
о и никогда не скрывали своей
Недавно безудержной страсти.
Немало того, что увидел я там,
Услышал, с годами забылось,
Но вспомнился город хороший Ухта,
И сердце тревожно забилося.
Припомнил поездку одну в леспромхоз,
Я ехал по узкоколейке,
Весна начиналась – и дух от берез
Шел чуть горьковатый и клейкий.
Чечетку по рельсам стучал паровоз,
Его называли "кукушка"
За голос. Плывут хороводы берез,
Опушку сменяла опушка.
И вдруг я увидел большой косогор
Песчаный в какой-то печали,
Пила не одна, не один и топор
Когда-то его расчищали.
Там колышки были из-под топора,
Я вижу их, словно сегодня –
На них номера, номера, номера...
Видать, не одна их там сотня.
Седой машинист, дав протяжный гудок,
Сказал мне: "Тут зэки зарыты,
Покорно несли они крест свой, как срок, -
Политики, а не бандиты.
В страну лагерей воплотивши мечту,
Иуды статью им пришили,
Вторые пути они на Воркуту
Жестокой ценой проложили".
Я думал, печалью и болью объят,
Об этом убогом погосте,
О том, что под рельсами всюду лежат

Не шпалы, а сирые кости.
Рыдал паровоз над весенней тайгой,
Шел тихо, давился он дымом...
И я не забуду тот вечный покой
Убитых преступным режимом.

Ухта-Могилев, 1999 год.

КОРОЛЕВА КРАСОТЫ

Мороз под сорок силу набирает.
Но что такое сорок для Ухты,
Когда таежный город выбирает
Сегодня королеву красоты?
А выбирают только лишь мужчины,
На них любой всегда держался трон –
И для сомнений нет у всех причины,
Что для достойной и сегодня он.
Завистливости женской не касаясь,
Хочу заметить я: и в наши дни
Никто не может оценить красавиц
На конкурсе точнее, чем они,
Они, мужчины, рыцари и трусы,
Любимцы и невольники судьбы,
Закованные страстью жаркой в узы,
Небесной женской красоты рабы.
Красавицы выходят словно звезды,
У каждой лик, а не лицо, и стать,
И потому не просто, ох, не просто
Из них кому-то королевство дать.
Хотя сердца мужчин незримо тают
(Принцессы все на должной высоте),
И все-таки у каждой не хватает
Светлинки самой главной в красоте.
Но вот выходит Мезенцева Света,
В ней, как сказал бы истинный поэт,
Не просто много, очень много света –
В ней тьмы ни капли, ни пол-капли нет.
И вот сидит она на троне чинно,
На ней сияет царственный венец,
Ведь еще раньше выбрали мужчины
Светлану королевою сердец.

ОБНАЖЕННЫЕ

Один фотограф, к символизму близкий,
Которого он толком и не знал,
На фоне двух колоколов хатынских
Со смаком обнаженную заснял.
Точней: была его сложней работа –
Фантазией и опытом руки
Соединить в одно два разных фото,
И он соединил их мастерски.
На фоне государственной печали
Всех деревень, что сожжены дотла,
На фотовыставке мы увидали
Красавицу в чем мама родила.
Что это символ, я, конечно, понял,
Но вот каков он, мне не все равно,
Я был из тех, кто в это время вспомнил
Войны документальное кино.
Я в нем увидел женщин обнаженных
С отчаянной стыдливостью в очах...
О, Боже, Боже! Сколько их, сожженных
Войною в крематориях-печах!
Печаль не проходящая Хатыни
И "обнаженки" молодая стать...
Да разве можно памяти святыни
Вот так за не хрен делать осквернять?

Николай ГЕРАСИМОВ

* * *

Привыкаю к краям пустынным,
Прикипаю к просторам безлесым.
Над которыми звезды стыннут
Вьюги с полюса куролесят.
Где в июне белые ночи
Так белы, что нигде не сыщешь!
Где ветра по тропах хохочут.
Да лихие мелодии свищут.
И влюблюсь – навек, без оглядки!
В безупречный овал озерный.
В глухомань седого распадка
В безнадежно стылые зори.
Растрянжирю на них я годы

День за днем до последнего вздоха.
Обрету покой и свободу,
Были их соберу по крохам.
Час последний найду в дороге
На тропе желанной не близкой
Вот и все... В карауле строгом
Горы склонят головы низко,
Упадут в долины туманы,
Затоскует дождями лето.
И минутой молчанья помянет
Своего бродягу Планета.

* * *

А. Боровинских

Пусть костры горят на наших тропах,
Пусть они ведут вперед и вверх.
Пусть метели не устанут штопать
Наши души. Пусть открыта дверь
Будет всюду – в белый день и в полночь.
Пусть звезда без устали горит.
Пусть нас встречный добрым словом вспомнит,
Но богов из нас не сотворит.
Пусть друзей надежны будут плечи.
Пусть подруги нас не подведут,
Пусть скупы и кратки будут речи,
Пусть дождутся те, кто дома ждут.
Пусть усталость гнет к земле в распадке,
Пусть пурга шальная валит с ног.
Все путем, ребята, все в порядке –
Жизнь гроша не стоит без дорог!

Раиса КУКЛИНА

* * *

Не заучивайте роль...
Она может измениться,
Как меняется пароль!
Не заучивайте роль...

Не спешите расставаться...
Лучше на день да – остаться.
Боль сердец угомонить!
Не спешите расставаться...

Не жалеете ни о чем,
В нашей жизни все прекрасно,
Хотя многое не ясно.
Не жалеете ни о чем...

* * *

Я задыхаюсь от твоей боли...
Ты себя не убивай,
Будет радость,
Будет рай.
Нежность так же бесконечна,
Как и счастье.

* * *

Я оставляю себя там, где мне было хорошо...
А потом – я себя непременно возвращаю
в загадочное сегодня
и вращаюсь на карусели
моего непрерывного счастья.

* * *

Ищу спасенье для дыхания,
Вдыхая Слова аромат,
И прилетает вдохновенье,
У...да...ля...я... в жизни ад.

Андрей ЕВСТЮНИЧЕВ

ВЕЧЕР ЖИЗНИ

Коршун молча над полем кружит,
Солнце молча уходит с небес...
Мое сердце сегодня болит
За дома, огороды и лес.

Все затихло кругом и молчит,
Угасанье наводит тоску,
От ушедшего сердце щемит,
Ветерок не шевелит листву...

Прожит мною еще день один,
К смерти сделан еще один шаг.
Помню столько из жизни картин
Страшных, горьких... Забыть бы, да как?

Век почти за плечами, сынок,
Видно скоро наступит конец.
Знаю, вечен один только Бог –
Наш Создатель и миру Творец.

Мое сердце сегодня болит
За дома, огороды и лес.
Коршун молча над полем кружит,
Солнце молча уходит с небес...

ВОЙНА В ИРАКЕ

Вновь загремели орудия
Не далеко от России...
Там над Ираком орудует
Американский мессия.

Древний Багдад рушить танками,
Бомбы на головы сыпать
Мол, страной правит диктатор...
Это не повод, простите.

Нефть – вот причина агрессии!
Нефти запасы чужие
Американские бестии
Взяли да и захватили.

История – точная дама,
Всех вознесет по делам.
Но не забудется драма
Детским арабским сердцам.

Аркадий КАЛИМОВ

* * *

Весна, но пасмурная просинь...
Я шел к тебе, на зов судьбы.
Хотя в душе бушует осень,

Дошли к Всевышнему мольбы.

И мир открылся перед взором,
Как будтоходишь в Божий рай.
Раскинулся лесным простором
На карте мира отчий край.

В меня вселяют вдохновенье,
И озеро, и птичий гам.
Здесь жить, уверен, не везенье,
А благо людям как богам.

Как будто на лазурной глади –
Пушинки снега улеглись.
Сидят охотники в засаде
На белокрылых райских птиц.

Они того не понимают,
Что в своем северном краю
Не уток к ужину стреляют,
А прямо в родину свою.

* * *

Здесь когда-то была деревня,
А теперь же три дома всего.
На пригорке часовня древняя,
Со святым упокой ты ее.

За страданья людей и время,
За деревню Вадкерес-ув
Не оставили люди семя,
Будто ветер их вихрем сдул.

Растащили последнюю утварь,
За долги пораздали скот...
Молодежь поразъехалась утром,
Чтобы было что бросить в рот.

Боль шипов сбора спелой малины
Не впивается в сердце, лишь стон
За деревню, ее подрубили,
Хоть корнями цеплялась в дерн.

Эта боль никогда не сгинет.

Виновато ли время в том,
Что гнездо родовое гибнет...
Ставлю крест, будет новый дом!

Митрофан КУРОЧКИН

ПОРЯДОК НАВОДИЛ В ЧЕЧНЕ

Порядок наводил в Чечне
Парнишка небольшого роста.
И это было не во сне,
И было это, ох, не просто.

А на войне, как на войне,
Бомбят, дороги рвут фугасы,
Долдонит пулемет во тьме
Чеченским непонятым басом.

Ему снаряды подпоют,
Визжат они как поросята...
Совсем не праздничный салют –
Стреляют ими в ночь ребята.

Сергей омовцем служил,
Искал, ловил в горах бандитов,
Мотался не жалея сил,
И стал он славным следопытом.

Медаль и орден получил
За мужество и за отвагу.
Старшой не раз его хвалил,
За то, что верен был присяге.

А пострадал он не в плену –
"Растяжку" как-то не заметил.
За эту странную войну
Без ног теперь на белом свете.

Друзья с коляской помогли,
Кому теперь "обрубок" нужен...
В нее разведчика впрягли.
Он льготами страной контужен...

Уже прошло не мало лет
С войны чеченской той вот - первой,
Протезов же все нет и нет,
Ну а без них герою скверно.

Ведь был отличным следопытом.
Мотался не жалея сил,
Искал, ловил в горах бандитов,
И свято Родине служил...

ПАМЯТНИК

Всем поколениям будет близким
Войны промчавшейся урок –
С огнями звезд на обелисках
Кудрявой рощи уголок.

Боец на постаменте строгом
В печали голову склонил
Над теми, с кем одной дорогой
На битвы грозные ходил.

С кем вместе в ожиданьи боя
Пел песни, по родным скучал,
С кем правил дело боевое
А вот домой не дошагал.

Ромашки дремлют у траншеи,
Шиповник на бугре расцвел.
Отсюда он, в победу веря,
В последнюю атаку шел.

Не знал, где смерть его осилит,
Но был готов он жизнь отдать
За то, чтоб матери-России
Честь и свободу отстоять.

Но только бронзою застывшей
Хранится память о войне.
Мир – лучший памятник погибшим,
Пусть будет вечным на земле!

ФЕВРАЛЬ В ЛЕСУ

Ледяные ветры начали уборку,
По сугробам ходят со своей метлой,
Но мороз украдкой спрятал снег под корку
И теперь смеется в бороду хитро.

Жалуясь на стужу, все кряхтит ревматик,
Старый, как легенда, наш сосновый бор,
а беспечный ветер бродит, как лунатик,
Трогая на ели головной убор.

Но притихла вьюга, кончились метели...
По лыжне приметной не спеша иди.
Семена заметишь и клестов на ели,
Вон блестит осина где-то впереди.

Распевают птицы песенку-веснянку.
Солнышко родное, ты сильнее свети!
И в лесу февральском даже спозаранку
Без примет весенних шагу не пройти.

ПРОБУЖДЕНИЕ

Искрится снег, слепит глаза,
Привет на землю солнце шлет.
Сосульки синяя слеза
Сугроб слежавшийся клюет.

Заметишь лужицы воды.
На заборе птичек ряд,
Чирикают на все лады,
Свой чистят свадебный наряд.

В лесу журчит уже ручей,
Хотя кругом снега пока,
И бормотанье косачей
Там вторит песне ручейка...

СОСЕД АФГАНЕЦ

Сосед в Афгане воевал,
Ходил в смертельные атаки...
Друзей погибших поминал

И, не стесняясь, горько плакал.

Его же смерть не позвала -
Такая выпала судьбина.
Но боль он страшную познал,
Ведь рядом разорвалась мина.

Беду большую принесла -
Осколком горло повредило.
Земля афганская спасла,
Но в пекле том оставил силу.

С тех пор сосед сипит-хрипит,
Глокает со слезами пищу.
Властями начисто забыт.
А пенсия всего лишь тыща.

Отправивших его в Афган,
Солдат не упрекнул ни разу.
В атаках был, как ураган,
Разумно выполнял приказы.

С тех пор во сне всегда кричит,
В атаки ходит, как и прежде:
«Колян, прикрой же, паразит!»...
Мешает спать своей Надежде.

Порой меня к себе зовет.
А пенсия его убога...
Сидим всю ночь напролет
И выпиваем понемногу.

«Желаю я, - сказал он мне, -
Коньки отбросить не зимою...
Как проще было на войне,
Ведь смерть там шастала с косою...»

Конца обид его не видно:
«Похоронили нас живых!
Поверь, мне за Державу стыдно...», -
Разгневался солдат на миг.

Упрямо глядя в никуда,
Он мне сказал: «Война – зараза...»

Спросил: «Напрасны муки, да? –
Махнул рукой. - Уж лучше б сразу...»

Людмила ГАВРИЛИНА

РАЗГОВОР В ЮЖНОМ АЭРОПОРТУ

-Ах, этот север:
Клок неба серый,
А чем-то держит –отдохнул и заскучал:
По лютой стуже,
По синим лужам
И белым изнуряющим ночам.

-А я о том же,
Но, может, тоньше
Я свои чувства не умею выразить.
Так вы скажите,
Зла не держите:
Мол, тормоз жми, земляк, на виражах .

-О чем мы спорим?
Конечно, море
Нам для здоровья очень нужно – раз в году.
А сердцу – север,
Простор немерян.
Отменят рейс – пешком в Тюмень уйду.

Там небо - ниже,
Там к Богу – ближе.
Знать, от того светлее лица северян.

-Я – воркутинец.

-А я – интинец.

-А я беру билет на Магадан...

ВОСПОМИНАНИЕ

У седого плетня
Обнимала меня
Та девчонка,
Что я полюбил:
"Никаким поездам
Я тебя не отдам,

Ты единственный мой,
Ты мне мил".

И свидетель луна,
Как грустила она,
Провожая меня в дальний путь:
"На растущей луне
Вспоминай обо мне
И на тающей не позабудь".

Я наказ не забыл:
Никого не любил
И мечтал возвратиться скорей.
Только пуст был перрон –
Вот разлуки закон-
В тусклом свете родных фонарей.

Ни ее не кляня,
Ни себя не виня,
Я с другой песню жизни сложил.
А любви юных лет
Нестареющий свет
Навсегда мою жизнь озарил.

И понятна мне боль
Тех, кто встретил любовь
И кто шепчет, отправившись в путь:
"На растущей луне
Вспоминай обо мне
И на тающей не позабудь".

Лариса ВЫСОЦКАЯ

МНЕ НЕ СПИТСЯ

Синеватый луч звезды туманной
Сквозь решетку в камеру струится.
Что сейчас с тобою, друг желанный?
Так ли, как и мне, тебе не спится?

За стеной куда-то поезд мчится,
Клубы дыма в мраке растворяя...
Мой родной, сегодня мне не спится...
Почему, я и сама не знаю.

Все заснуло, замерло, застыло,
Все совала ночь могильной мглою.
Мне не спится, друг мой вечно милый,
Я в мечтах беседую с тобою.

Львов, 1948 год.

* * *

Какая радость – жить на белом свете
И слышать вновь журчание ручьев!
Встречать лицом к лицу пахучий ветер
И милых прилетающих певцов!

И утонуть душою восхищенной
В том мире нескончаемых чудес
И песен над землею обновленной,
В том празднике сияющих небес!

Усть-Воркута, 1955 год.

* * *

Нас водила Глупость
В дальние края.
Нас бросала Глупость
В тюрьмы-лагеря.

Нас учила Глупость
Разуму-уму.
Да не научила
Явно ничему...

Киев, 1990 год.

Лара ГОНСКОВА

К ВОЗВЫШЕННОМУ

Я – самозванка на этом пиру
И ни на что не надеюсь!
Главная цель – передача перу
Зова, что к совести... Целюсь!
Целюсь! Взываю, молю и кричу...
Сердцем кричу – не стихами.
Коль под стопами стелет земля –
Значит не то что-то с нами...

О СМЫСЛЕ БЫТИЯ

Мир прокурен до основания.
Жизнь ночная в разгаре.
Зря-Иешуя был...
Крест...
Закланье...
Символ Высшего Бытия.
Трагедийность сиюминутна.
Полнолуния зоркий глаз
Бдит отменно...
Событий лента – тонкой змейкой –
Сквозь нас... сквозь нас...

НАЧАЛО КОНЦА

Опутано все долларovým смрадом.
В бреду идей – сошла на нет душа.
Не тороплюсь, чудак, спешить уже не надо...
Ты опоздал... греша:
Без устали и до изнеможенья.
Хоть гибок мир, но все же – обречен!
Уходит свет...
Ведь всепроизволение –
Одно из самых жутких в мире зол.
Окутано все долларovým смрадом
В бреду идей сошла на нет душа...
Не торопись, чудак, спешить уже не надо!
Ты опоздал... греша...

Владимир ОЛОФИНСКИЙ

* * *

Ее забудут, уже забыли,
Она, как будто, всем мешала.
Другие и сильнее были,
А эта тихо в одеяло.
Дожди хлопочут,
Крыши моют,
В осенний день, как по бульвару,
Метет аллею старый дворник

Весенних дней прощальный саван.
Зимою снег холодный чистый.
Следы к крыльцу.
Приехал Слава...
А почтальон сует конвертик,
А сына, как и не бывало.
Погиб герой, детей спасая
Детей чужих в России малой.
Ее забудут. Уже забыли...
Вчера к другой стучали в сенцы.
Листва шуршит: "Не забывайте
Ту мать убитого "чеченца"..."

* * *

Ты последний день не знаешь,
Он уходит в расстоянья,
Он уходит в расставанья
И на временные встречи
Далеко ли недалече.
Ты сегодня шутишь с небом,
А оно в раскатах грома.
Только эхо за рекою
Повторяет: "Не готова..."
Не готова, не готова
Ты на божий суд явиться.
Словно, раненная птица,
О пощаде умоляя,
Рая сладкого боится.
Или ад задев рукою...
Рев ужасный над рекою:
"Не готова, не готова..."
Шаг за шагом убегая
И из ада и из рая,
Ты последний день не знаешь.
На Земле ты проживаешь.
И когда вдруг спросят снова,
Говори, что жить готова.
Умереть, чтоб радость рая
Ощутить озябшей кожей,
Или адовы мученья пережить
За рай земной.

Хорошо, что ты не знаешь
Этот самый день последний.

Хорошо, что ты сегодня
Вновь останешься со мной.

* * *

Горем вымытые руки
Опускаю я на плечи.
Мы с тобой не замечаем
Этот белый зимний вечер.
Мы его не замечаем,
А еще не замечаем
Звезд нетронутое море.
Потому что давит плечи
Солью вымытое горе.
Тихо падают снежинки,
И плывут дома, машины,
Голоса свои не слышат
Солью вымытые шины.
Горем вымытые руки
Я еще тоской умою.
Тихий белый зимний вечер
Мы не встретимся с тобою.

* * *

Сыну.

"Я подарю тебе мечту..."
И сны в придачу.
Не пожалею все отдам,
Лишь на удачу.
Там небо чистое как лед,
И дождь по средам.
Цветы, цветы, цветы кругом -
Нет места бедам.
Я в детстве розовом своем
В анфас и в профиль.
И не знаком пока ни Бог,
Ни Мефистофель.
Нет искушений, все легко,
Легко и просто.
И в небе есть твоя звезда,
А в море остров.
В ручьях живых течет вода,
Она живая.
Друзья не бросят никогда,
И жизнь бо-ольшая.

И я там был и мед я пил,
Скажу без фальши.
А ты сиди и помолчи
Мой милый мальчик.
А помнишь мама, как пыльца –
Платок в горошек..
Слова ее: "Он весь в отца,
Мой сын хороший..."
Луна холодная в саду –
Ночное солнце,
Сирень кудрявую кладу
В ее оконце.
Девчонке рыжей о любви
Стихи напишешь.
Ты подожди пока спешить.
Меня ты слышишь?
А, в общем, что тебе сказать
Ты сам все знаешь.
Мечты не дарят никому.
Ты понимаешь?

* * *

Помнишь, как делили мы талон,
Что женой припрятан в "Капитале"?
И бежали в винный за углом,
Водку, где в стаканы разливали.

Ты не лез в политику, нет-нет,
Не читал газеты на диване.
И молчал про тех, кто по стране
С кепкою в бетоне и в металле.

Душу открывал свою для всех,
О работе говорил конкретно.
Делал все умело не на спех,
И всегда казался незаметным.

Умер друг, хороший человек,
Хоть казался смерти не доступен.
Год последний доживает век...
А России путь все так же труден.

СЛОВА...СЛОВА...

1.

Ложатся бойко на листы слова –
Скопилось много их.

Спроси: а хочет ли душа
Им дать путевку в жизнь?

2.

Слова на чистый лист ложатся,
Свистят как пули у виска.

Кого они теперь настигнут:
Толь рысака, толь седока?

3.

Ах, эти грубые слова,
Идущие из глубины порока.
И убивают походя любовь –
Желанную любовь до срока.

4.

Как много душ невинных и простых
Уходят в небеса до срока.

Не убивайте вы их словом злым,
Что с губ сорвется ненароком.

5.

Банальные, расхожие слова
С чиновных губ нечаянно слетели.
Их "раскрутила" телебратия сполна –
Те ранг крылатых заимели.

ДУША И ТЕЛО

Ну что такое красота?
Лишь взмах руки,
Мазки румян и теней –
И вот готова дива-дева.
Но тут душа вступает в спор
С пороками – такое дело!
Заметили? И это не укор:
Извечен спор души и тела.

ВЕСЕННИЕ МОТИВЫ

Весна на исходе, природа ждет лета,
Черемуха в платье невесты одета.

Холодом снова вдруг потянуло –
Это весна тяжело так вздохнула.

Люди готовы к солнцу и к свету,
И к обновленью, и к многоцветью.
Много бы отдала в жизни этой,
Чтобы не раз еще лето встретить.

Чтобы не раз еще в белой кипени
Вишни стояли, пернатые пели,
Чтобы черемуха ветвью качала
И все повторилось сначала, сначала...

Валентин ОХАПКИН

МИНИАТЮРЫ

Пишу почти на подсознании,
Мне скажут: что пуста строка.
Не верьте им – моим писаньем
Водила ангела рука.

Быстротечная жизнь продолжается,
И зовут меня снова на сбор
Мои внуки - три парня, три русича:
Дима, Никита, Егор.

Людей на свете столько разных!
Но мало избранных, а много званных.

О, солнцеликая береза
России символ вековой!
Ты принимаешь боль и слезы,
А возвращаешь мне покой...

Пусть вашей доли не коснётся
Измена – острием меча,
И в вашем сердце пусть зажжется
Любви негаснувшей свеча.

Лови тот миг! И пусть преградой
Не станет мой незрелый слог;
Твои слова звучат наградой,
Когда ты шепчешь «Ты – мой Бог»!

Угодила Русь на тризну:
Распродали всю Отчизну!
Грабь Россию – богатей!
...Идут реформы упырей.

Как часто покоряемся мы страсти,
Порой преувеличиваем страх,
Нам говорят: - «Все держится на власти,
А жизни суть стоит на Мастерах».

Людмила ВТЮРИНА

СЕДЬМОЕ МАРТА

Утро, как дитя, проснулось.
Потянувшись, улыбнулось:
- Мороз!
За углом, на перекрестке
две картонные коробки
мимоз.
У цветочницы шумливой
каждый праздничен на диво
букет.
С помощью прохожих мигом
тает ворох теплых бликов,
как день.
Мартовским котом крадется
вечер за угол.
Коробок
там нет.
озабоченные лица
проплывают вереницей

след в след.
Фонари уныло светят
в снег затоптанным соцветьям.
А те...
Те мерцают словно звезды
гаснущие. Словно слезы
людей.

* * *

Стекло
 озеро
 дождика
 с моего зонта...

Стекло -
 между
 МОИМ
 лицом и
 твоим лицом.

Стекло -
 между
 моей душой и
 твоей душой.

Стекло -
 между
 моей судьбой и
 твоей судьбой.

ДОМА ЖДУТ

Сайку с изюмом,
булку с присыпкой,
сушки и рыбку
в сумке
 несу я.

Дома
 ждут детки,
ждет кот мохнатый,
 муж
 бородатый.

Ужинать есть с кем.

* * *

Шум города затих,
Чуть слышно пенье птиц,
Журчит ручей в ночи,
Да ветку ветром бьет...

И в нашей жизни так
Бывает что ни день,
Все тело будто спит,
А сердцу не уснуть...

* * *

Как люблю я тебя, ты бы знала...
Ожидаю как встречи с тобой.
И плохие б слова не бросала
Стороной от меня, стороной...

Начудили, ну что тут поделывать.
Бедовали, прости, друг, прости.
Сам не знаю с собою, что делать.
Ты с души мне грехи отпусти...

Ведь и я виноват в том, что было.
Потому и прощенья прошу.
Но бывшее по Лете уплыло.
Ну а сам я себя не прощу.

Жизнь идет, по спирали вращаясь,
Только в лучшее верь и пойми,
Бог нам многое в жизни прощает,
И меня ты прости, обними...

* * *

Дорогая моя и любимая мама,
Сколько трудишься ты, загоняла себя.
Натерпелась за жинь непутевого сына,
Не жалеешь себя, в сердце Веру храня.

Ты луч света в моей этой жизни жестокой.
Помогаешь, чем можешь, забыв о себе.
Дай Бог силы тебе, чтоб не быть одинокой,
Дай Бог счастья тебе, мой луч света в судьбе...

* * *

Голубым – из свинцово-серого –
Небо и твой взгляд.
Я сегодня тебе доверила
Зацветающий сад.

Я сегодня тебе поверила
Весь свой путь.
Сколько мы упустили – немеряно,
Не вернуть!

Нам с тобой на двоих осталось –
Лишь весну.
В сентябре отцвету устало
И усну.

* * *

Будет жаль, если вдруг потеряю
Это тихое слово твое.
Будет жаль, если завтра забуду
Косновенье твоей руки.
Будет жаль, если больше не вспомню
Этой робкой попытки губ.
Будет жаль...

* * *

Губы – как бархат.
Руки – капкан.
Сильные, гладят...
А сердце – вулкан.

Нежной былинкой
К тебе прорасту.
Стану пылинкой
И душу прочту.

* * *

Анатолию ПОПОВУ

Опять ты в сновиденьях, край земли,
Куда заходят редко ледоколы.
Мы тут свои надежды погребли.
Подписаны давно все протоколы.

Опять, опять холодная тоска.
Сосед, письмо читая, зарыдает.
Где у причала сколота доска,
Валун морские волны разбивает.

Ты в белом Заполярье. Будь здоров!
Чей волен парус, на борту – олени?
Он отплывает с наших островов,
Не оставляя след переселений.

Прозрачностью утесов огражден,
В бушлат и телогрейку облачаясь,
Я снова продлеваю этот сон,
И все-таки в столице пробуждаюсь.

Екатерина ТУШКОВА

* * *

Похожесть наших отражений – мыслей...
В реке любви мы – две похожих щепки.
Похожесть...
Ты и я всего лишь слепки
С оригинала двуединых истин.

* * *

Таянье вечных снегов –
Мы начинаем жить...
Таянье наших тел –
Мы начинаем любить...

Таянье наших чувств –
Мы начинаем страдать...
Таянье наших душ –
Мы начинаем летать...

ПРОСТУДА

На капельку свежей росы – полсотни больниц,
И утро – больничный покой с надгробьями лиц,
Лишь ветер поет в облаках – ему не простыть...
А в кружке –
Глотком молока –
Желание жить...

Екатерина ШИРЯЕВА

* * *

Посвящение Ч. Чаплину.

Глубокое сердце мальчишки –
И навсегда –
Софиты, софиты и вспышки
И города...
Не понятый, принятый миром,
Кто ты такой?
"Ах, камера – вечная лира!"
Ранней весной...
Загадка смеяться и плакать –
Свет и любовь.
Ах, Чарли, давай хоть когда-то
Встретимся вновь.
Как солнышко – сердце мальчишки
На льдины вех;
Софиты, софиты, вспышки –
Странный успех.
Как солнышко – слезы мальчишки,
Проталинки зимнего холода...
От старой зачитанной книжки –
С огнями огромного города!
Ах, Чарли, Чарли...

Александр ЛОБАНОВ

АЗИМУТ МЛЕЧНОГО ПУТИ

Был вечер щедр на мерцание звезд,
И запахи лилий в саду – сновтвoren,

И силуэт абрикоса вrost
Шагал во тьму, с тишиной поссорен.

Когда еще звезды так низки?
Июль к полуночи их взлохматил,
Как свежесрезанные цветки;
Моей лиричности почитатель.

Куда-то вытянул Млечный Путь
Свой пыльный азимут на удачу.
Пройтись бы ним, хоть куда-нибудь,
В страну Чудес, а Любви – там паче...

* * * *

Рояли взмахнули крылами и к солнцу
Вспорхнули, как птицы из сказочных снов,
И мир, что, волнуясь, внизу распростерся,
Был к непредсказуемым счастьям готов.

И стала понятна печаль пианиста,
Архангелом вившегося в вышине,
Где, фугами переливаясь лучисто,
Блистала еще одна сказка во сне.

ТОННЕЛЬ

Грохочущая куча шума
Ввалилась сквозняком в тоннель,
И сотня эх в ответ чугунно
Взревела, как в подране зверь.

На шпалу шпала, грудой, дыбом,
На обертонах, как шрапнель,
Гремели рельсы в ритме взрывов,
И адом делался тоннель.

И гасли свечи и лампы,
И лики прятали глаза,
И был тоннель исчадьем ада,
И аду не было конца.

От ужаса трезвелось в мыслях.
И прозревали образа,
В глазах которых далью чистой

Сверкала солнечно слеза.

И после шока потрясений
Преображался каждый ген
У хромосом стихотворений,
Перебродивших страх и тлен.

Мария КУЗЬМИНА

* * *

Уже засветилися дали.
Вдаль кромки небес синева.
И тени от яблонь упали
Плашмя, как в протоке трава.

Уже по утрам на деревьях
Бордовые блики лежат,
И, словно в старинных поверьях,
Над полем вороны кружат.

Я краски далекого детства
На эти пейзажи кладу...
Взлетел на забор по соседству
И звонко горланит петух.

* * *

И все же – я поэт,
А не чиновник!
По жизни, по судьбе,
По музыке души.
В деревне у меня
Цветет в саду
Шиповник.
Я отпуск провожу
В своей лесной глуши.

И сердцем я не здесь.
Оно всегда в дозоре
В той дальней стороне,
Где с мамой
Чай вдвоем.
"Звезды на небе,
Звезды на море,

Звезды
И в сердце моем!"

Виктория МАРТЫНОВА

* * *

Икар 2000 (Паденье)
Синих озер
чаши
Горных хребтов
Звенья.
Нет, не полет
Страшен,
Страшен момент
Паденья.
Плечи болят –
Крылья
Каждый стежок –
К ребрам
Ветер в лицо –
Пылью
Сердце в груди –
Дробно
Серых дорог
Сети
Черных лесов
Лава
Я не хочу смерти
Даже с венком
Славы.
Ветер на грудь
Жестью
Миг остроты зренья
Память в одном жесте
Жизнь за одно
Паденье...

* * *

Прошу, оставайся на месте.
На тонкой прохладе циновок.
Дай взгляду, скользнув по одежде,
Застыть под гипнозом обновок.

Мелькают послушные тени
Как рыбки тату на предплечье.
Горячей, томительной ленью
Слезятся прозрачные свечи.

На белом – багровые блики
Пульсируют – свежие ранки.
Стекает – недвижимо дикий
Узор первобытной изнанки.

Немею в желанье коснуться
Чешуйчатой глади сплетений
Драконов...
Под пальцами рвутся
И тают багровые тени.

Наталья БИЛАН

* * *

Как часто среди ночи
Я вижу тот сон...
Пишу эти строчки
Тебе, край родной.
Здесь я повзрослела,
И детство прошло.
Здесь песни я пела,
Про дом и село.
Здесь старый дом мамин
В лучах быстрых зорь.
Здесь детство проталин,
Детей полон двор...
Сменяются годы,
Живет край родной.
В любую погоду
Хочу я домой...

Ольга ДРИНДРОЖИК

* * *

Есть у меня стихотворенье –
Одинокое такое...
Пусть написано в сомненьях
Ненабитою рукою,

Но оно живет безвестно
И таит лучи рассвета,
В облаках времен небесных
Раздражая строчкой лето.
Пробежишь полночным взором,
По страницам, строгий зритель,
На него взгляни с укором,
В нем найди свою обитель.
Не прошу признанья в жизни,
Не молю о славе вечной...
Мне бы быть строкою мысли
И казаться человеческой.

Альбина СЕЛИВАНОВА

* * *

Не уходи, прошу тебя, останься.
Побудь со мной, давай поговорим.
Не надо мне ни стансов, ни романсов.
Лишь только ты в глаза мои смотри.
Налью тебе я кофе, хочешь, чаю.
И прошепчу потом в ночной тиши,
Что по тебе все время я скучаю,
Ты никуда, любимый, не спеши.
А, хочешь, я налью вино покрепче,
И выпьем мы за счастье и любовь.
Тогда скажу, что в долгий зимний вечер
Не надо нам ненужных, лишних слов.
Побудь со мной, прошу тебя, мой милый.
Прошу, найди ты нежные слова,
Чтобы от них душа моя бы пела,
Да чтоб слегка кружилась голова...

Антонина ГОРДЕЕВА

* * *

Закружится снова в карусель метель,
Заметет пурга все дороги.
Но пройдет зима, и придет апрель.
Будут новые в жизни тревоги.
Будет время спешить и спешить,
Мне во времени том сарафана не сшить.

Жизнь идет, и уходят года чередой,
Моя старость близка и видна за горой.
И не успею, видно, оглянуться,
Как смертный час ко мне самой придет.
Березы ветки о заборы бьются,
А сердце к жизни трепетно зовет.
Не повернуться рекам жизни вспять,
Закружит снова в карусель метель...
Живи, Земля, как много лет назад.
И пусть приходит, люди, к вам апрель!

Тамара ЧИРКИНА

* * *

Бабье лето – осень золотая,
Для души чудесная пора.
Расставаться с солнцем не желая,
Злится, пропадая, мошкара.
Белых мух тайга еще не знает.
Полыхает зарево рябин.
Но осенний дух уже витает,
Кружит ветром лепестки осин.
И печально шелестят березы,
Откупившись золотом своим.
По утрам слышны зимы угрозы,
Видно, время засыпать и им.
Налилась брусника, потемнела,
Восхищая скромной красотой...
Как зимой холодной я б хотела
Вновь, тайга, увидеться с тобой.

Любовь ГАЛЮЯН

РЕЧУШКА ДЕТСТВА МОЕГО

Речушка малая струится
Между зеленых берегов.
А по ночам мне часто снится
Земля та дедов и отцов.

Здесь по-особенному спится,
Тут даже небо голубей.

И где там воздуху столицы
Сравниться с дымкою полей!

Перебежишь по жердочкам речушку,
В которой доньшко видать...
И вспомнишь, как еще девчушкой
Ходила с мамой полоскать.

О, как любила я с рассветом
Белье струями омывть,
Свои девчачьи секреты
Подружке-речке поверять.

На берегу читала книжки,
Журчит речушка – поняла,
Что синеглазый взгляд мальчишки
Ношу в душе уже три дня.

Как быстро детство пробежало
В потоке игр, забот и дел,
И расставание настало –
Таков уж отчих мест удел.

Быть может, выбор мой и верен:
Здесь есть и все, и – ничего.
А по ночам мне снится берег
Речушки детства моего.

* * *

*Стихи, навеянные редким природным явлением –
Отсутствием осенью 2002 г. бабьего лета.*

Снова лето кануло в Лету,
Ярким всполохом озарив,
Прозвучав коротким сонетом
На знакомый всем нам мотив.

Я бреду печальной аллеей,
Словно врач, слежу за больным,
Как осенний выдох хладеет
И, как ветром нещадно гоним,
В одиноком танго пламенеет
Лист последний, лихой пилигрим.

Улететь бы за ним беспечно,
Разорвав забот тяжкий плен,
В край, где властвует лето вечно,
Где природе неведом тлен.

Ностальгия, одной мне понятная,
Знаю я, откуда взялась:
Проводив лето сорок девятое,
Лета бабьего не дождалась.

Николай АНИКИН

* * *

Т. Ж.

Я извлек восьмую ноту
Из тоски в душе застрявшей.
Эта нота так похожа
На осенний лист опавший.
На соленую снежинку
Каплей бывшею вчера.
На фонарь разбитый камнем
С опустевшего двора.
Эту ноту слышу в небе,
Где кричит от боли птица,
Кем-то раненная насмерть,
Ей валиться камнем вниз.
Эта нота в песне мамы
Малышу над колыбелью.
Когда руки рвут на части
Фотографию отца.
Этой нотой Паганини
Покорил толпу безумных.
На одной струне играя
Нострадамуса сонет.
А вчера знакомый критик,
Чистя черный пистолет,
Мне сказал, «Кончай трепаться.
Этой ноты в мире нет».

* * *

Лишь закрою глаза,
Слышу я перезвон

И цветы вижу райского
сада.

Я так плавно иду,
Не касаясь земли,
К бугорку, где сверкает
ограда.

Какие то люди
Склонились над ним.
Платками глаза вытирают.
Знакомые лица, я их узнаю...
Ведь это меня поминают.

* * *

Музыка и ночь.
Пьяных дум мираж.
Остальные прочь -
Я не ваш, не ваш.
Этот мир постыл.
Мерзок он и лжив,
Кто лизал и ныл -
Тот и жил и жив.
И везде, везде
Рука руку трёт,
Да чужой кусок
К себе в рот кладет.

Ольга Мишурова

НАСТРОЕНИЕ

Суета,
Суета,
Суета.
День размерен на сантиметры.
Сантиметры-шаги,
Сантиметры-слова
Превратились уже в километры.
Ухожу от тебя в суету.
Ухожу за дверное затмение.
Удержи,
Удержи,
Не пускай в суету.
Задержи хоть еще на мгновение.

День проходит.
Сдавило виски.
Сантиметры отмерю шагами.
Снова ночь.
Снова сны.
Не дожидаться весны
В суете, что придумали сами.

П Р О З А

Валентин ГРИНЕР

ПОД ТЕНЬЮ "ЮЖНОГО КРЕСТА"

ПРОШЕНИЕ О ПОМИЛОВАНИИ (АНАТОЛИЙ ПРИСТАВКИН)

«В храме литературы обитают одни умершие, которые не были там при жизни, и некоторые из живых, которые почти всегда выбрасываются оттуда после своей смерти».

д'Аламбер.

С писателем Анатолием Приставкиным я познакомился в самом начале шестьдесят четвертого года. А если быть предельно точным, то третьего января. В своей книге «Синдром пьяного сердца», в том её месте, где Толя красочно описывает наше знакомство, допущены кое-где небольшие неточности. К сожалению, это горькая неизбежность. Я много работал в жанре документальной прозы и случаи, когда мои герои оставались довольны своими портретами, характерами, намереньями были довольно редки. Правда, в силу этических или иных причин книжно-газетные персонажи не выражали своего явного недовольства. Но при общении после публикации это чувствовалось. Если бы я не понимал этой истины, то вполне мог предъявить Приставкину всевозможные претензии, как это модно теперь в новой России. Но я описываю доброго моего друга десятилетия спустя после событий и, вероятно, допускаю немало фактических неточностей, за что авансом прошу у него прощения...

...И вот он звонит на квартиру, к тому же на третий день нового года, когда северный люд только входит в праздничный раж.

- Здравствуйте! С Новым Годом! Вы Валентин Гринер?

- Да.

- А я Анатолий Приставкин. Мне советовал к вам обратиться...- Он назвал фамилию, не помню чью. За многие годы жизни на Крайнем Севере редкий журналист или писатель, посетивший эти неласковые места, обходил мой дом. Он всегда был открыт для хороших людей, с готовностью оказать посильную помощь всем, кто в ней нуждался. Это каким-то непостижимым образом становилось достоянием пишущей братии в Москве, Ленинграде и во многих других городах...

Если сегодня служители муз едут за "зеленью" в Израиль, Америку, Австралию, Германию, поскольку в этих странах значительные русскоговорящие общины, ностальгирующие по родной культуре, то в постгулаговскую Воркуту ехали за дублёнками, пыжиковыми шапками, модными пимами, песцовыми шкурками, сёмгой, копчёными оленьими окороками и ветвистыми рогами. Количество и качество даров зависело от уровня гастролёра—по Сеньке шапка. И ещё—от настроения легендарного, всесоюзно известного главы воркутинской торговли—Аркадия Израилевича Когана. Помнится, еще далеко не вошедший в большую славу, а всего лишь Заслуженный артист Чечено-Ингушской АССР—Иосиф Кобзон—был удостоен банкета, что Коган делал в исключительных случаях. Иосифа отоварили по полной программе. Всемогущий начальник УРСа как бы предугадал и благословил будущую Звезду. Хотя Звезда и сама старалась не попадать в зону туманности Андромеды и, активно работая локтями, расчищала себе место под солнцем. А популярность самого мецената была столь велика, что заслужила не только множества всевозможных почётных наград и званий, но даже удостоилась вожделенного знака «Шахтёрская Слава». Эту ведомственную медаль торжественно пришили на грудь Когана министр угольной промышленности. После публичной церемонии награждения я сказал сияющему кавалеру: «Аркадий Израилевич, вы уже такой прославленный шахтёр, как композитор Богословский»—«А что ты думаешь,- ответил Коган,- я же всё из-под земли достаю...».

Но я отвлёкся. Пора встречать гостей. Они уже стоят в коридоре, экипированные как астронавты: одинаковые меховые куртки, крытые непромокаемой тканью, собачьи унты, ушанки, рукавицы... Толя пришел не один; он привёл еще «сокомандировщика», писателя Евгения Добровольского. Оба посланы «Литературной газетой» на Крайний Север собирать материалы о героических тружениках Заполярья; редакция и утеплела их. Воркута—первый этап командировки. Дальше они полетят в Норильск, на Хантайку, там разворачиваются большие дела. Всё это выяснится чуть позже, в процессе более детального знакомства.

А пока усаживаю гостей за стол. Он по северному широк и разнообразен. Как-никак, хозяин представитель республиканской партийной печати, может и фельетончиком проехаться по «отдельным

недостаткам» в сфере торговли и бытового обслуживания трудящихся. В молодости я очень быстро сходился с самыми разными людьми и хотел видеть в них только хорошее (вот такой был очарованный максималист!). Вероятно, мы оказались с Толей настроены на одну волну, поскольку очень быстро «сняли галстуки», перешли на «ты» и подружились на многие годы. Во всяком случае, мне так казалось.

Описывать первую встречу не берусь. По-моему, это очень эмоционально сделал Приставкин в упомянутой повести (А.Приставкин. "Синдром пьяного сердца." Журнал "Дружба народов." №№4,5,6. 1998.Сейчас книга вышла отдельным изданием). Толя всегда отличался сдержанностью в отношении спиртного, а трезвому больше веры. Хорошо помню, что рефреном всего вечера был тост «За 17 октября». Оказывается, мы родились в один день, но он на год позже...

В бурном водовороте 60-х, когда каждый день приносил что-то новое, дотоле неведомое, а главное—надежду на свободу мысли, души, творчества—хотелось работать с утроенной энергией, общаться с людьми, верить в будущее. К сожалению, очень скоро надежды эти поблекнут, завянут и умрут на корню... С Приставкиным мы изредка переписывались, перезванивались и встречались, как правило, в Москве, когда я бывал в столице по делам или проездом ...

В середине октября 1965 года мне необходимо было прилететь в Москву. Мы заранее созвонились и решили совместно отметить день нашего рождения. Мне исполнилось 35—вроде бы полукруглая дата; Толе соответственно—34. Расцвет творческих сил человека вообще, а советского человека —особенно!..

В то время Толя жил в Черёмушках. Квартира была маленькая, очень тесная, однокомнатная, полученная по личному указанию Демичева, занимавшего одновременно две высокие должности: Секретаря ЦК КПСС и Министра культуры СССР. После возвращения из Братска Приставкин мыкался в Москве без жилья, не имея возможности серьезно работать над новыми произведениями о рабочей классе. А такие произведения были нужны в большом количестве. И вот чиновник высочайшего ранга решил принять личное участие в судьбе бывшего детдомовца и перспективного молодого писателя, который избрал гвоздевой темой своего творчества—рабочего человека.

В Черёмушках Толя жил с женой—Валей Голубковой, и сыном Иваном. Ваня, как многие мальчики, долго не желал подниматься с четверенек и ползал по комнате в специальных наколенниках, изготовленных мамой. Инженер-гидрогеолог по профессии, Валя работала в головном институте «Гидропроект».

...Деликатесную закуску ко дню нашего рождения я вёз, как водится, из Воркуты, а выпивки всегда хватало в столице. Москва централизованно собирала под своё надёжное крыло лучшие напитки из всех регионов империи, как, впрочем, централизованно собирала

все другие продукты. Затем советские граждане в индивидуальном порядке развозили оприходованный провиант по ближним и дальним регионам необъятной родины в чемоданах, рюкзаках и безразмерных «авоськах». Пассажирский и грузовой транспорт работали без недогрузов. План встречных перевозок перевыполнялся успешно. Есть движение—есть жизнь! Следовательно, вперёд к победе коммунизма!..

Приставкина я застал на обычном рабочем месте: он сидел за кухонным столом, обложенный черновыми листами, и отстукивал на машинке роман «Голубка». Роман посвящался жене Вале Голубковой. У Толи всегда была такая технология труда: он писал карандашом, с очень большими интервалами между строчек. Это давало возможность легко вносить любую правку. Затем первая перепечатка на машинке. Больших проблем с публикацией у молодых писателей из «обоймы» не было. Их рукописей о рабочем классе ждали с нетерпением и без проволочек засылали в набор. Только давай, Толька! И он, молодец, давал. Уже строился в знаменитом «Дворянском гнезде» очередной кооперативный дом «Литфонда», где Толя значился в списках будущих жильцов. На это требовались немалые вложения, а инженерской зарплаты жены в «Гидропроекте» не хватило бы даже на сооружение дворового туалета на садовом участке...

Итак, стол— в тесноте, но не в обиде—готов. Осталось дожидаться гостей, местных и иногородних. Из москвичей должны были подъехать близкие Толины друзья—Михаил Рошин и Георгий Садовников. Из Тулы ожидался один из самых главных фигурантов молодёжной «обоймы» —Анатолий Кузнецов. Ни с кем из этих писателей я не был знаком лично. Но заочно! Кто в те годы из людей моего поколения не читал «Продолжение легенды» и «Бабий Яр»?!

Приставкин уже достаточно хорошо знал мою застольную склонность к политическим выступлениям и, еще до приезда гостей, сказал: «Прошу тебя, старик, в присутствии Кузнецова не заводи свои вольнолюбивые мотивы. Он человек по-настоящему партийный и, в случае чего, может ударить по голове—в прямом и фигуральном смысле». Я, естественно, обещал не соваться в столичный монастырь со своим провинциальным уставом. Тем более, если существует перспектива получить по голове в прямом и фигуральном смысле. Да и рекомендация Приставкина была вполне обоснованной, поскольку в общественно-политической жизни страны уже наступали заморозки...

Единственная встреча с Анатолием Кузнецовым оставила в моём сознании неоднозначное впечатление. По-моему, это был достаточно интересный и талантливый человек. Что же касается его психических аномалий, о чем позже писали газеты, судить не могу. В те времена могли объявить сумасшедшим даже гения. Странное впечат-

ление производили его глаза: за очень толстыми стёклами очков они были как бы бесцветны и невидящи, но в то же время – прожигали насквозь. В литературно—чиновничьих кругах Кузнецов почитался не только как автор очень популярных книг; славы патриота родины ему добавил своевременный отклик на призыв Хрущёва «Писатели— на периферию!». Тогда Кузнецов покинул златоглавую и отбыл в Тулу. Там он немедленно получил трёхкомнатную квартиру и должность секретаря парткома местной писательской организации. (Между прочим, Хрущев вознамеривался приблизить к периферийной жизни не только писателей, но и научно-исследовательские институты, и даже целые министерства. Кое-что ему частично удалось)...

Следующая встреча с Приставкиным состоялась в его новой трехкомнатной квартире—улучшенной планировки, улучшенного исполнения отдельных строительных узлов и деталей. А ещё - улучшенного контингента соседей (против черёмушкинских «пост-лимитчиков» и прочих случайных людей). В «Дворянское гнездо» случайные люди, естественно, попадали, что очень красочно доказал Владимир Войнович в знаменитой «Иванькиаде». Вскоре мне представится счастливая возможность ознакомиться с этим произведением в исполнении французских полиграфистов. Я буду наслаждаться едким мастерством Войновича, лёжа на скрипучей раскладушке в гостиной Приставкина и от души радоваться удаче писателя...

Итак, соседи. Ближайшая от Толи дверь принадлежала блистательной бальзаковского возраста артистке Театра Сатиры Ольге Арсевой. Там же, во время своих визитов, я многократно сталкивался с актером того же театра: паном профессором Рунге, другими "панам и паннами" из очень модного в те годы ежемесячного телевизионного представления «Кабачок 13 стульев». Злые языки говорили, что это была самая любимая передача Леонида Ильича Брежнева. Это похоже на правду, поскольку вслед за смертью генсека кабачок захлопнул свои двери и приказал долго жить.

Соседом по лестничной площадке напротив был писатель Григорий Свирский, в близком будущем гражданин Израиля, а затем – профессор одного из университетов Канады. Толя познакомит меня с этим человеком и я получу копию его пламенного, но не состоявшегося выступления на Съезде писателей (не помню, каком по счёту, но на том же самом, где тоже не состоялось знаменитое выступление Вениамина Каверина в защиту Солженицына). Текст Свирского долго ходил по стране в многочисленных списках. Писатель бил тревогу по поводу спаивания народа. В частности, он писал о беспробудном пьянстве на предприятиях лесозаготовительной промышленности, где в некоторых леспромхозах рабочие тратят на водку до 90% зарплаты, а потом голодают вместе с детьми и женами. Когда мы покидали его квартиру, Приставкин поинтересовался:

- Как дела у Евгении Семёновны?

- Всё нормально,- ответил Свирский.—Обосновалась. Собирается приступить к работе над второй частью...

Тогда я впервые услышал это имя и спросил у Толи: о ком шла речь? Он ответил, что это Гинзбург, мать Васи Аксёнова. Евгения Семёновна провела в тюрьмах, на Колыме и в ссылке восемнадцать лет, теперь написала потрясающую книгу «Крутой маршрут»; рукопись ходит в «самиздате». Свирский, Рой Медведев и другие писатели добились для Евгении Семёновны прописки в Москве и кооперативной квартиры, куда она недавно переехала из Львова...

Судьбе будет угодно, чтобы через тридцать лет я снова увидел Свирского, но уже не в его квартире на улице Красноармейской, а в актовом зале Союза израильских писателей в Тель-Авиве. Свирский специально прилетит из Канады, чтобы выступить перед творческой общественностью страны, которая категорически не хотела его признавать. Он привезёт свой 600-страничный антиизраильский роман «Прорыв», выпущенный издательством «Эрмитаж». Собственно говоря, Свирский повторит попытку великого иудейского пророка Иеремии: призовет народ и правителей Израиля отказаться от идеи национального превосходства и не считать себя богоизбранными. Вначале канадский профессор вызовет повышенный интерес и внимание, но чем глубже будет он всаживать предательский нож в спину израильского правительства и еврейского общества, тем напряжённее будет становиться тишина, а затем аудитория взорвется злобными выкриками и негодованием. Библия свидетельствует, что Иеремия не был побит камнями только потому, что вовремя удалился в безопасное место. Нашего докладчика освистят и сгонят с кафедры. Как-никак, за 2500 лет даже восточная цивилизация сделала несколько шагов к толерантности: до применения камней не дошло.

Я искренне посочувствовал Свирскому, поскольку наши взгляды на некоторые положения оказались схожими. С тех пор как мне открылось самобытное творчество другого израильского изгоя—Эфраима Севелы—я очень многое понял в пресловутом еврейском вопросе. В том числе понял «почему нет рая на Земле». В коридоре я подошёл к Свирскому, возбуждённому и раскрасневшемуся. Нет, он меня не помнил. Мы всего несколько раз общались накоротке, а теперь между нами лежала дорога в три десятилетия. Два седых, старых человека сошлись в совершенно ином пространстве и времени. Но когда я назвался товарищем Приставкина, он мгновенно оживился:

- Да, да, да, я вспомнил...Вы жили где-то на Севере, кажется, на Кольском полуострове и часто останавливались у Толи...

- Это вы воевали на Кольском. А я долго жил в Воркуте...

- А теперь вы здесь?!—В глазах Свирского прочитался ужас. Он был полностью поглощён своими мыслями и тут же переключился на

них: —Представляете, Валя, нашлась отважная женщина, профессионалка высокого класса, которая совершенно бескорыстно, то есть без единого шекеля, перевела на иврит мой роман, чтобы его могли прочитать все праведные евреи... Речь не идёт о гонораре...Даже за мой счёт эта банда не хочет печатать рукопись...Правительство не желает, чтобы народ знал о себе правду...И это демократическая страна?!. Чем она отличается от совдепии?..

У меня на этот счёт был давно написан шуточный стишок, и я счел возможным процитировать его Свирскому:

*Иного качества баланда,
Совсем другого цвета флаг,
Но та же суть, и та же банда
В архипелаге «ЕврейЛаг»...*

Он грустно ухмыльнулся, спросил:

- Вы с Толей имеете связь?..

- К сожалению...Он не ответил на моё письмо...

- Да. Люди меняются...Толя стал знаменит. Вы читали его последнюю вещь?..Забыл...Что-то лермонтовское в названии...

- «Ночевала тучка золотая».

- Совершенно верно. Очень сильная штука! И знаете, что примечательно: я брал её в нашей университетской библиотеке. Раньше в русском отделе стояли только классики и советские диссиденты. А теперь вот есть и Приставкин...Это, скажу вам, вполне серьёзная слава...Правда, он всегда был настроен критически...

Подошёл какой-то молодой мужчина. Кажется, его сын, которого я однажды видел юношей на лестничной площадке. Тогда Толя мне рассказывал, что Свирский давно хочет уехать в Израиль, но не может склонить к эмиграции сына-старшеклассника...

На следующее утро многие ивритские и русскоязычные газеты опубликовали материалы о скандале в Союзе израильских писателей...

Свирский упомянул о том, что я часто останавливался у Приставкина. Да, было время, когда я только у него и останавливался, хотя проблемы с жильем в Москве никогда не испытывал. С первого посещения новой Толиной квартиры решил: буду спать на этой скрипучей раскладушке, пока не откажут. Во-первых, Приставкин интересный и откровенный собеседник, знает основные течения и сплетни из жизни литературной Москвы. Воркутинскому провинциалу всё это очень интересно. Но сколько требуется времени для изложения «последних известий» за истекшие от встречи до встречи два-три месяца? Два-три часа, не более. А дальше? Приставкину надо работать

или куда-то ехать, или обзванивать редакторов, издателей. Что в это время делать гостю?..

А гостю в это время предстояло читать, читать, читать...

Гостя очень интересовал сосед Приставкина, который занимал квартиру на первом этаже. Этого человека звали Лев Залманович Копелев—близкий друг Солженицына со времён марфинской «шарашки», описанный Александром Исаевичем «В круге первом» под фамилией Рубин. Уже одного этого было вполне достаточно, чтобы попасть «под негласный надзор полиции». Но такой надзор мог иметь место при царском режиме в отношении политически неблагонадёжного социалиста Владимира Ульянова, особенно в то время, когда он, не таясь, сочинял свою «бомбу», конкретно направленную против самодержавия—«Развитие капитализма в России». А во времена давно победившего социализма и уже почти достроенной высшей его фазы—надзор за писателем Копелевым вёлся беззастенчиво и постоянно.

Напротив элитного дома был устроен «карман» для парковки машин. И хотя в то время далеко не все знаменитости владели личным транспортом, места в «кармане» доставались не всегда и не всем автомобилям, за исключением одного: чёрная «Волга» застолбила себе крайнее место раз и навсегда—акkurat напротив окон Копелева. А в коридоре, рядом с дверью «разрабатываемого» писателя был установлен большой металлический ящик неизвестного назначения. Толя, как бывший механик, утверждал, что ящик упакован телевизионной аппаратурой, способной передавать изображение через бетонную стенку и люди, несшие в «Волге» посменную вахту, видели и слышали всё происходящее в квартире Копелева. Вероятно, в этом была какая-то сермяжная правда, поскольку хозяева и гости вели «некорректные» разговоры при посредстве записок, как советские бойцы невидимого фронта при встрече в каком-нибудь заграничном кафе, где в стол, в пепельницу, в пивную кружку могла быть вмонтирована подслушивающая аппаратура...

Весь диссидентский «бомонд» Москвы знал, что у Копелева всегда бывают свежайшие материалы «самиздата», особенно—новые главы и целые части очередных книг Солженицына. Кроме того, квартира Копелева превратилась в штаб помощи политзаключённым. Здесь паковались посылки для передачи в тюрьмы и лагеря. В эту квартиру днём и ночью шли знакомые и совершенно незнакомые люди за советом и помощью. Здесь писались письма к советским вождям, в международные правозащитные организации и обращения к правительствам демократических стран. За некоторыми посетителями немедленно устанавливалась агентурная слежка, которая могла продолжаться годами.

Главным и единственным поставщиком материалов от Копелева была Валя Голубкова; она пользовалась полным доверием хозяев квартиры. В любое время года Валя в лёгком домашнем платице, будто только что от кухонной плиты, сбегала по лестнице и торопливо ныряла в соседскую квартиру. Её, несомненно, фиксировал человек в машине и делал нашу связную предметом «разработки». Это станет очевидным, когда Толя начнёт первый косметический ремонт в своей квартире – улучшенной планировки и улучшенных строительных деталей. Именно в этих «улучшанских» местах будут обнаружены тринадцать «жучков», неизвестно кем и когда внедрённых. Пробыв минут пятнадцать-двадцать у соседей, Валя возвращалась домой, вольно размахивая руками, зато очередные главы «ГУЛАГа», а то и целые части книги покоились в её «спецтрусах». Теперь, возвращаясь памятью в те далёкие годы, я с ужасом думаю: как она рисковала собой, детьми, писательской карьерой мужа, когда за хранение рукописи Солженицына можно было схлопотать солидный срок. А при Валином дерзком и неуравновешенном характере это вполне могло случиться. Правда, Толя никогда не возражал против «шпионской» деятельности жены; он был первым читателем всех самиздатовских новинок. И, вероятно, не только читателем. Уже в эмиграции мне попала книга Льва Копелева и Раисы Орловой «Мы жили в Москве». В предисловии к толстому тому, выпущенному издательством "Ардис" в 1988 году, авторы, перечисляя людей, благодаря которым родилась эта книга, назвали и Анатолия Приставкина...

Пока что квартира новая, до косметического ремонта ещё далеко, супружеские отношения Толи и Вали вполне нормальны (не считая взаимных словесных перепалок), они обходятся общей спальней, а я занимаю раскладушку в просторном салоне. Судя по автографам на стене, как в баре ЦДЛ, здесь периодически квартируют Толины друзья из всех уголков Союза. Кроме раскладушки, круглого стола под стеклянной крышкой и телевизора, который никто не смотрит, в салоне ничего нет. Это в горизонтальной плоскости. Зато вертикальная твердь сплошь, кроме части стены для «монументальной стихописи», увешана иконами. В то время Приставкин владел третьей, если не ошибаюсь, по значимости коллекцией икон (после Юрия Арбата и Владимира Солоухина). Толя очень хорошо разбирался в иконописи, перечитал много специальной литературы по определению возраста черных досок и методов их реставрации, умел убирать поздние «записи», докапываясь до древних веков. Он говорил о ликах святых, как о живых людях...

Не могу удержаться от соблазна привести эпизод, связанный с этим видом собирательства, ставшего модным, и почти всегда - с криминальным хвостом.

В 1980 году я несколько месяцев жил на Котласском целлюлозно-бумажном комбинате: по заказу Северо-Западного издательства писал очерковую книгу о людях этого гиганта советской бумажной индустрии. Вернее, писал сразу три книжки: одну от собственного имени, вторую от имени передовиков и новаторов, третью от имени генерального директора Александра Александровича Дыбцина— Героя Соцтруда, воспитанника сталинской школы, человека жесткого, но отменного организатора производства. (Эта книга так понравилась в ЦК КПСС, что 3.X11.81г. было принято специальное Постановление, которое рекомендовало: «...расширить, углубить, обобщить, переиздать, распространить на все предприятия СССР в качестве ценного опыта». Всё это, естественно, было сделано немедленно. «Стратегия руководителя» вышла вторым изданием уже не в мягкой обложке, а в ледериновом переплёте с золотым тиснением. Зато имя литзаписчика было набрано нонпарелью и спрятано таким образом, что не сразу найдешь).

Так вот, на комбинате я познакомился с директором подшефного совхоза, который пригласил меня в своё хозяйство—неподалёку от города Сольвычегодска. Этот старинный русский городок, с четырёхтысячным населением и вялотекущим упадком, был когда-то вотчиной Строгановых, богатейших людей России. Именно в этих местах Строгановы формировали, благословляли и отправляли дружину Ермака на покорение Сибири. Еще городок знаменит тем, что здесь отбывал одну из своих ссылок будущий Великий Вождь Всех Времён и Народов. По местной легенде, несвятой Иосиф поселился у вдовствующей мещанки Матрёны Прокопьевны Кузаковой, которая родила от него мальчика. Мальчик вырос, отпустил смоляного цвета нездешние усы и напомнил о себе подпольному папаше, уже достигшему тронной вершины. И тем напоминанием (вроде бы) подписал себе и матери смертный приговор. Вскоре Кузаковы исчезли—как в воду канули. Может, в воду Вычегды они и канули, поскольку подпольщик был большой специалист по технологии «концы в воду». Но в тот раз всё обошлось добром. Даже счастьем, о чем земляки (и никто другой) не догадывались. Сталин поселил свою северянку в знаменитом правительственном Доме на набережной. Благо, бывшие высокопоставленные владельцы квартир из этого элитного дома табунами уходили на Воркуту и Колыму в арестантских этапах. Незаконнорожденный сын вождя всю жизнь пребывал в немалых начальниках; в том числе и телевизионных, прожив долгую, почти 90-летнюю жизнь...

Существует в Сольвычегодске краеведческий музей, а в музее—отдел, посвященный уже не великому, а просто товарищу Сталину. Так вот, посетил я этот музей, а на обратном пути остановил меня посреди грязной улицы и грубо потянул за рукав здоровенный мужик в изрядном подпитии, и спросил: «Ты, гутарят, пясатель из

Москвы?». «А что?». «А то! Увидишь тама Арбата, передай: ежели ишшо когда зайвится к нам—яйцы откручу и собакам брошу...». Мужик взмахнул над головой тяжёлым кулаком и пошёл своей дорогой. Я рассказал об этой встрече директору совхоза. Он пояснил: во время первого иконного бума эти заглохшие места посетил московский писатель Юрий Арбат и основательно почистил иконостасы потомков некогда зажиточных сольвычегодских купцов, хранивших очень древние и дорогие иконы, едва ли не кисти Рублёва и Дионисия. Обещал москвич золотые горы, а показал шиш. Люди жаловались в Москву, но никто не ответил: подумаешь, какие-то там лики святых в атеистическом государстве. На том и закончилось...

...А я тем временем лежал на раскладушке и читал, читал, читал—дни и ночи напролёт... Часто высовываться на улицу не рекомендовалось: зашёл посторонний гражданин в квартиру именитого жильца - и сиди тихо: пусть служители Лубянки мучаются в догадках—не в трубу ли ты вылетел, как Баба Яга?... А Валя, спасибо ей, носила, носила, носила... А "диссиденты", спасибо им, писали, писали, писали... А отважные машинистки, низкий им поклон, бескорыстно перестукивали, перестукивали, перестукивали рукописи. Иногда страницы оказывались «полуслепые», не менее десяти экземпляров папиросной бумаги в закладку; через один интервал; с великим множеством описок и грамматических ошибок; часто строки налезали одна на другую, чувствовалась напряжённая торопливость, будто в квартиру одержимой женщины уже поднимались по лестнице андроповцы с ордером на обыск и арест, а она слышала шаги и торопилась достучать последние строки, готовая при крайней необходимости выбросить рукопись в окно, чтобы её подобрали честные люди и прочли, и передали другим честным людям как эстафету.

Я описал своё тогдашнее ощущение и подумал о том, что аналогичные, да и более страшные ситуации в жизни бескорыстных помощниц опальных писателей были. А одна, вместо рукописи Солженицына, выбросила в окно своё тело...

Я никогда не видел Копелева, даже на фотографиях, но хорошо представлял себе зека Рубина, нарисованного пером Солженицына «В круге первом». Однажды зимой Толя забежал с улицы, бросил в коридоре сумки с продуктами и потащил меня к окну: «Сейчас увидишь Копелева. Он возвращается с прогулки. Я только что обогнал его на машине». Я пристроился за шторой таким образом, чтобы из чёрной «Волги» не могли меня увидеть, и стал ждать. Позиция была неудобная—слишком крутой угол, да еще приличная высота. И разглядел только массивную фигуру да торчащую седую бороду...

Наше знакомство состоялось в конце апреля 1974 года. Это произошло на знаменитом кладбище в Переделкино. Была какая-то дата, связанная с Корнеем Ивановичем Чуковским. Людей оповестили за-

ранее и сбор назначили у могилы писателя. Собралось не так много—человек тридцать, не более. Копелев приехал с супругой Раисой Орловой уже немолодой, но всё еще очень красивой женщиной. Толя подвёл меня и представил этой яркой чете. Лев Залманович очень удивился, когда узнал, что я давно живу в Воркуте, причем поселился там добровольно. Он зычно рассмеялся и процитировал стихи Кохановского, спетые Высоцким «...уехал сам, уехал сам...не по этапу, не по этапу...». А когда узнал, что мы земляки-киевляне, оживился ещё больше...Но вот Лидия Корнеевна, уже старая и почти слепая, прижалась спиной к ограде родительских могил и стала открытым текстом говорить то, о чем каждый из собравшихся думал, но не отваживался произносить публично. А эта тщедушная женщина в стареньком демисезонном пальто никого не боялась...

Наступила тишина, нарушаемая карканьем ворон на высоких кладбищенских соснах...

Потом мы подошли к могиле Пастернака, недолго постояли там молча, раздумывая о вечном, и разъехались по своим делам...

Я сильно забежал вперёд. И теперь возвращаюсь к временам и событиям, которые в жизни Приставкина можно определить как знаковые. Но, к сожалению, с отрицательным знаком.

В 1967 году руководители «Гидропроекта» предложили Вале поехать в длительную командировку в группу рабочего проектирования на строительстве Саратовской гидроэлектростанции, которая возводилась чуть ниже посёлка Балаково. Лёгкое на подъем семейство решило, что Валя будет заниматься на Волге своей гидрогеологией, а Толя – собирать материал для очередной книги о труде и жизни рабочего класса. Они забросили в горбатый «Запорожец» своё нехитрое имущество и взяли курс на Саратовскую область...

Вскоре, Анатолий Игнатьевич сидел в Балакове на крутом берегу Волги и неспешно беседовал о Господе Боге и жизни нашей грешной с местным батюшкой, тёзкой своим Анатолием Шумовым. А в это самое время его близкий друг писатель Анатолий Кузнецов зачитывал по каналу Би-Би-Си обращение к правительству Великобритании с просьбой предоставить ему политическое убежище. Он громко и откровенно отрекался не только от прежних убеждений, но и предавал анафеме все свои произведения, написанные и увидевшие свет в Советском Союзе. Человек публично раздевался до костюма Адама и просил британские власти дать ему фиговый лист, чтобы начать жизнь с чистой страницы. И такая возможность была немедленно предоставлена...

Как и почему Кузнецов оказался на берегу Темзы?

Популярный писатель Анатолий Кузнецов берётся создать к 100-летию юбилею книгу «Ленин в Лондоне». Разрешение высших органов власти получено, командировка оформлена, выездная виза

поставлена, авансы под будущее произведение в кармане. И вот она, Британская столица, лежит перед взором неискушенного советского интеллектуала в полном своём капиталистическом уродстве: монументальная старина, дворцы, замки, музеи, стекло и бетон, ночные рестораны, публичные дома, сверкающие витрины магазинов, море разлитое промтоваров и продуктов мыслимого и немислимого ассортимента, лаковый блеск дорогих лимузинов и, что самое удивительное—никаких очередей. Всё это можно свободно купить, включая девочек, не боясь быть изничтоженным за аморалку. И деньги будут: их уже предлагают в достаточном количестве на посту сотрудника русского отдела Би-Би-Си. А сколько эксклюзивных интервью можно продать ненасытной британской прессе. Уже сегодня! Уже сейчас! Вон они, жадные до сенсаций шелкопёры, толпами осаждают гостиницу, лезут, как тараканы, во все щели, суют заполненные чеки на круглые суммы... Да, ребята, это вам не жизнь в самоварной Туле или даже в песенной Москве! Как говаривал златокудрый поэт «другие юноши поют другие песни, они, пожалуй, будут интересней...»

Заявление Кузнецова руководителей Союза писателей ввело в состояние клинической смерти. Если бегство на Запад какого-нибудь офицера ГРУ можно было скрыть или объявить очередной провокацией иностранных разведок, то в случае с известным писателем такая мулька была бы, мягко говоря, сплошными белыми нитками на чёрном фоне. Партия ошибаться не может, и было решено обвинить в предательстве Кузнецова—его товарищей. Друзья-товарищи виноваты в моральной неустойчивости члена своего творческого коллектива. Друзья-товарищи проявили политическую близорукость, не разглядели, не разгадали, не разоблачили и не донесли «куда надо» истинных намерений предателя, маскировавшегося под личиной патриота...

Примерно в таком духе был построен разгромный доклад секретаря парткома московской писательской организации Аркадия Васильева. Были названы имена писателей, которые близко дружили с перебежчиком, принимали его в своих домах, бывали у него в Туле, участвовали в содомских оргиях, знали о многоженстве и полном моральном перерожденчестве Кузнецова. Среди названных фамилий фигурировал и Анатолий Приставкин. Присутствовавшие на собрании «виновники» проглотили пилюлю и дипломатично промолчали. Это бы сделать и Толя. Но он на собрании не присутствовал, а добывал, повторяю, материал для будущих книг о героических строителях Саратовской ГЭС и других великих строек нашего великого времени. Но книгам этим суждено было увидеть свет с большим опозданием. По возвращении в Москву с берегов Волги, Приставкин первым делом пошел в партком и высказал Аркадию Васильеву недвусмысленное

«фэ» за упоминание своего имени вкупе с неблагозвучными эпитетами, сравнениями и определениями...

Далее, как и следовало ожидать, события стали развиваться так. Куда ни ткнишь вчерашний любимец из молодёжной «обоймы», перед ним уже не распахивали двери руководители издательств и журналов, скорее наоборот, стыдливо прятали глаза и сообщали, что его, Приставкина, рукописи отодвигаются в издательских и редакционных планах в связи с ленинским юбилеем. Единственным местом, где ещё платили какие-то небольшие деньги, оставалась киностудия имени Горького: там Толя многие годы значился постоянным членом редколлекции.

В начале февраля 1968 года я прилетел в Москву и застал Толю в угнетённом состоянии. О неприятностях по линии парткома мне было известно. Теперь, судя по всему, к делу подключатся и правоохранительные органы. Это стало ясно, когда Приставкин дал мне прочитать новогоднюю поздравительную открытку от Кузнецова. Обычная открытка с изображением Букингемского дворца была запечатана в обычный конверт, но не вполне обычным оказалось содержание, которое не могло не заинтересовать бойцов невидимого фронта. Новый британский гражданин описывал, как хорошо ему в Лондоне. На работе и в личной жизни всё в полном порядке. Несмотря на своё никудышнее зрение и непривычное левостороннее движение, мотается по британской столице на «роллс-ройсе» и чувствует себя счастливым. В конце—добрые новогодние пожелания и **«ПРИВЕТ ВСЕМ НАШИМ»**. Вот этот **привет** и становился главным пунктом подозрения в не прервавшейся связи с изменником. Во-первых, кто такие **наши** и кто следующий собирается в бега?! (Следующим, кому Кузнецов поможет бежать в Париж, будет писатель из той же прекрасной молодёжной когорты — Гладилин. И опять Анатолий. Прямо какая-то проруха с этими Анатолиями обрушилась на Старую площадь и Союз писателей. Но это уже другая история, никакого отношения к Приставкину не имеющая). А что делать с открыткой, которую, несомненно, многократно читали «где надо»? Кузнецов отправил её из Лондона в конце ноября, а достигла она адресата в конце января. Два полных месяца понадобилось, чтобы изучить каждый миллиметр исписанной площади. А вдруг там зашифровано важное сообщение? Впрочем, открытка могла навечно остаться в архивах, как остались, несомненно, многие тысячи других отправок, о которых несостоявшиеся получатели даже не догадывались. Но чекистам важно было узнать реакцию Приставкина на весточку от старого друга, и они решили подметнуть новогоднее поздравление, хотя и с большим опозданием: поди докажи, кто виноват в задержке... А вот клюнет ли карась на приманку?!

Мы допоздна просидели на кухне за бутылкой горькой и анализировали ситуацию. Даже без этой открытки положение складывалось тяжёлое по всем направлениям. К тому же стали обостряться отношения с женой. Не стесняясь моего присутствия, Валя назвала всех писателей «дармоедами, бездельниками и тунеядцами». Для меня это было ошеломляющим откровением. Но Толя сказал, что слышит такие изречения постоянно. Вспомнился недавний разговор с пожилым таксистом, который вёз меня из Домодедово на Красноармейскую к Приставкину. Дорога неблизкая. Водитель долго молчал, потом спросил: «Вы случайно не писатель?». «Нет, я шахтёр. Почему вы спрашиваете?». «Так просто. В этом районе почти одни писатели живут...». «Что, целый район писателей?!». «А ты думал?! Развелось их, колорадских жуков, хоть дустом трави... А какие квартиры себе отгрохали—по пять комнат!.. И всё за народные денежки...». «Но ведь государство получает немалый доход от книг, которые пишут эти люди...». «Чушь собачья! От них одни убытки. Писатель на Руси был один—Лев Толстой. Все остальные—шушера»...

- Что бы ты сделал на моём месте? — спросил Толя с полухмельной обречённостью в глазах.

- На твоём месте я бы утром пошёл к Васильеву, к Михалкову, к Ильину, а лучше—ко всем одновременно—и сказал: «Ребята, передаю вам новогодние поздравления и лучшие пожелания от Толика Кузнецова. Вероятно, у него не было времени написать каждому в отдельности, поэтому он послал поздравление на мой адрес и попросил передать привет ВСЕМ НАШИМ. Что я и делаю. Получите Дворец Её Величества один на весь писательский Союз...

Мы невесело посмеялись и разошлись по своим спальным местам. Больше я никогда не заговаривал с Толей об этом, но у меня было косвенное основание считать, что он отнёс открытку в Союз писателей.

В ту ночь я долго не мог уснуть: ворочался с боку на бок, громко скрипел пружинами раскладушки и раздумывал о людских судьбах в нашей великой стране. В частности, думал о судьбе писателя Анатолия Приставкина. Когда-то Толя рассказывал мне, что в детдоме у него была кличка «Упорный». Нет более точных кличек чем те, которые мы получаем в юные годы от своих сверстников. Детская непосредственность, острая наблюдательность, незамутнённый ум,—особенно у подростков, коллективно живущих вне семейного дома и потому досрочно мудреющих,—тщательно выверяют черты характера друг друга, особенности внешности, достоинств и недостатков, затем всё это суммируют, анализируют (зачастую не осознавая сложности процесса), а уж потом дают кличку, которая приклеивается основательно, иногда—на всю жизнь.

Приставкин прошёл сквозь это в полуголодных, полублатных, полуворовских условиях тяжелейшего военного времени. Собственно говоря, всё наше поколение не избежало этой горькой чаши: одним досталось больше, другим чуть меньше, но обойдён не был никто. Думается, в той ещё обстановке, где, как правило, не приветствовалось стремление к самовоспитанию и самосовершенствованию, Толя тайно определил своё жизненное кредо и упорно шёл к нему сквозь все преграды. Интеллигент в первом поколении, Приставкин вылепил себя исключительно сам, вопреки многим внешним обстоятельствам. Детдомовец, выходец из рабочей семьи (я знал его отца—слесаря-сантехника, а затем—торговца мочёными яблоками на одном из подмосковных базарчиков), сам на первых порах рабочий, Толя сумел воспитать в себе черты, без которых не бывает интеллектуалов, заслуженно получающих общественное признание. Но слишком долгая и трудная эта борьба не могла не породить некоторых издержек характера.

Во-первых, чрезмерная, порой прямо-таки болезненная обидчивость. Во-вторых, высокомерие, иногда переходящее в надменность. С этими качествами Приставкина я сталкивался неоднократно по разным поводам, но понимал их природу и старался всячески сглаживать. Кроме всего прочего, надо помнить: Толя коренной москвич, а это почти всегда предполагает, что человек, будь он московским дворником, считает себя стоящим на более высокой ступеньке, нежели его провинциальный собрат по метле.

Многие годы я общался с большим числом москвичей из самых разных социальных слоёв и пришёл к выводу, что в представлении довольно большой группы столичных граждан Ломоносов не может родиться в Холмогорах, а Резерфорд на новозеландской ферме. Отсюда заносчивость и взгляд на провинциальную жизнь, как явление совершенно другого, более низкого порядка. Кстати, не избежал этого Приставкин в своей книге «Синдром пьяного сердца», описывая Воркуту и её жителей. С моей точки зрения, если и существует какое-то различие между москвичами и провинциалами, то заключается оно в том, что вторые, как правило, сохранили более высокую принципиальность, честность и нравственность. Урбанизация и комфорт несут человеку не только благо, но и очерствляют его душу...

Порой мне казалось, что Приставкин случайно попал в литературу, но, благодаря невероятному упорству, сумел развить в себе писательские способности и профессиональные навыки. Это, конечно, вполне вероятный и довольно частый путь, но не совсем тот, что идёт от Бога. Думаю, для многих будет неожиданностью, когда сообщу, что Толя начинал вхождение в литературу как поэт. В Литературном институте он учился в семинаре Льва Ивановича Ошанина—не просто поэта, а поэта-песенника. Для меня совершенно ясно, что Приставки-

ну было крайне важно любыми путями поступить в этот престижный вуз, проникнуть в любой захудалый семинар, а дальше - личное упорство и труд, труд, труд...

Однажды я попросил Толю прочитать свои стихи. Он рассмеялся:

- У меня их нет...

- Как?! Ведь при поступлении в институт требуют какие-то публикации. Хотя бы рукописи..

- А я просто взял—и поступил.—Он помолчал, покопался в памяти и всё же удовлетворил моё любопытство. Стихотворение было настолько плохое, что мне стало неловко. И это подтверждение тому, что поэтический семинар Ошанина был для Приставкина второстепенной станцией, где предстояло пересесть в главный поезд, идущий в столичный город под названием ПРОЗА. Думаю, характер не позволил бы ему оставаться в арьергардных поэтических рядах. А для авангардной роли, для первого среди равных недоставало божьего поцелуя при явлении на свет. Толя понимал, что одной только наработкой техники поэтических вершин не достичь, что поэзия обнажена и незащищена, как лицо женщины без макияжа. Он учился в то самое время, когда в Литинституте преподавал Михаил Светлов, который утверждал, что берётся за несколько месяцев научить писанию стихов любого грамотного человека. А умение сочинять гладкие стихи и быть поэтом—величины разного порядка...

Очень давно поэт Яков Шведов, уже пожилой и хмелеющий от стакана сухого вина, сказал мне:

- Знаешь, Валя, я только однажды в жизни вытащил счастливый билет—это стихотворение «Орлёнок», ставшее песней, которую поют у всех пионерских костров...

Почти у каждого пишущего человека случается счастливый билет, свой «орлёнок». Для того же Михаила Аркадьевича Светлова многие десятилетия вершиной творчества считалась «Каховка», бессмертная, как тогдашняя система ценностей. Мог ли этот великий жизнелюб, неподражаемый балагур и остряк увидеть в самом нетрезвом сне, что советская власть способна мгновенно рухнуть, как Храм Христа Спасителя на знаменитых кинокадрах, приводящих в ужас весь христианский мир?! Но это страшное крушение произошло, а вместе с ним оборвалась жизнь всей, за малым исключением, литературы, созданной в годы процветания социалистического реализма: миллионы «орлят» и «каховок» оказались поверженными вместе с идеологией, которой они преданно и долго служили...

«Орлёнком» Приставкина стал, несомненно, роман «Ночевала тучка золотая». Ни «Птушенька», ни «Селигер Селигерович», «Ни песнь Орфея», ни даже «Солдат и мальчик», ни многие другие Толины вещи не сделали его особо известным, тем более—знаменитым писа-

телем. Золотой дождь знаменитости на него пролила «Тучка». В городах и странах, где мне случалось бывать за годы эмиграции и встречаться с русскоязычными людьми (естественно, читающими интеллигентами), я специально заводил речь о Приставкине. За редким исключением, его знали. Но только «Тучку». Ничего, кроме «Тучки», никто назвать не мог. Эта прекрасная, по-моему, вещь была удостоена государственной премии СССР в 1989 году. В последнем туре конкурса Приставкин соревновался с «Белыми одеждами» Вл. Дудинцева...

Снова сделаю лирическое отступление и скажу, что до сих пор памятно волнение, которое обуревало меня при чтении повести Дудинцева «Не хлебом единым». И тогда, и особенно спустя время было понятно, что вещь не отличается высокими художественными достоинствами, но это был **прорыв из мёртвой зоны молчания** середины 50-х годов. На обсуждении романа в ЦДЛ 23 октября 1956 года выступили Константин Симонов (именно он, тогдашний редактор «Нового мира», опубликовал повесть), Всеволод Иванов и Константин Паустовский. Уж кто-кто, а Константин Георгиевич знал и высоко ценил художественность, но сделал явную скидку в пользу актуальности.

Казалось, повесть «Не хлебом единым» была серьезной заявкой на будущий творческий рост писателя. Самый читающий в мире народ (и это святая правда!) надеялся, ждал новых книг Дудинцева. Но надежды не оправдывались. То ли таланта оказалось маловато, то ли слишком крутым был первый «излом». За многие годы я встретил только один сборник рассказов «Кепка с большим козырьком». Очень невыразительный сборник. И вот тридцать лет спустя появляются «Белые одежды», становясь конкурентом Приставкина на получение Государственной премии. Надо бы придерживаться золотого правила относительно покойников, но все же вынужден признаться, что одоление второй части романа В. Дудинцева оказалось выше моих сил...

Бессонная ночь в гостиной Приставкина врезалась в память на всю жизнь. Было в этой ночи что-то таинственное, мистическое, роковое. Неяркие отсветы уличных фонарей проникали в комнату, ложились на стены и выхватывали из полутьмы лики святых. Я видел их живые глаза, чувствовал тёплое дыхание. Незадолго до рассвета включил ночник и стал перечитывать настенные письма. Ближе всех к моему «раскладушечному» изголовью оказался автограф Толиного приятеля, одесского моряка и литератора; он работал на Дальнем Востоке, в Москве находился проездом и, должно быть, проводил на традиционной гостевой раскладушке ночь перед дальней дорогой. Чуть ниже этого гротеска я оставил свой автограф:

«Среди родни святой,

*Затёртых Божьих ликов,
Живёт Приставкин мой,
Большой, но не великий.
А если, устремясь
В помазанники трона,
Он крикнет:
- Дай мне власть!—
Не дай ему, Мадонна.
Пусть среди нас живёт,
Покуда мир не вымер,
Не то его убьёт,
Не Каин, Валя Гринер»*

Не могу, как «ложку к обеду», не подать одно из прекрасных качеств Приставкина. Перенесший в разное время много несправедливостей и унижений, Приставкин всегда считал своим долгом выступать в защиту незаслуженно притесняемых. Он демонстративно оказывал этим людям всяческую поддержку и помощь. Иногда мне казалось, что Толя специально выбирает друзей из числа таких людей. Одно перечисление его друзей-приятелей, заняло бы несколько страниц. Я не говорю о Рошине, Жуховицком, Аксёнове и многих других, кто входил в литературу одновременно с ним. Я вспоминаю его восторги талантом и неординарностью ума никому ещё неведомого Григория Остера, которого не хотели печатать. Меня он буквально за руку привёл в издательство «Советская Россия», познакомил с руководителями отдела документальной прозы, которые (не без осложнений) издали мою книжку «Последние дни бабьего лета». Приставкин отнёс в «Новый мир» рукопись моей повести «Предисловие к драме», прошедшей там все круги новомировского «обкладывания подушечками» и не увидевшей свет в журнале по глупому стечению редакционных обстоятельств...

...Через несколько дней я улетал домой и пригласил Толю в гости: развеяться, уйти на время от столичной сутолоки, посмотреть на сложившуюся ситуацию со стороны, короче говоря—поменять обстановку. В то время я уже перешёл в объединение «Воркутауголь» на должность пресс-секретаря генерального директора, что давало возможность создать Приставкину идеальные условия для работы, отдыха, новых встреч, интересных знакомств и впечатлений. Толя ответил, что предложение заманчивое, но надо подумать, посоветоваться, закруглить неотложные дела.

А в середине марта он позвонил мне и сказал, что вылетает...

Эта гостевая поездка длилась несколько месяцев. Не знаю, как расценил её Приставкин, но мне показалось, что он душевно расслабился, повеселел, даже посвежел внешне, хотя много и плодотворно

работал. Тогда была начата и потихоньку писалась повесть «Солдат и мальчик». Были многочисленные встречи с разными людьми, были полёты в Большеземельскую тундру к геофизикам (повесть «Северная история»). Было еще одно доброе дело, о котором следует рассказать подробно...

В 1964 году на воркутинской шахте №1 «Капитальная» произошла страшная трагедия, унесшая жизни 56-ти горняков. В то время почти все шахты Воркуты уже перешли на отработку глубоких горизонтов (до 1000 метров от поверхности), в связи с чем получили категорию опасных и сверх опасных по горным ударам, внезапным выбросам угля и газа. На «Капитальной» произошел взрыв метана. Трагедия могла исчисляться сотнями человеческих жизней, если бы главный инженер, Юрий Бессонов, не принял решение произвести реверсию, то есть—опрокинуть воздушную струю и направить огненный смерч в вентиляционный ствол. Не сделай он этого, огонь мог пронестись по всем горным выработкам, протяженность которых составляла, ни много ни мало—почти 100(!) километров, и уничтожить на своём пути всё живое. Но, как водилось тогда в нашем кривом королевстве: коли есть жертвы, должны быть и виновники.

Правительственная комиссия, прибывшая из Москвы с особыми полномочиями ЦК КПСС, пыталась всячески сгладить остроту ситуации «раздачей слонов». Семьям погибших выдавались ордера на квартиры в любом городе страны и крупные денежные пособия. Назначались пенсии в размерах, не предусмотренных никакими законами. Детям гарантировалось внеконкурсное поступление в самые престижные вузы. Короче говоря, обещали всё, но не всё обещанное дали.

Против главного инженера шахты, начальника отдела техники безопасности и еще нескольких специалистов горного надзора возбудили уголовное дело, которое тянулось четыре года, то затухая, то воспламеняясь с новой силой. Легко представить себе состояние человека, пребывающего столько времени под дамокловым мечом следствия, не зная за собой никакого преступления, кроме нравственных терзаний перед жёнами, детьми, родителями погибших.

Приставкин знал о трагедии на «Капитальной»(она случилась через месяц после его первого посещения Воркуты), но не мог представить, что следствие ещё не закончено. Он захотел познакомиться с Юрием Николаевичем Бессоновым и другими подследственными. И я немедленно помог ему в этом. Несколько недель Толя не покидал гостиничного номера: встречался с участниками событий, прослушивал тысячи метров плёнок с разноречивыми показаниями свидетелей и очевидцев. Наконец, сказал мне, что у него вырисовалась довольно ясная картина случившегося, и он начал работать над статьёй, которую, вероятно, будет очень сложно напечатать...

Поздней полярной весной Толя сказал, что пора менять полушубок на футболку, поблагодарил за гостеприимство и улетел в Москву. А вскоре «Литературная газета» напечатала огромную статью Приставкина «Реверсия». Шума вокруг публикации было много, но уголовное преследование Бессонова и других специалистов прекратили. Трудно сказать, что послужило основанием в окончательном решении столь щепетильного вопроса. Но влияние авторитетной газеты и писательского мнения несомненно. Если нельзя вернуть мертвых, то разумно ли усугублять трагедию осуждением без вины виноватых живых?! Именно с таких позиций подходил Приставкин, трактуя последствия рокового взрыва на шахте №1 «Капитальная» в Воркуте...

Лето Толя проводил на любимом своём Селигере с женой и сыном. Правда, прежнего восторга, каким дышала повесть «Селигер Селигерович», уже не было. Приставкин многократно высказывал мне сожаление по поводу того, что написал и опубликовал эту вещь. Повесть была популярна, её прочитали многие тысячи "диких" туристов и двинулись ватагами на озеро, очень скоро превратив этот уникальный уголок среднерусской природы – в отхожее место. Толя очень переживал за это своё открытие, но—слово не воробей...

В самом начале 70-х годов в семье Приставкина лопнул давно созревавший нарыв и встанет вопрос о разводе. Однако вместо большой неприятности случилась большая радость—явление на свет Дарьи Анатольевны Приставкиной. Рождение ребёнка, как это часто бывает, принесло в семью перемирие.

Ранней весной 1973 года я был по делам в Москве, но у Приставкиных не остановился, однако посетил их несколько раз. Толя окончательно перебрался в гостиную: поставил там огромную тахту («берлогу»), письменный стол, шкаф с рукописями и несколько старых кресел. Я понял, что между супругами прошла трещина, какую не залатать самым мощным бетоном. Кроме всего прочего, чувствовалось крайнее материальное напряжение. Толя, как многие свободные художники, обременённые семьей, всегда страшился остаться без средств, часто говорил о надвигающемся безденежье, но за многие годы ни разу не обратился ко мне по этому вопросу, хотя прекрасно знал, что я располагаю свободными суммами. Более того, когда я ненавязчиво предлагал займы на неограниченное время, он деликатно отвергал мои предложения.

Деликатность—одна из характерных черт Приставкина. При этом надо заметить, Толя умеет очень быстро войти в доверие к человеку, от которого зависит решение важного вопроса, не унижаясь при этом и не теряя собственного достоинства. Но бывает он и непримирим, когда речь идёт о принципиальном. Приставкин много лет вёл на Центральном телевидении передачу «Книжная лавка». Вначале всё

шло хорошо. Но в стране нарастала реакция, а вместе с нею усиливалось давление на творческую независимость писателей, художников, артистов... И вот ведущему «Книжной лавки» стали деликатно рекомендовать, а вскоре указывать: о ком из писателей говорить хорошо, о ком плохо, о ком вовсе умалчивать. Когда рекомендации приобрели формы диктата, Толя решительно отказался от роли ведущего, хотя это было связано с существенными материальными потерями...

Через несколько дней я улетал на Север и снова предложил Приставкину, как пять лет назад, приехать ко мне в гости и дал понять, что могу найти способ поправить его финансовое положение. Толя сказал, что «Профиздат» начал выпуск массовой серии, естественно, на производственную тему и, вероятно, ему удастся заключить договор. Правда, он еще не решил, о чём писать и куда ехать за документальным материалом. Я советовал взять шахтёрскую тему и лететь в Воркуту, где будут созданы идеальные условия для работы. Приставкин согласился... Очень скоро он позвонил и сказал, что договор в кармане, можно вылететь. Я тут же забронировал ему номер в ведомственной гостинице, где условия проживания были идеальными, а оплата чисто символической. Затем позвонил директору передовой, недалёкой от города шахты «Северная» и обрадовал его сообщением, что известный писатель изъявил желание создать книгу о предприятии, которое под его, директора, руководством добилось высоких показателей. Сообщение, естественно, было принято с восторгом и гарантией замечательных творческих условий. В Воркуте всегда умели встречать и провожать нужных людей не хуже, чем в кавказских и среднеазиатских республиках...

Это было в середине марта. А в конце мая я улетел по делам службы в Свердловск. Через несколько дней очень расстроенная жена разыскала меня в гостинице «Урал», сообщила, что у Приставкина большие неприятности и мне следует побыстрее возвращаться домой, чтобы попробовать разрядить ситуацию. От каких-либо подробностей она отказалась.

Я тут же ринулся в кассы «Аэрофлота», но уже началось время летних отпусков и билетов до Москвы на ближайшие две недели не обещали. Пришлось обратиться к местным коллегам по перу, которые очень быстро решили вопрос. Той же ночью я был в Домодедово. Утром решил позвонить на квартиру Приставкину в надежде, что Валя как-то прояснит обстановку. Она очень удивилась моему звонку:

- Он же в Воркуте... Вы что, не встречаетесь?..

Я стал выкручиваться: мол, нахожусь в командировке на Урале, а Толя должен был вылететь в Москву следом за мной. И вот хотел узнать... Валя стала извиняться: ей некогда со мной говорить, она опаздывает на работу, а еще Ваньку надо отвезти к знакомым, а Дашку в ясли.

- Я же мать-одиночка при живом муже,- сказала она раздражённо.—Мне помогать некому. Мой бездельник дома не живёт месяцами... Ему нужен только повод, чтобы смыться... Ты это прекрасно знаешь... Привет ему, если увидишь... - Она бросила трубку.

И я окончательно понял, что у Толи с Валеёй уже ничего общего не осталось. Кроме детей...

К вечеру я добрался в Воркуту. Вечер был относительный, поскольку уже наступил полярный день и солнце крутилось у горизонта, собираясь к новому восхождению в зенит. За четыре дня моего отсутствия ничего не изменилось. Горы чёрного ноздреватого снега громоздились вокруг и вроде никогда не собирались таять. Это выглядело удручающе. Несколько часов назад в Москве люди ходили в футболках, цвели сады, зеленела молодая трава. Сознание ещё не успело или не хотело переключиться в другое время года и от этого возникало чувство щемящей тоски...

Я отпер дверь своим ключом и почувствовал в прихожей запах гари. Эмма с Толей пили в гостиной чай из электрического самовара. Вид у обоих был озабоченный. Я спросил:

- У вас тут случился пожар?..

- Ещё хуже, - вяло улыбнулся Приставкин.—Ты учуял запах гари?..

- Моментально. Как только открыл дверь. Так что случилось?..

- Видишь, я тебе говорил, что ещё не выветрилось, - сказал Толя моей жене.—У тебя, видимо, потеря нюха..

- Насколько я понимаю, потеря нюха у тебя, - ответила Эмма с явным подтекстом. И, судя по всему, была права...

Оказывается, ещё за несколько дней до моей командировки Толя выступал перед участниками молодёжного самодеятельного театра во Дворце культуры шахтёров. Аудитория состояла, в основном, из учащихся профтехучилищ и старшекласников. Но, как водилось в наше бдительное время, московского писателя слушали и добровольные помощники «органов».

Увлёкшись собственным рассказом, Приставкин утратил бдительность, распоясался и понёс «антисоветчину»: тысячи прекрасных книг лежат в столах настоящих писателей и не могут пробиться в свет, а издают макулатуру, воспевающую Брежнева и партию. Свобода слова в СССР наказывается тюрьмой и ссылкой. Академика Сахарова - трижды Героя Соцтруда—мордуют за его правозащитные высказывания и обращения в правительство с требованием прекратить преследования по политическим мотивам, освободить из тюрем и лагерей всех незаконно осуждённых. Солженицын – великий писатель, сегодняшний Лев Толстой—объявлен «литературным власовцем» и, судя по всему, может быть в любое время арестован. Союз писателей

давно превратился в активного пособника КГБ и душит любое инакомыслие...

Толя рассказал мне не всё из репертуара, исполненного им в тот день. Еще более страшную «крамолу» я узнаю в Москве. Но что делать сейчас? Тем более, что Эмма с Толей сидят и ждут обыска в квартире. Потому и заволновались, когда я учуял запах гари. Оказывается, еще вчера они жгли на кухне самиздатовскую литературу и мою собственную крамолу, хранившуюся в специальном месте, добраться до которого опытным следователям ничего не составляло, если бы они решились искать. Но Воркута не Москва. И мой авторитет в городе был достаточно высок, чтобы решиться на такой шаг. Но обыск мог вполне произойти, поскольку на всех публичных выступлениях Толя подчёркивал, что является моим личным гостем. А ко мне «ребята» подбирались давно, даже проводили «профилактическую работу». Поэтому вполне могло появиться искушение использовать подходящий повод для просмотра моих шкафов и полок. Приставка уже вызывали на беседу, после чего он нагнал страху на мою жену и сказал, что всё подозрительное надо срочно уничтожить. Сожжение бумаг происходило в кухонной плите, которая за десять лет нашей жизни в этой квартире ни разу не топилась, но я никак не находил времени разобрать её и выбросить кирпичи. Когда крамольные бумаги вспыхнули—весь дым пошёл в квартиру. Оказалось, «крематоры» не догадались открыть заслонку. Печальная символика!..

Утром я метнулся в горком партии. Зашел к инструкторам, с которыми у меня были доверительные отношения. Да, сообщают, возмущённое письмо за многочисленными подписями учащихся ПТУ горком получил. Тут же сообщили в КГБ, который занялся этим делом по своей линии. А письмо переслано спец. почтой в Москву на имя Михалкова. Так что—машина запущена и никто её не может остановить. Что делать?.. Иду в гостиницу к Приставкину. Это совсем близко от горкома. Встречные здороваются, я механически отвечаю. Состояние—как на «воре шапка горит». Кажется, все уже всё знают... Впечатление, что даже гостиничные и вахтёрша, обычно приветливая и улыбчивая, провожает презренным взглядом: оказывается, товарищ Гринер, вы прикрываете махровых антисоветчиков, значит—и сам такой.

Полусонный Приставка был угрюм и заторможен. Моё сообщение о пересланном в Москву письме привело его в полное замешательство. Совершенно ясно, что уладить на месте ничего не удастся. Толя соглашается: надо срочно лететь в Москву и попробовать объяснить с литературным начальством. Возникает извечная проблема периода летних отпусков—билет на самолёт. Уламываю своего «генерала» выделить один из двух билетов его ежедневной брони на послезавтра. Он, конечно, обо всём уже информирован и относится вроде

бы сочувственно, но не без укоризны за легкомысленность. (Игнатьев Борис Николаевич, изумительный человек и прекрасный руководитель, с которым мне посчастливилось работать в течение 10 лет,— генеральный директор объединения «Воркутауголь», 1964—1980г.г.)...

А на следующее утро звонят из приёмной горкома партии и сообщают, что меня просит срочно зайти секретарь по идеологии— товарищ Шишкин. Иду. Секретарь улыбается, спрашивает:

- Где находится ваш личный гость Приставкин?—И подаёт телеграмму, в которой сказано, что руководство и партком Союза писателей РСФСР просят откомандировать Приставкина в Москву. Телеграмму подписал Михалков.— Прошу передать вашему другу содержание телеграммы от его непосредственного руководства...

Не хотелось лишний раз травмировать Толю, но делать нечего, надо звонить. После моего сообщения трубка долго молчала. Затем Приставкин, от которого я никогда не слышал матерной брани, разразился длинной тирадой, должно быть, ещё детдомовской...

На следующий день Толя улетал. Незадолго до отъезда в аэропорт выяснилось, что его единственные брюки разлетелись в пух и прах, причем в самых «критических» местах (видимо, не выдержали душевного перенапряжения). И смех, и грех! Слава Богу, в те годы мы были примерно одной комплекции; я достал из шкафа и подарил Приставкину костюм. На счастье! Он переоделся и впервые за последние дни просиял невесёлой улыбкой:

- Как на меня шитый...Денди...

- Лондонский, - добавил я, не без намёка...

Через несколько дней раздался звонок из Москвы. Толя просил срочно прилететь:

- С тобой хочет побеседовать рабочий секретарь Союза писателей Виктор Николаевич Ильин...

В пожарном порядке оформляем отпуска. Летим с Эммой. Останавливаемся у её тётки в доме военного ведомства на улице маршала Бирюзова. Утром следующего дня Приставкин заезжает за мной на своём «Жигулёнке». Едем в Союз. По пути обговариваем ответы на вероятные вопросы генерала, прослужившего многие годы на Лубянке, о котором говорили, что при Сталине он тоже попал в «мясорубку» и хлебнул лагерной баланды.

Ильин оказался типичным прототипом киношных чекистов высокого ранга: костистый, благообразный, жесткие черты лица, цепкий изучающий взгляд.

- Вот это Гринер,- сказал Толя очень робким голосом. —В Воркуте я был его гостем.

Ильин поднялся из-за стола, демократично поздоровался с нами за руку.

- Хорошо... Ты, Анатолий, можешь быть свободен, а у твоего приятеля будет много работы.—Он указал мне кресло у приставного столика. Толя вышел.—Я пригласил вас, чтобы помочь Приставкину, - сообщил Ильин, внимательно меня разглядывая.—Мы не сомневаемся в вашей честности, но хотим убедиться на деле... Вы в курсе, о чем речь?

Я кивнул. Минутная пауза.

- Что я должен предпринять, чтобы помочь Приставкину?..

Снова пауза, заставляющая меня волноваться. И вдруг признание, негромкое, вроде бы доверительное, но представимое с трудом:

- Откровенно говоря, я отношусь к Анатолию с симпатией. Он хороший человек, но излишне доверчивый... Это уже не первый случай, когда доверчивость идёт ему во вред. Я не могу представить, чтобы советский писатель, бывший детдомовец, для которого партия и правительство сделали буквально всё, был способен оклеветать их. Это равносильно клевете на собственных родителей. Но факты упрямая вещь.— Он протянул мне исписанный лист бумаги. Это было письмо пэтэушников, грубо состряпанное под чью-то диктовку корявым ученическим почерком. Прежде всего отмечался непотребный вид советского писателя, который пришёл на встречу с молодёжью заполярного города в мятых брюках, в свитере с вислым воротником, плохо побрит и небрежно причёсан. Далее подробно описывались антисоветские высказывания Приставкина, которые повергли в шок участников молодёжного театра. Они буквально потрясены тем, что подобные горе-писатели могут свободно разъезжать по стране и пропагандировать свои гнусные антисоветские взгляды... Вся обратная сторона листа испещрена такими же полудетскими подписями...

- Вы коммунист?—спросил Ильин, когда я дочитал и вернул ему письмо.

- Да. И могу сказать, как коммунист коммунисту, что всё это клевета—от первой до последней строчки...

- А вы были на этом выступлении Приставкина?

- Нет. Я находился в командировке.

- Тогда как вы можете утверждать, что это клевета?

Подумалось: если сделана магнитофонная запись, то все мои утверждения окажутся полним блефом и даже малый проблеск чекистского доверия ко мне будет безнадежно утрачен. Тогда и Приставкину придётся туго. Но тут же я успокоил себя: если бы у них была плёнка, то на кой чёрт я нужен этому Ильину? Уверовав в логику своего размышления, я понёс полный партийный протокол, который теперь (три десятилетия спустя) неудобно воспроизводить даже в смягчённом авторском пересказе.

- Вы понимаете, что если сигнал подтвердится, Приставкину грозит исключение из партии и, следовательно, из Союза писателей?

- Безусловно...

- И чувствуете ответственность, как пригласивший его в гости?

- Не только чувствую полную ответственность, но готов голову положить на плаху...

- Тогда вот вам машинка, бумага, стол и стул. Опишите всё, что вы знаете о пребывании Приставкина в Воркуте и считаете нужным отметить. Проще говоря, вам надо написать подробную объяснительную записку. Не торопитесь. Всё хорошо обдумайте.—Он выдернул телефонный шнур из розетки и поднялся.—Вам здесь никто не будет мешать... Кстати, как у вас с пузырьём?.. А то ведь я вас закрою...

- С пузырьём у меня нормально...

Ильин вышел из кабинета и щелкнул ключом. Часы показывали без четверти одиннадцать. Я заложил три экземпляра и начал писать. Машинка была большая, чужая, непривычная, да и самочувствие далеко не из комфортных. Во время моей работы Ильин трижды заходил в кабинет, брал из ящика стола какие-то бумаги и, не говоря ни слова, будто бы меня не было, удалялся, поворачивая в двери ключ. Когда я поставил последнюю точку в конце двенадцатой страницы и разложил экземпляры, было десять минут пятого. И тут, будто наблюдавший за мной сквозь стены, вошёл Ильин. Второй и третий экземпляры я сунул в карман пиджака, а первый протянул генералу. Он быстро пролистал рукопись, стоя. Затем передал мне последнюю страницу с замечанием:

- Каждый документ должен быть подписан и датирован автором. Я расписался и поставил дату.

- Вам придётся ещё немного подождать, - сказал Ильин, усаживаясь в своё кресло. И он стал очень внимательно читать записку, иногда по нескольку раз возвращаясь на предыдущие страницы, что-то сравнивая. На это ушло еще не менее сорока минут. Мой пузырь был на последнем пределе, но я решил дотерпеть.

- Хорошо,- сказал он наконец.—Спасибо. Я вас больше не задерживаю.—И пожал руку.

Измученный и голодный Приставкин дожидался меня на вестибюльном диване. На том самом продавленном диване, который любил занимать «затоваренный» Светлов, комментируя достоинства-недостатки проходящих мимо поэтессок. Толя беседовал с поэтом Александром Межировым. Судя по тому, как сверхчувственный Александр Петрович поднял на меня свои огромные голубые глаза, готовые в любую секунду пролиться слезами, я понял, что он в курсе дела. Я бросил пиджак на колени Приставкину и помчался в туалет, а когда возвратился—Межирова уже не было. Мы решили пообедать. За столиком я отдал Толе второй экземпляр записки. Он быстро и жадно прочитал её. Впервые за последнее время лицо Приставкина посветлело.

- Да, Игнатьев не зря платит тебе деньги, - сказал Толя.—Врать умеешь не хуже барона Мюнхаузена... - Подошла официантка.—По этому поводу можно бы и выпить. Но я—за рулём...

- А я...- А я давно готов был к «развязке», но страшно боялся этого мгновения. И когда снилось, что подношу ко рту рюмку или сигарету—просыпался в холодном поту.—Натренированная писательской братией цэдээловская официантка стояла наготове памятником с блокнотиком и карандашиком—как солдат с примкнутым штыком на посту №1. И грешная душа моя не выдержала:

- Можно бы пивка... - Официантка слабо улыбнулась и продолжала стоять.- Но лучше «сухенького»... - Она всё не уходила, расплываясь в улыбке...- Ещё лучше... «мокренького»—Девушка рассмеялась и отправилась выполнять заказ.

Так закончился мой трёхлетний безалкогольно-безникотиновый пост. Дома жена мгновенно учуяла подзабытый запах.

Отпуск был испорчен.

Но Толя спасён.

Было бы слишком самонадеянно утверждать, что моя записка сыграла решающую роль в «погашении» воркутинского «дела» Приставкина. Но субъективный анализ событий даёт основания думать, что дальше кабинета Ильина кляуза не пошла. Вскоре «Профиздат» выпустил его книжку «Камень горючий», посвящённую горнякам воркутинской шахты «Северная». Это как-то подправило его финансовые дела...

В то лето мы жили у себя на даче, под Киевом. Далеко отлучаться не могли: умирала моя мама. В это невесёлое время к нам прибыли Приставкины в полном комплекте. Даша была совсем маленькая, училась ходить. Толя закрывался на веранде и до обеда работал. Это были годы, когда на Центральном телевидении чередой крутили многосерийные советские фильмы. Приставкин тоже решил экранизировать роман «Голубка». Сценарий создавался при посредстве клея и портняжных ножниц моей покойной бабушки. Через некоторое время Толе, вероятно, надоела работа «закройщика» и он решил, что неплохо бы на несколько дней смотаться к морю в Одессу. Уже выезжая со двора, сказал :

- Ждите нас через три-четыре дня...

Прошла неделя: семейство не возвращалось. Заполошная Эмма стала накручивать всякие страшные фантазии, подвигая меня на поиски без вести пропавших. Искать в одесских гостиницах было бессмысленно: я прекрасно знал, что Приставкины люди «палаточные», а вот на станцию городской «скорой помощи» позвонил и терпеливо ждал, пока диспетчер проверила по журналу данные за последнюю неделю. Нет, такие люди, слава Богу, в одесские больницы не поступали. На десятый день волнение стало серьёзным. Пришлось подклю-

чить влиятельных местных друзей, которые задействовали Украинскую ГАИ. Очень быстро были получены данные по всем постам—от Киева до Одессы: «Жигулёнок» с названными московскими номерами ни в какие чрезвычайные ситуации на трассе не попадал...

Приставкины явились среди ночи—на одиннадцатые сутки. Уставшие, с обгоревшими плечами и носами, но счастливые. Оказалось, они не столько отдыхали, сколько работали. А произошло вот что. Как я и предполагал, они нашли тихое местечко—вдали от шума городского— поставили палатку под крутым глинистым берегом с таким расчётом, чтобы прибойная волна не могла к ним докатиться и смыть в море. К вечеру пятого дня, когда уже было решено на рассвете сниматься в обратный путь, налетела внезапная туча и разразилась страшной силы гроза, какие случаются на юге России летом, а на юге Африки зимой. Мне приходилось испытывать те и другие, причем—за баранкой автомобиля, когда непроницаемая стена воды напрочь поглощает видимость и останавливает все виды транспорта...

Гроза закончилась так же внезапно, как и началась. Наступила тишина, нарушаемая отдалённым шуршанием моря. Толя выполз из палатки и решил проверить пантус, по которому пять дней назад спустился на прибрежную гальку, а позавчера ездил в Белгород-Днестровский за продуктами и резонно подумал тогда, что в случае дождя по этой глиняной крутизне будет не подняться. От палатки до съезда было не более восьмидесяти метров. Где-то на полпути произошел небольшой оползень берега, который обнажил контур, напоминающий разрез могилы. Подобравшись ближе, Толя увидел человеческую кость. Знаток старины, он внимательно осмотрел обнажение и предположил, что захоронение очень древнее, вероятно—скифское, представляющее большой интерес. И стало, как поётся в знаменитой песне Богословского, «Сердцу тревожно в груди..» от встречи с вероятно далёким предком...

Раздумывая о предстоящих раскопках, он подошел к началу спуска и убедился, что не только автомобилю, но и пешеходу трудно будет подняться по этому «мылу», как минимум, несколько дней. Чтобы выехать, нужен трактор. И не колёсный «Беларусь», а гусеничный...

Прежде всего предстояло обезопасить находку от постороннего глаза как со стороны суши, так и со стороны моря; там время от времени появлялись пограничные катера, прогулочные глиссера и рыбацкие моторки. Он кликнул своих «палаткочадцев», пояснил задачу и все вместе стали дружно собирать по берегу деревьяшки и коряжки, выброшенные морем. Затем Толя тщательно замаскировал обнажение (как-никак бывший авиационный механик знаком с методикой маскировочных работ в условиях военного времени)...

Было решено днём раскопки не вести, а делать это с наступлением сумерек и перед рассветом. Всю операцию под кодовым названием «Скиф» Приставкин надеялся осуществить за два-три дня, но потребовалась почти неделя. Во-первых, чтобы копать по всем правилам, нужен соответствующий инструмент, а Толя располагал только маленькой туристской лопаткой, автомобильной монтировкой, охотничьим ножом и набором столовых ложек. Во-вторых, вести горизонтальную «проходку» в насыпном (хотя и утрамбованном веками) грунте было очень страшно, а по законам техники безопасности— недопустимо. Далее: в первый же час работы «сели» батарейки аварийного фонарика и копать в полной темноте стало невозможно. Тогда он перенёс палатку, подогнал машину, насколько было возможно, к оползню, скрутил все имеющиеся в запасе провода и подключился к автомобильному свету. Это было тоже опасное предприятие, поскольку существовал риск «посадки» аккумулятора, со всеми вытекающими последствиями. Картина археологических сложностей будет архинеполной, если не сказать, что в конце третьего дня в питьевой канистре осталось два литра воды, а в продуктовой сумке горбушка хлеба и две пачки супового концентрата. Весь этот скудный провиант решили использовать исключительно для кормления детей. Взрослым предстояло довольствоваться голым энтузиазмом и ещё крабами, которых Толя с Ваней искусно вылавливали из-под прибрежных камней. Но Приставкин не зря носил кличку «Упорный»; она в очередной раз была символом победы над обстоятельствами и над собой...

Всё это я узнал из рассказов следующего дня. А среди той памятной ночи Толя, утомлённый и сияющий, велел мне взять фонарь и следовать за ним к машине. Счастливый оттого, что Приставкины нашлись живые и здоровые, я покорно выполнял все команды. Мы подошли к его машине, ещё пылающей дорожным жаром. Толя загадочно сказал:

- Сейчас ты её увидишь...Сейчас ты её увидишь...
- Ты что, черноморскую акулу поймал?..
- Ещё лучше...Скифскую бабу!..

Как артист оригинального жанра, он манерно отбросил крышку багажника и я невольно вздрогнул, увидев в луче фонарного света «запчасти» человеческого скелета и несколько высоких кувшинов. Всё это было в комьях налипшей глины.

- Может быть, и баба...Но ты уверен, что скифская?..
- Абсолютно! На сто процентов!..
- В таком случае сможешь теперь заниматься писательством в охотку... Даже работать «в стол» до лучших времён...
- С чего это ты взял?
- Говорят, кувшины в скифских захоронениях пустыми не бывают, - сказал я с откровенным намёком.

- Моя баба, видимо, знала что достанется нищему советскому писателю и потому решила драгоценности оставить мужу, а в могилу взять пустые горшки...

- Ладно, пошли спать.

- Нет, - возразил Толя.—Я останусь в машине... Её ж могут украсть...

- Шутишь?!

- Ничуть... - Он откинул сидушки и стал устраиваться на ночлег. Я давно знал, что если Толя принял решение, то переубедить его очень трудно. Он бывал не только упорным, но и упрямым...

В том же (или в следующем?) году Приставкин написал мне, что "скифская баба" экспонировалась на какой-то серьезной археологической выставке под девизом «Черноморская находка Вани Приставкина»...

В конце шестидесятих годов Толя увлёкся парапсихологией и экстрасенсорикой. Он посещал собрания московских «магов» и учил меня особенностям поведения в таких опасных компаниях, показывал как «замыкать» руки, чтобы не получить чужой отрицательный заряд, каких вопросов не следует касаться и т. д.

Вначале я относился к его увлечению с большим скепсисом. Откровенно говоря, просто не верил, когда Толя с умным видом рассказывал, что недавно вызвал «образ», кажется, Бунина (точно не помню, но кого-то из русских писателей, похороненных в Париже), и установил причину смерти, никак не совпадающую с заключением официальной медицины. Но со временем я убеждался, что он много знает и кое-что умеет делать руками.

В один из его приездов в Ирпень мы пошли прогуляться по улицам моего детства. Был прекрасный августовский вечер, тихий, в меру прохладный. Из дачных дворов расползлся запах петуний и душистого табака. Чёрное украинское небо демонстрировало парад всех родов звёзд. Толя долго и сосредоточенно молчал, затем поднял над головой руку с растопыренными пальцами, вроде от чего-то защищался.

- Господи, какие они сегодня колючие, - сказал он о звездах.—Люди с сердечно-сосудистыми заболеваниями должны чувствовать себя плохо.

Я напомнил ему, что мы с Эммой гипертоники с большим стажем, но когда приезжаем в Ирпень, то совершенно не чувствуем давления, даже перестаём пользоваться тонометром.

- Не чувствуете из-за обилия кислорода, - сказал Толя, - но это совсем не значит, что давление ваше находится в норме...

Когда мы возвратились с прогулки, Приставкин потребовал ученическую линейку, рулетку—любой инструмент с сантиметровым делением. Я нашёл складной плотницкий метр. Толя усадил меня на

стул, нащупал пульс у запястья, а второй своей рукой стал водить по разложенному на столе метру. Очень скоро он сообщил:

- У тебя давление 185 на 95. Даже для Ирпеня –высоковато. Теперь проверь тонометром. Допускаю ошибку в пределах пяти пунктов...- Я немедленно достал аппарат и проверил. Оказалось 179 на 91.

- Это твоя техника врёт, - рассмеялся Толя, явно довольный своим мастерством.—Теперь давай у Эммы проверим...

Проверили. Цифры у жены оказались намного выше моих, а погрешность, допущенная измерением Приставкина—меньше. Я хотел принять лекарство, но экстрасенс остановил меня:

- Не надо. Я сейчас скачаю тебе, как минимум, 20 пунктов без всякой химии.—Он сосредоточился и стал делать руками странные неторопливые движения вокруг моей головы. При этом я совершенно отчётливо чувствовал горячий, какой-то тягучий слой между его руками и своей черепной коробкой. Продолжалось это минут десять:

- Теперь проверь, - велел Толя.

Перемеряли: верхняя цифра снизилась ровно на 20, нижняя—на 9. Я посмотрел на Приставкина: он взмок и как-то сразу осунулся (таким опустошённым я дважды в жизни видел знаменитого экстрасенса Вольфа Мессинга во время демонстрации всяких чудес).

Видя перенапряжение гостя, Эмма решительно отказалась от его рукотворных услуг и приняла «химию»...

Лет десять спустя Толя рассказал мне, что лечит от тяжёлого недуга дочь одного из высокопоставленных литературных вождей, который обратился к нему, как к последней надежде. Причем сеансы проводит по телефону, и уже есть положительные сдвиги, каких не могли добиться светила данной отрасли медицины. Затем в одной из московских редакций я стал невольным свидетелем разговора двух незнакомых людей. Не знаю, о чем они беседовали, но вот один из них сказал: «Этот Приставкин не писатель, а натуральный Иисус Христос...» В те годы светская хроника (особенно о бытии литературных вождей) распространялась в московских интеллигентских кругах очень быстро...

Есть на моей памяти ещё несколько «чудес», сотворённых Приставкиным, но явления эти слишком деликатного свойства, чтобы рассказывать о них широкому кругу читателей...

Весь апрель 1974 года мы провели с Приставкиным в Переделкино. Союз писателей РСФСР проводил в Доме творчества Всероссийский семинар документалистов. Собралось человек 50 из разных уголков России. Меня тоже позвали, не без Толиной рекомендации (он был одним из руководителей семинара). Мы заняли с ним по комнате на втором этаже одного из особнячков. В третьей поселился иркутянин Леонид Шинкарёв—собкор «Известий» по Восточной Сибири, автор монументальных книг об этом огромном и всё еще загадочном крае.

Через несколько дней четвёртую—освободившуюся – комнату занял приятель и земляк Шинкарёва—Валентин Распутин. К тому времени десятки (если не сотни) тысяч советских читателей уже познакомились с замечательными повестями Распутина «Деньги для Марии» и «Последний срок». Эти вещи были ярким свидетельством того, что в русскую литературу пришел художник высокого класса. Теперь Распутин прилетел в Москву вычитывать корректуру новой своей вещи, которая печаталась в одном из центральных издательств. В разговорах тэзка мой особо не распространялся о содержании книги (и правильно делал), сказал только, доверительно понизив голос, что речь идёт о дезертире. Называется роман «Живи и помни». В сводном плане издательства вещь называлась иначе, а в аннотации речь шла совершенно о другом. Видимо, это был своеобразный издательский маневр, чтобы не создавать заблаговременной подозрительности у тех, кто по долгу службы просматривал издательские планы и прочитывал анонсы в целях недопущения аполитичных сюжетов.

Очень скоро я прочитал «Живи и помни» и сделал вывод (во всяком случае для себя), что это одна из самых сильных психологических вещей послевоенной прозы. Через десять лет моё отношение не изменилось. Тогда, в Переделкине, понравился мне и автор прочитанных ранее повестей. Понравился какой-то своей монументальной скромностью, или скромной монументальностью. Годы спустя, когда увидят свет «Прощание с Матерой», «Пожар» и другие вещи Распутина моё уважение к этому писателю не изменится, хотя в литературных кругах пойдут разговоры о реакционности Валентина.

Как это часто бывает с талантливыми людьми, живущими на периферии, Распутин в полной мере ощутил на себе смирительную рубашку местничества и убожества провинциальной мысли власть имущих. В Москве его охотно издавали и достойно ценили, а в родном Иркутске всячески замалчивали. Шинкарёв рассказывал мне, что в своё время Иркутский обком ВЛКСМ отказался выдвигать Распутина на соискание премии Ленинского Комсомола.

Семинарские занятия проводились с утра до обеда. Я как раз опубликовал в журнале «Север» документальную повесть «Сладкая полынь», которая обсуждалась и получила хорошую оценку. Георгий Радов громогласно заявил, что этой повестью я открыл новую страницу в документальной прозе 70-х годов. Откровенно говоря, никакой новизны я не ощущал, поскольку жил и действовал внутри событий и проблем, о которых писал. Другое дело, что журнал брал на себя смелость печатать мою прозу. Существовало расхожее мнение, что в послевоенные десятилетия самым смелым среди журналов был «Новый мир». Но и «Север» был не из робкого десятка, иначе бы не увидели свет повести Василия Белова, начиная с «Привычного дела»; романы Дмитрия Балашова; никогда не публиковавшиеся дневники

М.М.Пришвина и многое другое. До сих с глубоким уважением и поклонением вспоминаю сотрудников журнала—Станислава Панкратова, Олега Тихонова и, конечно же, главного редактора Дмитрия Яковлевича Гусарова. Будучи многие годы постоянным автором «Севера», я не переставал удивляться бескорыстию и мужеству людей, которые после выхода почти каждого номера ходили с синяками и шишками, но продолжали публиковать вещи, от которых другие издания откращивались, как от чумы...

Прослышав о нашем семинаре, в Переделкино зачастили работники издательств, телевидения и театральные режиссёры. Все искали документальные материалы на злобу дня. Хотя, если объективно разобраться, все, без исключения, дни были сплошной злобой. Приезжал Плучек: требовал что-нибудь смешное из нашей жизни, хотя, умница, прекрасно понимал, что смешное в нашей жизни—всё. Смешное и печальное!..

Ефремов привёз билеты всем участникам семинара на только что состоявшуюся во МХАТе премьеру спектакля «Сталевары». Мы дружно ездили на спектакль...

Независимо от семинара, Приставкин уже долгое время вёл переговоры с театром Моссовета о сценическом воплощении повести «Солдат и мальчик». Насколько мне известно, Толя много раз переделывал инсценировку, а Завадский требовал новых и новых вариантов перед подписанием договора. Если не ошибаюсь, эта кутерьма продолжалась до самой смерти старого режиссёра...

Очень скоро моя комната превратилась в мини-филиал ЦДЛ. С наступлением вечера приходили, кроме Приставкина, Радов, Росляков, Сахнин, многие семинаристы... Бывали и дамы: Кира Михайловская, Лида Графова, Инна Буркова... К Радову часто приезжала его последняя жена Галина Кожухова—сотрудница «Правды». Места за столом хватало не всем; рассаживались на диване, приносили стулья из соседних комнат, а Галина Петровна снимала обувь и забиралась на мою кровать. Огромный костистый Радов устраивался рядом с женой и клал ей на колени свою львиную голову, увенчанную седой гривой. Мне очень запомнилась эта идиллическая картинка, поскольку буквально через несколько месяцев на этой самой кровати произойдёт непоправимое. Подробности мне сообщит Приставкин: во время трагического случая он жил в Переделкине.

Однажды утром Радов не появился в столовой к завтраку. Не появился к обеду. Тогда соседи по столу решили его навестить: не заболел ли? Дверь в комнату оказалась закрытой изнутри, на стук никто не ответил. Спустились вниз, зашли с тыла и увидели настежь раскрытое окно, хотя на дворе было очень холодно. Подняли по тревоге начальство. Пока в хозчасти искали длинную лестницу, бывший морской десантник поэт Григорий Поженян (его имя выбито на стелле в

память о погибших защитниках Одессы) поднялся по водосточной трубе, заглянул в комнату и увидел на кровати мёртвого Радова. Многие знали, что у него неизлечимое онкологическое заболевание. Но умер Георгий Георгиевич от обширного инфаркта.

Недели через две после возвращения в Воркуту я получил толстый пакет из Секретариата Союза писателей РСФСР. В сопроводительном письме было сказано:

«Уважаемый Валентин Сергеевич!

Г.Г.Радов поручил мне переслать Вам свою рекомендацию с уверенностью, что в самом скором времени Вы подадите заявление и будете приняты в писательский Союз.

Свои рекомендации (с той же целью) попросили меня переслать руководители Переделкинского семинара Василий Петрович Росляков и Аркадий Яковлевич Сахнин, что я делаю с большим удовольствием.

Желаю творческих успехов и всяческих удач.

С уважением Инна Буркова

P.S. В.П.Росляков сообщил мне, что написал предисловие к Вашей книге «Последние дни бабьего лета», выходящей в «Советской России».

Пройдёт четыре года и жизнь внесёт кардинальные поправки в мои убеждения и планы: тяжело заболела жена, врачи настоятельно потребуют менять климат. Менять, но не очень резко. Следовательно, о переезде в Ирпень речь не шла: там достаточно жаркое лето для человека, перенесшего тяжелейший инфаркт на Крайнем Севере и переведённого на инвалидность с приговором «стойко нетрудоспособна». Мы склонялись к переезду в Петрозаводск или Архангельск. Но требовалась необходимая подготовка. Прежде всего—решение квартирного вопроса. При всей любви к Карелии, предпочтение отдавалось Архангельску, поскольку там учился в медицинском институте наш сын. Его приютил в своей просторной квартире на берегу Северной Двины Народный артист СССР Сергей Николаевич Плотников, прославившийся исполнением главной роли в фильме «Прощайте голуби». Плотников постоянно работал в областном театре имени Ломоносова...

В это тревожное для нас время Коми книжное издательство готовило к печати сборник моей прозы "Грань горизонта", а оформлял книгу московский художник. И вот в двадцатых числах декабря получаю от него телеграмму с просьбой прилететь в Москву для окончательного согласования обложки. Кончатся все договорные сроки и до нового года он обязан сдать работу.

Лечу в Москву. Останавливаюсь у Приставкина. Толя давно ушёл из семьи и теперь живёт один на улице Усиевича в кооперативном доме «Московский драматург»; это тот самый дом, где происходили события, описанные Владимиром Войновичем в «Иванькиаде».

Здесь много знаменитостей, в том числе братья Вайнеры, пребывающие под неусыпным патронажем своей мамы—уже пожилой, тучной, но очень подвижной и общительной женщины. У братьев, кроме квартир, в этом же доме имеются отдельные комнаты—творческие мастерские. У Приставкина—только двухкомнатная квартира, достаточно просторная и все окна на юг...

Я очень быстро справился с делами и мы поехали в ЦДЛ обедать. Только уселись за освободившийся столик, ещё не до конца прибранный, в двери ресторана появились две великовозрастные девушки из приёмных высоких чиновников.

- Пригласим?! - Скорее сообщил, чем спросил Приставкин.

Я согласно кивнул. По лукавой Толиной улыбке я понял, что у него зародилась какая-то авантюрная мысль. В первые годы общения он казался мне инфантильным, очень плохо приспособленным к быту и решению житейских проблем. Но постепенно я убедился в полной несостоятельности этих представлений. Просто Толя действовал, как говорится, «тихим сапом», никогда заранее не публиковал своих намерений, а преподносил результат. Его способность тайно продумывать всевозможные варианты сохранилась, вероятно, с детдомовских времён, когда советоваться и делиться мыслями было решительно не с кем...

Девочки заняли два свободных места, тут же закурили и Первая спросила, для «порядка»:

- Чтой-то, ребята, у вас глазки грустные?..

- Не грустные, а голодные, - ответил Толя.

- К тому же Приставкин ищет хорошую невесту, - добавил я.

- Как артистка ищет хорошую сцену, - сказала Вторая.— Вертящуюся, с мотором и неженатым режиссёром...(Она когда-то работала в одном из московских театров, потом разочаровалась не то в сценической жизни, не то в собственном таланте и ушла в околорисательский мир).

- А если серьезно, то Гринер ищет квартиру, - объявил Толя.

- Квартиру в Москве? С женщиной?.. Ты что, тоже развёлся?..— Вытолкнула Первая вместе с кольцами дыма.

- Нет, Москва ему не подходит, - сказал Толя.— Ему надо где-нибудь на южном берегу Белого моря...

- Это где такое море с таким берегом?—поинтересовалась Вторая.

- В Петрозаводске или Архангельске, - пояснил Приставкин.— У него заболела жена и надо бросать Крайний Север...

Посидели, поболтали о всякой чепухе. Официантка принесла фирменные бифштексы и выпивку. Разлили, выпили. Шаркая тупым ножом по бифштексу и выдавливая при этом полоску крови, Первая вдруг спросила:

- Слушай, Валя, как фамилия градоначальника Архангельска: Павлов?..Петров?..

- Попов. Борис Вениаминович. А что?

- А то! Они с Владимычем в больших корешах... На «ты»...Иногда перезваниваются... Года три назад в Архангельске проводился выездной пленум Союза... С тех пор они задружили...

- Интересно, - сказал Толя, поблескивая стеклами очков.— Очень интересно... - Мне подумалось, что, приглашая за наш стол девочек, Приставкин молниеносно просчитал вероятную ситуацию и теперь она входила в нужное русло. Я не помню случая, чтобы он торопил или перебивал собеседника; меня поражала его выдержка, когда представлялось совершенно естественным и необходимым прервать, остановить, задать вопрос—Толя держал паузу.

Но Первая оказалась «заводной». Видимо, собственная мысль теребила и не терпелось довести её до логической вершины. Она вдруг отодвинула тарелку с недоеденным бифштексом, достала из сумочки карандаш, выдернула из подставки бумажную салфетку:

- Значит, один пишем –два в уме... - И она крупно записала: Попов Борис Вениаминович—первый секретарь Арх. обкома

Она рассмеялась, посмотрела на часы и вдруг заторопилась.

—Не знаю, ребята, как там у вас дома, а мой уже, наверно, пришёл с работы и блины мечет... Ты идёшь?—спросила она подругу.

Та нехотя кивнула головой, ей явно не хотелось уходить. Первая начала выкладывать на стол деньги, но я запротестовал.

—Ладно тебе, Валентин. Думаешь, мы здесь очень бедные. А мы сегодня премию получили. За второй квартал... Можем и тебя угостить, чтоб чего не подумал...А то приезжают всякие-разные и швыряются деньгами, как провинциальные купчишки...

В тот вечер мы засиделись в ресторане до самого закрытия. Это была вроде тренировочная встреча нового года. К нашему «паровозу» цеплялись всё новые и новые «вагончики». А когда предупредительно мигнул светофор предвестник явления контролёра для проверки билетов, пассажиров как ветром сдуло. За исключением одного: местный завсегдатай и вечный безбилетник поэт Заяц блаженно пускал пузыри в последнем вагоне опустевшего поезда...

Утром нас разбудил телефонный звонок. Толя поднял трубку и через несколько секунд крикнул из соседней комнаты:

- Это тебе. Возьми на кухне трубку...

«Господи, зачем ты послал мне это кошмарное происшествие?! Как тяжело оторвать от подушки голову, «преодолеть пространство и простор» до кухонного стола...Не мог Приставкин сказать, что меня нет, что я уже уехал...»Но делать нечего, надо вставать... По пути хватаю из крана спасительный глоток , орошаю «пустыню Сахару»

- Ну, у тебя на такси до аэропорта осталось?—Спрашивает Первая, сдержанно посмеиваясь.

- Как тебе сказать...

- Никак не говори. Нам уже всё доложили... Лучше «слушай сюда»...- И она читает: - Глубокоуважаемый Борис Вениаминович (восклицательный знак). Российский писатель Валентин Гринер живёт и работает в Воркуте четверть века. За эти годы он создал серию книг, воспевающих тружеников Заполярья: шахтёров, строителей, геологов...Теперь он изъявляет желание переехать в город Архангельск и продолжать благородную миссию—писать о людях труда. Он намерен работать в Вашем городе не кавалерийскими наскоками, а поселиться основательно и надолго. Поэтому обращаюсь к Вам с убедительной просьбой оказать писателю Гринеру содействие в организации надлежащих жилищных условий. С дружеским приветом. Сергей Михалков». Всё правильно? Реквизиты в ажуре?.

- Думаешь, подпишет?

- Думать нечего. Уже подписал...

- Тогда с меня причитается...

- Авансом взятки не берём...

- А борзыми белыми песцами?..

- Если белыми, то медведями...Ладно...Мне надо работать. Счастливо долететь...Не забудь сообщить итоги...- Раздались короткие гудки и я потащился к своему спальному месту, с ужасом думая, что скоро надо собираться к самолёту...

28 декабря я улетел в Воркуту встречать новый год в кругу семейства. А утром третьего января меня разбудил телефон. Звонил ответственный секретарь Архангельской писательской организации—поэт Николай Журавлёв.

- Извини, Валентин Сергеевич, что я так рано...Но меня самого подняли по тревоге, - сказал Журавлёв.—Тебя срочно разыскивает товарищ Жуков...

- Маршал Жуков?..

- Представь себе—маршал Архангельска...Мэр города! Ему поступила какая-то грозная команда с Восьмого этажа (на этом этаже обкомовского здания располагался кабинет Б.В.Попова). Подробностей я не знаю, но тебе необходимо срочно прилететь...

Через два дня я вошел в кабинет мэра города Архангельска, где лично товарищ Жуков вручил мне ключи от квартиры в новом доме, пожал руку и пожелал больших творческих успехов...

И как тут было не вспомнить анекдот про сержанта-сверхсрочника из министерства обороны, который перепечатывал списки на присвоение очередных воинских званий?!

Вскоре мы переехали в Архангельск. Прощание с Воркутой было трудным: ведь здесь прошла главная жизнь, все её радости и

невзгоды, оставались близкие друзья, оставался привычный образ жизни. Теперь предстояло всё начинать заново. Само по себе менялось отношение к постоянной работе, которое совсем недавно было незыблемым. И хотя до льготной пенсии по арктическому стажу оставалось еще семь лет, я решил больше не служить и полностью отдаться собственному творчеству.

Но «собственного» не получилось. За шесть лет жизни в этом городе я выпустил в Северо-Западном издательстве девять книг, из которых только две свои, в остальных был «литзаписчиком» и «литработчиком». Моими «диктаторами» выступали рядовые герои и высокопоставленные партийно-хозяйственные чиновники. Когда выяснилось, что "волосатой рки" в Москве у меня нет, стали сложно складываться отношения с местным литературным руководством.

В начале 80-х годов Приставкин посетил Архангельск, кажется, по командировке «Литературки». Меня в это время в городе не было и Толя пообщался с моими детьми: сыном и невесткой. А перед отъездом домой зашёл в местное отделение Союза писателей отметить командировку. В беседе как бы мимоходом спросил о Гринере, с которым когда-то познакомился в Воркуте и слышал о его переезде в Архангельск. Журавлёв ничего не знал о моих с Толей дружеских отношениях и дал полный разгул своей небогатой фантазии: «не наш человек; пишет и читает в компаниях антисоветские стихи; его выступления на партийных собраниях всегда носят злобный характер; всё ему не нравится в нашей жизни; уверен: Гринеру и советская власть не нравится; в любое время может свалить за бугор и покрыть всех нас позором; мы и ребята из органов, конечно, следим за его деятельностью, но он ведь месяцами живёт на своей украинской даче. А чем он там занимается?—рекбус-кроксворд...».

Толя немедленно сообщил мне о своей беседе с Журавлёвым и призвал к бдительности. Наученный горьким опытом, Приставкин заделался пропагандистом осторожности и бдительности. Вероятно, в немалой степени этому способствовали многочисленные «жучки», найденные при ремонте прежней квартиры. С его настороженностью, которая иногда выглядела почти маниакально, мне приходилось сталкиваться неоднократно, и по разным поводам.

Как-то я прилетел в Москву и узнал, что Толя живёт в Переделкине. Побывать в столице и не повидаться с другом—было бы нарушением моих жизненных правил. Дозвониться в Дом творчества невозможно; там единственный общественный телефон, который никогда не бывает свободен; не действует и рукописная табличка на стекле будки «Просьба романы по телефону не читать!» Я поймал такси и поехал в Переделкино. Вахтёрша в главном корпусе указала мне комнату Приставкина на первом этаже. Я постучал и вошёл. Мы, как обычно, обнялись. Но Толя показался мне каким-то взволнованно-

настороженным. Он стал прикладывать палец к губам и жестами призывать меня к выходу. Мы вышли в коридор, затем на улицу.

- Ты извини, - сказал Толя, - но в комнате ни о чём серьезном говорить нельзя. Тем более с тобой...

- Что, подобойные «жучки»?..

- Насчет подобойных не знаю. А вот пару дней назад ко мне впёрся какой-то мужик. Назвался работником телевидения. Стал расспрашивать о всякой ерунде, интересоваться творческими планами. Но я быстренько его отправил. Потом смотрю: на вешалке у двери оставлен фотоаппарат «Зенит» с открытым объективом и без футляра. Понятия не имею, когда он успел его туда повесить... Хорошо, что сразу обнаружил. А то ко мне разные вольнодумцы заходили и трепались почему зря...

- Так выбрось его к чертям собачим! Или сдай в дирекцию...

- Э-э-э, мне интересно—что дальше будет. Это же процесс...

- И ты никогда прежде не видел этого человека?

- Никогда. Здесь вообще половина людей, которых никто не знает. Видимо, на каждого писателя три чекиста...

Обо всём важном мы переговорили на улице, а когда возвратились в комнату, Толя взглядом указал на «рогатую» вешалку, откуда одноглазо и, теперь уже чудилось, зловеще смотрел «Зенит». Я показал аппарату кукиш, достал из портфеля бутылку с закуской и мы приступили к трапезе...

Шло время. Мы встречались всё реже. Толя начал преподавать в Литературном институте, писал «Гучку», занимался решением своих семейных проблем и был очень занят. Но летом дважды посетил меня в Ирпене, когда с друзьями путешествовал по Закарпатья и Молдавии. А я к тому времени окончательно покинул Север и поселился в своём доме с единственной надеждой—спокойно жить и писать задуманные книги. Но ровно через год после моего переезда произошла Чернобыльская катастрофа. И снова благие планы были порушены. Я посадил в машину жену, внуков и более полугода колесил по городам и весям страны, задерживаясь в местах, куда ветры не занесли выброшенную взорвавшимся реактором всю таблицу Менделеева. Более месяца прожили в Москве, где несколько раз встречались с Приставкиным...

Но всё кончается. Кончилось и наше терпение к скитальчеству по чужим квартирам. Надо было жить в зоне радиоактивной опасности или снова куда-то переезжать. Дети работали в престижных киевских клиниках, срывать их не хотелось. Постепенно жизнь возвращалась на круги своя. Притуплялась необходимость соблюдать меры предосторожности: даже знаки радиационной опасности, расставленные на грунтовых въездах в лесные массивы, уже не производили должного впечатления. Человек быстро привыкает ко всему. Более то-

го, мой сын задумал строить трёхэтажный дом—и я поддержал его в этом начинании, хотя двумя годами раньше надстроил этаж над своим старым домом и места хватало всем.

Зимой восемьдесят седьмого года я получил от Приставкина короткое письмо (его письма всегда были короткими—одна страница машинописного текста), в котором он сообщал, что по Москве «гуляют» две его рукописи. Одна из них «просто убийственная». Предполагаемый финал: либо книгу издадут, либо автора посадят. Третьего не дано. Тогда я ещё не знал, что это была «Тучка». Прочитав письмо, тут же перезвонил в Москву, чтобы узнать у Толи подробности. Трубку подняла женщина, которая назвала себя Мариной, и сообщила, что Анатолий Игнатьевич будет вечером. Никаких дополнительных вопросов я задавать не стал—мало ли какая женщина может находиться в квартире холостого писателя. Но каким-то восьмым или десятым чувством угадал, что Приставкин наконец устроит свои семейные дела и будет счастлив...

Следующий наш телефонный разговор состоялся после присуждения Толе Государственной премии. Я не сомневался, что он будет победителем последнего тура, хотя искренне сочувствовал Владимиру Дудинцеву, автору прорыва 1956 года.

Вскоре я с сыном приехал в Москву за выездной визой в Израиль.

Для постоянного жительства я выбрал Хайфу—третий по величине город Израиля—крупный Средиземноморский порт. Слегка осмотревшись на новом месте, написал подробное письмо Приставкину, но Толя на него не ответил. И я не обиделся. Было только начало девяносто первого года. И трудно было предположить, как может обернуться связь теперь уже знаменитого советского писателя с изменником родины. А Толя имел богатый опыт расплаты за такие связи. Поэтому вполне понятно, что подвергать себя вероятности новых гонений он не хотел. И правильно делал...

И вот в феврале 2000 года получаю письмо от старого друга, одного из тех, какие встречаются однажды на всю жизнь, особенно на Севере. Друг сообщил, что в журнале «Дружба народов» за 1998 год обнаружил публикацию новой книги Приставкина «Синдром пьяного сердца». В книге и мне, эмигранту, уделена главка «Где живёт Белый Олень». Приложением к письму была ксерокопия первых полутора страниц, ко мне относящихся. Вот радость! Не забыл меня Толя, описал! И не в каком-то жовто-блакитном «Бульваре», не в «СПИД-ИНФО», хотя по теме вполне подходяще, а в солидном уважаемом журнале. Не дожидаясь получения полной публикации из России, я написал Приставкину шуточное письмо в духе его общественной должности: «МОСКВА, КРЕМЛЬ,

ПРИСТАВКИНУ А.И.,

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ КОМИССИИ
ПО ПОМИЛОВАНИЮ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИИ

ПРОШЕНИЕ О ПОМИЛОВАНИИ.

Дорогой Анатолий Игнатьевич!

Получил я намедни маляву от своего кореша-подельника по воркутинским тундрам. Прислал мне корешок печатку Вашу про Белого оленя. Признаюсь: было дело, пивал со всеми и во множестве, но чтоб до «Белого Оленя» – ни разу. Может, там и есть про это, но печатка Ваша кончается в том месте, где я говорю «А-ла-ла», а Вы: «Можно посмотреть?» И дальше—всё. Правду сказать, корешок даёт наколку: вроде бы Вы жалеете, что девять лет тому не ответили на моё прошение, посланное из Святой Земли, где я тянул пятерик и отмаливал тяжкие грехи свои. Но, как говорится, кто старое помянет, тому и глаз вон. А глаза Вам ещё ой как сгодятся, чтоб писать книжки и людей миловать...

При сим сообщаю, что сижую ноне в Морской Тишине под Южным Крестом, где терпеливо дожидаясь Вашего великодушного помилования по адресу, телефону и интернету.

А ещё Вам кланяются: жонка моя, Эмма, которая по-прежнему с грустными глазами (и хотя глазам был недавно произведён кап. ремонт, грусть, однако, никак не исчезает). А также кланяются сынок мой Женя, невестка Лена, внуки Дима и Лёня.

Все они, слава Богу, живы пока и здоровы, чего желают Вам и Вашему славному семейству.

Позвольте (хотя и не положено в моём положении) крепко Вас обнять.

Жду ответа, как птица киви—лета.

И ещё хотелось бы знать: живёте Вы по-прежнему в «Дворянском гнезде» или сослали Вас куда, как царевича Алексея? К примеру, ближе к городку Борису? Помните, Великий Князь Константин Михайлович писал царевичу: «Ты помнишь, Алёша, изба под Борисовым?..» Может, теперь и вы в другой избе?..

С уважением и поклоном Вал. ГРИНЕР

г.ОКЛЕНД, Новая Зеландия."

Позже я понял, что допустил глупость, отправив Прощение на кремлёвский адрес. Письмо наверняка попало в руки чиновнику-почтоведу, которого Бог обделил чувством юмора. И, вероятно, поставил меня тот чиновник в общую очередь на помилование. А очередь, по сообщениям российской прессы, длинная—года на три, не меньше. Оттого и ждать мне ответа, как птице киви—лета. Ведь крем-

лёвские чиновники, в «Дружбу народов» отродясь не заглядывали и не знают, что в конце главы, где про меня писано, Приставкин отчаянно крикнул, как потерявшимся в дремучем лесу мирового пространства:

"- Гри-не-р-ы-ы! Не исчезайте же, чёрт возьми! Из России, ладно. Будьте хоть где-то, в этом не лучшем из миров..."

Дорогой Толя! Мы не исчезли! Мы есть! Мы ещё живы!

(печатается с сокращениями)

Александр УЛЬЯНОВ

МАМИН КОЛОДЕЦ

(рассказ)

Этот колодец вырыли отец с матерью. Прошлым летом, еще до моего приезда. Рядом с домом, в двух шагах от бани. Славный у них получился колодец, одно загляденье.

- Намаялись мы с ним, устало рассказывал отец, сидя на бревнышке. – Если бы не мать, махнул, наверное, рукой...

А она, наша мама, стояла рядом, глядела на нас и весело улыбалась. Поправив белый платочек, кивнула мне головой: слушай, мол, его, опять заливает. Работали-то наравне, чего уж тут...

Нет, не любила мать хвалиться, да и пасовать перед трудностями не умела. Тянула воз до конца, каким бы тяжелым он ни был. С малых лет и до последних дней. По-деревенски, во все жилы.

Подошла она тогда к колодцу, зачерпнула воды – полный черпак.

- Поди сюда, попробуй, сынок. Ох, и вкусная водица-то набежала!

Взял я черпак из маминых рук, жадно глотнул студеной воды. Обожгло внутри, всколыхнуло. И так светло стало на душе, будто не уезжал никуда из родного дома, не ходил-бродил по белу свету. Вспомнилось далекое детство, радостное и беззаботное, крутой изгиб Вычегды-реки, и мать встала перед глазами в белом платке с вечной деревенской заботой...

Но не долго поил нас колодец студеной водой.

...За окном была ночь. Осенняя и мрачная, пугающая своей чернотой. Странно, но не спалось мне в ту ночь. Неведомая сила носила из угла в угол, крутила меня, жгла чем-то горячим внутри.

Тревога росла и поднималась в душе, сердце яростно билось, готовое выпрыгнуть из груди. И вдруг... Тишину разорвал телефонный

звонок. Резкий, настойчивый, бьющий по нервам. Я боялся подойти и взять трубку, ибо сердце уже уловило – звонят издалека, оттуда, из нашей районной больницы.

Всю жизнь буду помнить, как голос моей сестры выдохнул три страшных слова:

- Все, Саша, приезжай...

В ту ночь умерла наша мама.

Ранним утром на попутной машине я уехал в районный центр.

Как в жизни все сложно и просто. Какие резкие границы проходят через наши судьбы, ломая порою мгновенно то, что, казалось бы, и изломать-то невозможно...

Перед глазами стоит минувшее лето. Дождливым и капризным выдалось оно на Севере. Казалось, еще неделя-другая – и оставит всех без сена. Но раздвинулись свинцово-тяжелые тучи, выглянуло долгожданное солнце, высохла земля. Тепло и радостно стало на душе. Будто и не было тех долгих и нудных дождей, будто только теперь-то и начинается самая главная работа – сенокос.

Давно я так не косил с матерью. От души, яростно, до седьмого пота. Но угнаться за ней было невозможно.

- Устал, так отдохни. Не ломай себя, - отмахиваясь от злых комаров, советовала мать. – Посиди, воды попей.

Да, с непривычки уставал и отстаивал от нее. А она, будто заведенная, косой-горбушей «вжик» да «вжик». Налево – направо, направо – налево. Покос ровный да чистый получается. Выбьется из сил, вытрет лезвие косы сырой травой, махнет мне:

- Давай отдохнем, Сашок. Всего не перекусишь.

Упадешь на свежеевыкошенную траву, а сердце готово выпрыгнуть из груди: дух, дух, дух. Рубаха мокрая от пота, хоть сними да выжимай. Во рту сухо, еле язык ворочается. Лежишь на траве и думать ни о чем не хочется.

Достанет мать узелок, термос с горячим чаем, нальет полную кружку:

Возьми, Сашок, попробуй деревенского чая. Вода ведь у нас особая, не то что в городе.

И правда, пьешь этот чай на сенокосе, посреди медового разнотравья, рядом с матерью, и кажется: нет на свете вкуснее напитка, нет на свете счастливее тебя человека.

Как коротка в этом мире наша жизнь! Словно звезда на ночном небе, мелькнет и исчезнет она, закатится куда-то за горизонт. А там, внизу, на земле, снова зацветут луга, будут буйно расти травы, после долгой зимы проснется все живое. И после Иванова дня, к середине июля, зазвонят косы за околицей села. Только не мелькнет среди иво-

вых кустов твой белый платок, только не услышу, как прежде: «Ну что, сынок? И покосим мы нынче с тобой. Лишь бы не дождало...»

Мама, мама... Да разве было мне знать тогда, что пройдет всего месяц и не станет тебя. Застоятся травы на этих лугах, а ты не придешь сюда. Уже никогда!

*Цветы ей говорят – прощай,
Головками кивая низко.
Ты больше не увидишь близко
Родное поле, отчий край.*

Будто про тебя сказал Сергей Есенин.

...Районная больница, палата номер пять. Лекарственные запахи, железные койки белого цвета, серые стены... А там, за окном, гуляло бабье лето. Раздольно и светло, словно последний раз.

Последний раз... Слово-то какое – холодное и страшное. Но не выбросишь его из жизни, не вычеркнешь. Мать я видел последний раз живой и здоровой на пристани. Провожала она меня в город. Помню, обнялись, помолчали. Расставаться всегда грустно. Сказала она на прощание:

- Спасибо за сено. Помог-то вон как. Береги себя...

Долго еще стояла на берегу и махала рукой. Пока теплоход не скрылся за поворотом реки.

И вот опять я снова рядом с тобою, мама. Будто гром расколол землю, все пошло кувырком. Серая больница, палата номер пять. На улице бабье лето, а ты здесь, прикована к постели. Лежишь – мучаешься под капельницей, колют тебе лекарства разные, кажется, что уже живого места нет. Знаю, больно тебе, очень больно. Загорелое лицо осунулось, волосы поседели. В полуоткрытых глазах – печаль. Но не встать, не повернуться тебе. Кровоизлияние в мозг. От вечных забот, тревог, суеты...

От райцентра до нашего села – путь неблизкий. Летом-осенью только по реке можно добраться, на моторной лодке. Помню, день выдался теплый и солнечный. Голубое небо простиралось от горизонта до горизонта, приречные луга опустели, и только длинные стога, словно часовые, застыли на высоких берегах реки.

Мы ехали вниз, домой. Лодка стремительно неслась по течению, натружено гудел мотор, встречный ветер рвал одеяло, в котором было завернуто тело матери.

Молевой сплав уже закончился, и полноводная река отдыхала после тяжелой работы. Осенняя тайга, словно половики, вытканый из золотисто-зеленых лоскутков, расступалась перед нами. Как хотелось мне тогда сказать: посмотри, мама, полюбуйся неброской нашей кра-

сотой. Хотя в последний раз посмотри на знакомые плесы и леса. Ведь здесь, в этих местах, ты тонула молоденькой девушкой, сплавляя лес для фронта. Мерзла в студеную зиму в сырых бараках, ползала по поясу в снегу, добывая кусок хлеба для своей матери. Ты хорошо знаешь каждый изгиб реки, каждую полянку. А вот тут, за длинной песчаной косой, сколько раз косила сено. За десять километров от села, тайком, кабы строгие председатели не увидели да не отняли потом добытый стожок, кабы молоко было у нас, у твоих детей...

Горько на душе. Вдвойне горько, что так рано ушла от нас, что такая трудная судьба выпала на твою долю. Говорила мне – береги себя. А сама не могла этого делать, не умела. Горела на работе. Сколько годов пекла хлеб в деревенской пекарне! До сих пор помнят люди, какие пышные караваи выходили из твоих рук. Но легко ли все давалось? Платила за это потом да здоровьем. Мальчишкой еще видел: ввечеряли в пекарне семидесятикилограммовые мешки, вручную месили тесто, таскали на себе воду, дрова. И ты хваталась всегда там, где тяжелее. Иначе не могла. Иначе бы нас, твоих детей, было четверо. Надорвалась с животом, пришлось схоронить дитячко...

Ровно идущий мотор, все ближе и ближе наше село. Проплывают мимо золотистые березы, ярко-красные осины. Но не видит эту красоту мать. Навеки закрылись дорогие очи. Лишь упругий ветер треплет ее русые волосы, да гулко стучит мое сердце. Хочется плакать, а не могу, закаменело внутри...

Хоронили мать скромно, по-деревенски. В пору бабьего лета, теплым и солнечным днем. Людей собралось много. И не удивительно. Здесь она родилась и выросла, здесь работала до конца своих дней. Гроб положили на тракторные сани, покрытые домотканными половиками. Их мать сама ткала, берегла все, будто знала – пригодятся...

Процессия медленно тронулась, вышла на центральную улицу села. Кто-то из баб всхлипнул, сказал сквозь слезы:

- Ох, рано же, Валюша, покидаешь нас. Сколько песен перепето нами!

И тут женщины, матушкины подружки, запели. Те, с которыми она сплавляла лес, косила на колхозных полях, таскала мешки в пекарне, ухаживала за больными, работая санитаркой.

Пели свои, коми песни. Грустные, тягучие, хватающие человека за сердце. Как печально они пели, какая тоска и боль пронизывали бабьи голоса! Глотая слезы, вытирая глаза, пели до конца, до самой могилы...

Пели – значит любили.

...Прошло много дней, как не стало матери. Часто бываю у отца – одиноко и тяжело старику. То, что плохо ценил раньше, сейчас ценю вдвойне.

Вышли как-то к колодцу. Постояли помолчали. Отец с грустью проронил:

- Вода ушла из колодца. Может, весной и будет. Как думаешь?

Подошел к отцу, приобнял его за худые плечи:

- Будет вода, обязательно будет, отец. Это же мамин колодец.

Память наша...

Он оживился, и едва заметная грустная улыбка тронула его губы.

Алексей ИЕВЛЕВ

СОТРУДНИК КГБ (рассказ)

Время было советское. Но уже вовсю дули ветры перемен. Мы собирались в экспедицию на Север, в погранзону. И решили – небывалое дело! - взять с собой иностранца, молодого профессора из Барселоны. Предвидя все возможные и невозможные трудности этой поездки, руководство института заранее обратилось за разрешением в Москву, в Комитет государственной безопасности. КГБ сработал четко, и разрешение пришло вовремя. На бланке с красным угловым штампом, с грифом «Секретно» и приказом вернуть это разрешение обратно в Москву после завершения экспедиции.

Бумага производила впечатление! Особенно на людей в погонах. Она была так толково составлена, что из текста как-то само собой следовало, что предъявляющий ее человек наделен от имени КГБ особыми полномочиями.

Первый раз я увидел ее действенность в ОВИРе, куда заявился с иностранцем за разрешением на въезд в погранзону. Начальник ОВИРа, взбешенный милицейский майор с раскрасневшимся лицом, мгновенно забыл все маты и запреты, которые он хотел доходчиво мне изложить. Справку он взял - «как бомбу, как ежа, как бритву обоюдоострую». И очень обрадовался, что я принес ее только показать, а оставлять не собираюсь. Майор быстро оформил необходимые документы и с облегчением выпроводил нас за дверь.

Второй раз эта бумага буквально открыла дорогу в небо. Мы не первый день ждали заказанный вертолет, но борт нам не давали. Обычное дело, но мой иностранец очень переживал. Погода стояла – загляденье, и он никак не мог понять, чего мы не летим. Вообще, его многое удивляло. Например, запрет на фотосъемку около аэродрома.

- Но на нем же ничего нет! – удивленно сказал он, осматриваясь. Потом подумал и сообразил:

- Я понял! Нельзя снимать, чтобы не догадались, что здесь ничего нет!

Головастый парень. Но дело было дрянь. Уже вечер пятницы, а в выходные шансы улететь равны нулю. Мой иностранец заявил:

- Раз нельзя лететь в поле, едем обратно. У меня много дел в Барселоне.

Разозлившись на всех, иду к руководителю полетами. Он уже весь в мыслях об отдыхе и благодушно объясняет мне, что бортов нет. Но я выкладываю на стол свою «козырную карту», и ситуация резко меняется. Не в его пользу. Глядя ему в глаза, говорю:

- Есть два варианта. Либо мы вылетаем отсюда, либо Вы.

Через полчаса нам дали борт.

ДОРОГА ДОМОЙ

(рассказ)

Мы пили водку. Между прочим, имели полное право. По целому ряду причин. Во-первых, были деньги. Во-вторых, была уже ночь, и обвинить нас в нарушении трудового распорядка мог только сумасшедший. В-третьих, нас только что выдернули вертолетом из Богом и людьми забытого места на карте Приполярного Урала, и мы вольготно расположились вчетвером в двухместном номере городской гостиницы. И, в-четвертых, наш начальник уже улетел, оставив нас закончить одно дельце.

Дело было плевым. Слетать завтра на Ми-6, этом летающем кране, за двоими нашими парнями, куковавшими около обессилевшего вездехода в сотне километров от города. А затем поставить нашего железного друга на железнодорожную платформу. И платформа и вертолет были заказаны на завтра, поэтому сегодня можно было пить водку.

Утром все проснулись как ни в чем не бывало. Нам собраться – только подпоясаться. Правда, понимая, что лететь придется на болото, я нашел оставленные начальником бродни и влез в них, несмотря на то, что мой размер обуви был номера на четыре больше его.

Я впервые летел на этом огромном воздушном судне. В полете Гали признался, что слегка обманул пилотов. Те не соглашались лететь, пока мы не сообщим ребятам по радиии, что за ними идет борт. А связаться не удалось.

Завидев лагерь и поняв, что их не ждут, пилоты выдали весь словарный запас непечатных выражений. Но не лететь же обратно. Махая винтами, вертолетная туша уселась на болото, а мы бегом помчались помогать сворачивать палатки. Делая все в почти автоматическом, сумасшедшем темпе, я все же успел удивиться ядовитой радуге грибных

шляпок, плавающих у ребят в котелке. И безжалостно выплеснул ее на землю.

Загрузили все в кузов вездехода и подъехали к вертолету. Пока авиамеханики крепили тросы к нашей машине, я, не знаю, почему, отвязал и сбросил бревно с борта вездехода. Наверно, решил, что его ненароком сорвет в воздухе, и оно причинит вред нашему железному другу. Володя посмотрел на меня удивленно, но возражать было некогда.

Вертолет легко поднял нашу машину в воздух. И мы, как зачарованные, стояли возле ограждения около люка в полу и смотрели, как внизу на тросах раскачивается вездеход. Было красиво и страшно. Если бы угол раскачки превысил некую величину, то пилоты имели полное право отстрелить тросы. А удара о землю наш железный друг не выдержал бы ни за что.

Вертолетчики оставили нас на площадке около каких-то балков в лесу на окраине города. Почему так вышло – никто не знает. То ли габариты МИ-6 не позволяли ему приземлиться на станции, то ли пилоты ошиблись, то ли решили так наказать нас за невольный обман с радиосвязью.

Мы пошли разведать дорогу и буквально сразу обнаружили столовую, где плотно и дешево пообедали. Повеселев, мы прошли по дороге еще с километр и поняли, что шансы добраться до станции на вездеходе резко упали. Не то чтобы не было дороги. Дорога была – асфальтовая, и по ней резво бегали городские автобусы и легковушки. А вокруг дороги были непролазные дебри. Правда, в них петляла какая-то еле заметная грунтовка.

Все было ясно. Наша дорога домой лежала через эти дебри. Не могли же мы ломать траками городские улицы. Ясность цели предполагала ясность действий. Мы разделились. Гали отправили в город за едой и спиртным, а сами пошли к вездеходу.

До асфальтового полотна мы добрались без особых приключений, но тут какой-то черт дернул Володю поискать удобное место для его перехода. В результате наша боевая машина застряла посреди огромной глубокой лужи возле дороги и представляла собой забавное зрелище для пассажиров проезжающих авто.

Завести ее нам не удавалось. А грузовики отказывались тащить наш «танк» из грязи. На наше счастье откуда-то взялся «Беларусь» с уже крепко поддатым водителем. Мы подцепили трос к зубьям протянутого нам ковша. Рывок, и зуба как не бывало! Второй зуб оказался крепче. Щербинка ковша ничуть не расстроила тракториста, он выпил предложенный стакан водки и покатил дальше.

От рывка вездеход проснулся, самостоятельно перебрался через асфальт и пошел рвать траками траву на грунтовой дороге. К этому вре-

мени нас нашел Гали, и мы остановились перекусить. Естественно, чокнулись за окончание сезона.

Немного отдохнув, повеселел и наш вездеход. Он безропотно и деловито побежал по грунтовке, всем телом раздвигая разросшиеся кусты.

Через полчаса грунтовка сузилась до размеров тропы, петляющей между елок и берез. Теперь наш вездеход, видимо, вспомнив свое боевое предназначение, лихо сшибал стволы деревьев, которые не ложились ему под гусеницы, а ломались в вышине на несколько частей и падали на броню, грозя серьезно поранить нашу, сидящую на ней, братию.

Чтобы не искалечиться, мы прыгнули с машины и пошли ей вслед. А дороги уже фактически не было никакой. Кроме того, впереди оказался широкий ручей с пологим и топким берегом с нашей стороны и достаточно крутым противоположным. Я проверил глубину – выше колен.

Конечно, для нормального вездехода это не препятствие. Но наш держался на честном слове. И если мы здесь застрянем, то машину придется бросить. Фактически около станции. Наземный транспорт сюда не загнать даже за бутылку, а летуны не смогут добраться, потому что рядом шла какая-то линия электропередач.

Дело дрянь. Шансы застрять были почти стопроцентными. Возвратиться назад было невозможно. Разворота наша машина не выдержала бы. Даже роскошь просто забуксовать в грязи была для нас непозволительной. Бревно, эту нашу палочку-выручалочку, я выкинул еще утром, когда цепляли тросами вездеход к Ми-6.

- Ладно. Думать нечего. Была – не была, - сказал Володя. – Выноси, родимый!

И он вынес! Ласточкой! С первого раза! И пошел дальше сшибать деревья. Скоро мы снова уперлись в асфальт. Уходить от него мы больше не решились. Но и ломать его гусеницами на виду у ГАИ охоты большой не было. Затаившись в кустах, мы решили дождаться темноты, а Гали снова послали в магазин.

Нам удалось вздремнуть часок, пока Гали не забарабанил по броне. Явно похолодало, или это показалось после сна. Перекусив и согревшись принесенным напитком, изготовились к броску.

- Так, - распорядился Володя. – Все на броню. Пойдем по самому краю дороги. Фары включать не будем. Даст Бог, гаишников не встретим. Смотрите за гусеницами. Вылезет палец, разуемся посреди дороги – не расхлебаемся.

Это была операция, приближенная к боевой. Ревя мотором, мы шли по асфальту, свесившись с обоих бортов, чтобы вовремя заметить вылезающий из гусениц палец. Встречные шоферы шалели, разглядев в свете фар наш «танк», и испуганно жались к краю дороги. Палец все-

таки почти вылез, но в последний момент я его углядел и, велев остановиться, заколотил молотком обратно.

Внезапно впереди, сверкая мигалками, показалась машина ГАИ. Она проехала мимо нас, и мы слышали, как наши сердца обрываются и разлетаются вдребезги, коснувшись асфальта. Володя, матерясь, затормозил и полез из кабины. Ему показалось, что приказали остановиться.

- Куда? – схватил я его за рукав. – Проехали!

Не веря счастью, Володя поддал газу, и мы лихо проскочили остаток дороги. Как стоп-кадры, остались в памяти два эпизода. Первый – это застывшие от удивления лица двух милиционеров, куривших на освещенном крыльце вокзала. Второй – это резкий разворот на грузовой двор станции, когда правая гусеница нашла опору в воздухе, а не на мостках, перекинутых через какую-то канаву.

Всё! Сторож не стал ругаться и даже не удивился нашему ночному появлению. Только спросил:

- Это вас на вертолете тащили?

Оказывается, весь город наблюдал наш полет. Мы расположились в какой-то комнате, перекусили и забылись сном. Я проснулся рано. Настроение было никудышное. Почему-то я сильно замерз. И куда-то задевал очки.

Совсем не в духе, занялся печкой. Сначала в комнате потеплело. Потом проснувшийся Гали нашел мои очки. И жизнь снова показалась прекрасной.

Утром мы быстро оформили необходимые документы. Тепловод подогнал к эстакаде железнодорожную платформу, на которую наш вездеход взлетел соколом. Правда, рассчитывая разместить на платформе еще и груз, Володя поставил машину не в центре платформы. Как оказалось, зря. Железнодорожники наотрез отказались принять ее к перевозке в таком виде и велели разместить вездеход точно в центре, чтобы платформа при движении не раскачивалась.

Они были правы. Но «танк» больше не заводился.

На наше счастье какие-то вояки на КамАЗе приехали получать груз для воинской части. Мы быстро договорились. КамАЗ по эстакаде заехал на платформу, дернул наш вездеход, и тот встал точнѐхонько в центре платформы.

Мы вздохнули свободно. Отцепили от вездехода трос и крикнули «Спасибо» воякам.

КамАЗ дал задний ход. Оказалось, что железнодорожники забыли поставить «башмаки» под колеса нашей платформы. Она тронулась. Между ней и эстакадой образовался зазор, куда со всего маху ухнул КамАЗ передним мостом.

Сел он крепко. Еще одна радость свалилась нам на плечи.

Вояк было жалко. Влипли они из-за нас. Теперь надо было помогать им. Причем просто дернуть другой машиной было нельзя – вырвали бы с мясом передний мост.

В сердцах плюнув, Володя куда-то пропал на полчаса и появился уже с тяжеленным железнодорожным домкратом. Пристроив его на шпале под передним мостом, приподняли кабину КамАЗа, подсунули под нее лаги – те же шпалы. И уже в таком «приподнятом» состоянии выручили машину из ловушки. Радостные вояки тут же умчались.

Мне с Гали предстояло сопровождать вездеход на платформе. А ребята сбегали за билетами на поезд. До их отъезда мы еще успели выпить за окончательное завершение сезона.

Вездеход завелся еще один раз, последний. Уже в Сыктывкаре он безропотно сошел с платформы и дошел до гаража, где встал на вечный прикол.

Так завершилась наша дорога домой.

ПЕРВАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Прелюдия

Тогда мне не было еще и восемнадцати. Я заканчивал первый курс физмата нашего Сыктывкарского университета. Не был обременен женой, детьми, какими-либо обязательствами и долгами. Наверно, поэтому или еще по какой причине решил провести лето в геологической экспедиции. Эту идею поддержал мой школьный товарищ Андрюша Зубков, ныне подполковник милиции, а тогда студент-биолог первого курса. Мы быстро прикинули наши возможности и сочли себя вполне достойными претендентами на участие в экспедиции куда-нибудь на Новую Землю или Вайгач.

Загвоздка была в одном. Мы не знали ни одного геолога. Просто пойти в отдел кадров Коми филиала Академии наук нам даже не пришло в голову. Однако выход был найден быстро. Наш школьный класс замечателен тем, что там учились дети разных интересных родителей. И мама нашего одноклассника Ильи Иржака работала в Коми филиале. Она очень благосклонно отнеслась к нашей идее и буквально через день велела явиться к какому-то Юшкину. Честно скажу, эта фамилия нам ни о чем не говорила. Но мама Ильи заверила нас, что Юшкин – это то, что нам надо.

Мы явились в назначенный срок. Юшкин нас ждал. Он тут же вызвал двух крепких молодцов и представил нас друг другу. Оказалось, это начальники геологических отрядов, отправляющихся на Урал. Мой друг попал в крепкие руки Валерия Силаева, а я приглянулся Петру Юхтанову.

Домой!

Больше всего из той первой экспедиции мне запомнилась дорога домой. Так я больше никогда не возвращался!

В планах все обстояло прекрасно. В двадцатых числах августа наш отряд закончил работу, упаковал образцы и лишнее снаряжение в ящики и баулы, расчистил поляну для посадки вертолета, приготовил ракетницы. Погода была прекрасная, и мы стали ждать вертолет, который, как известно, вовремя не прилетает. По крайней мере, тогда вовремя не прилетал.

Потом погода испортилась. Перевалы забило облаками. А мы продолжали ждать вертолет.

Потом выпал снег. Петр организовал авральную заготовку дров. Мы вчетвером забрались в одну палатку и топили печку практически сутки напролет.

Так прошел месяц. Было ясно, что снег уже не растает до весны. А Петру стало ясно, что и вертолет прилетит примерно тогда же. Еще его заботила проблема молодежи: мне, студенту, пора было на учебу. Все-таки конец сентября. Еще один участник нашей экспедиции был даже моложе меня. Ему тоже надо было в училище.

Невдалеке от нашего лагеря был поселок геологов, и мы перебрались со всем скарбом в один из балков. Снег не таял. Вертолет с запада за нами не летел.

Зато с востока борта были почти каждый день. Это было зрелище: вертолетчики шли, зависнув в нескольких метрах над дорогой, и плевать хотели на облачность.

Видя такое дело, Петр договорился с местным начальством, велел молодежи собрать вещи, прихватить спальники и отправил нас двоих ближайшим бортом в Саранпауль. А сам со всем барахлом и Васей Филипповым остался ждать «наш» вертолет.

В Саранпауль мы прибыли в середине дня. Отметим у местного геологического начальства, которое отмахнулось от нас, как от ненужных мух. У начальства голова болела, как бы поскорей вывезти ораву своих сезонных рабочих, заполонивших поселок. И связываться с нами им совсем не хотелось. Даже приютить где-нибудь отказались наотрез.

После такого теплого приема мы бодро прошествовали на другой конец поселка, где была почта. Предъявив свой паспорт, я получил денежный перевод из Коми филиала Академии наук. Честное слово, я не могу точно вспомнить сумму. Но она была непомерно большая по советским меркам, потому хотя бы, что тетка в окошке, выдававшая мне эти деньги, считала возможным возмущаться на все почтовое отделение: «Это надо же! Что они там в Сыктывкаре думают! Пацану только-только исполнилось восемнадцать, а они ему шлют такие деньги!»

Деньги в то время решали не всё. И проблема ночлега встала перед нами во всей красе. Был не май месяц. Деревянное здание аэропорта

запирали на ночь. А ночи уже были морозные. Ночевать на улице, даже в спальниках, совсем не улыбалось.

Но зато сильна была вера в Советскую власть. Я поднял голову и быстро обнаружил красный флаг, гордо реющий над одноэтажным скопищем домов барачного типа. Он не мог реять ни над чем другим, кроме местного исполкома. Исполком был пуст, открыт настежь, но в самой дальней и просторной его комнате за столом сидел человек. Это был председатель. Он оказался по-ленински человечным. Вникнув в наши проблемы, он быстро отделил зерна от плевел. Помочь быстро убраться восвояси он нам не мог, так как был всего один рейс АН-2 в сутки, а желающих – на целый Боинг. Но проявить свои властные полномочия в деле гостеприимства – это пожалуйста! Он позвонил в гостиницу местного оленеводческого колхоза и ультимативно потребовал принять двух «академиков» на предмет проживания до момента отлета из Саранпауля. Отказать Советской власти на другом конце провода не посмели.

Мы спали на кроватях на чистых простынях в отдельной комнате! С нас брали по 50 копеек в сутки!

Рано утром мы отправлялись в местный аэропорт, заполненный отъезжающими. К обеду выяснялось, что рейс в очередной раз не прилетит или прилетит, но все билеты уже проданы мимо кассы. А посему публика могла быть свободной до следующего утра.

Так прошло три-четыре дня. И нам фантастически повезло! Мы оказались у окошка кассы тогда, когда никакой надежды на сегодняшний рейс уже не было. Большинство отъезжающих «бичей» проследовало в «номера» пить водку. А мы случайно остались. Делать-то в нашей гостинице было особенно нечего. И пришел незапланированный борт! И нам достались два последних билета!

Вечером мы были в аэропорту Березово! Там самом Березово, где сгинула навсегда блестящая жизнь светлейшего князя Александра Меньшикова. Дыра-дырой! Аэропорт напоминает чем-то наш воркутинский или интинский. Народу – сказать, что много, значит, ничего не сказать.

Быстро смотались на речной вокзал. «Крейсер» до Салехарда успел отчалить перед нашим носом, а следующий ожидался, судя по расписанию, через пару дней. Вернулись в аэропорт. Близилась ночь, и публика уже заняла места – все лавки, подоконники и просто пол в зале. Лечь некуда. Но – чудо! – площадка перед входом в аэропортовский кабинет милиции пуста. Здесь мы и расположились. Раскатали спальники и заснули.

Утром мы практически свободно купили два билета до Салехарда и, как были, в фуфайках и броднях расселись в креслах Як-40. Остальной народ был вполне цивилизным и, в силу воспитания, на нас внимания не обращал.

В Салехарде мы тут же обзавелись билетами до Лабытнанги и честно проспали весь путь на деревянных лавках какого-то судна, переправлявшего людей через Обь.

Посреди ночи нас высадили на берег, загрузили в «вахтовки» и пару часов везли мимо классических зоновских стен. Квадраты фонарных линий простирались до горизонта во все стороны. Довезли нас до железнодорожного вокзала, в котором была такая холодина, что казалось – на улице намного теплее.

На путях стояло несколько вагонов, которые, как выяснилось, и повезут нас через Воркуту – домой. Проводники оказались людьми человечными и за определенную сумму пустили переночевать в натопленный вагон. Мы отлично выспались на верхних полках.

Утром, часов в шесть, проводники выпроводили всех из вагона. Мы перебрались в здание вокзала, где стояли тот же холод и очередь в кассу за билетами. Часа через два окошко кассы открылось, и мы стали обладателями двух билетов. Я – до Микуни, а мой юный друг – до Печоры, где и должно было закончиться его путешествие.

До Воркуты мы тащились, а точнее – нас тащили, черепашьим шагом. В Воркуте в наше купе заявили два бравых шахтера, крепко навеселе, с невероятным количеством спиртного и закуски. Они оказались очень компанейскими мужиками, поили и кормили нас и еще полвагона весь день. Чем-то крепко досадили проводнице, и она вызвала милицию.

Милиция была достаточно благодушна. Оглядев нашу компанию и, явно пренебрегая молодежью, сказала шахтерам: «Пьянку прекратить. В Котласе всех высажу». Распоряжение властей было выполнено. Шахтеры улеглись спать, отдав всю порожнюю тару проводнице. Та растаяла. Такой поворот дел меня тоже устраивал, так как я сходил в Микуни и до Котласа ехать не собирался.

Рано утром мой юный попутчик сошел в Печоре. А вскоре и я добрался до Микуни. Была вторая половина дня. Поезд на Сыктывкар ожидался только завтра. И я побрел по данному мне еще в поле адресу в гости к жене Васи Филиппова. Накормив меня и выпросив все про Васю и его планы на приезд домой, она между прочим сказала, что поздно вечером в Сыктывкар идет товарняк. И что с машинистами вполне можно договориться.

Этот план мне пришелся по душе. Действительно, с машинистами я легко договорился. Денег они не взяли, посмотрели мой паспорт и устроили в кабине второго тепловоза, шедшего в сцепке с головным. И через несколько часов, глубокой ночью я был на станции Сыктывкар. А еще минут через двадцать трезвонил в дверь моим родителям.

Эпилог или Не жди меня, мама, хорошего сына

Последним приключением этого путешествия было мое знакомство в Микуни с каким-то кавказцем, который сопровождал вагон со спиртом в Сыктывкар. Мы вместе стояли на путях и ждали тепловоз. Я – чтобы договориться с машинистами, он – чтобы попроситься на время пути в теплую кабину тепловоза.

Из разговора с ним выяснилось, что он везет в Сыктывкар пищевой спирт, расфасованный в поллитровки. Не смотря на мой юный возраст, я знал, что в Сыктывкаре спирта в магазинах не продавали. И у меня возникла мысль купить одну бутылку и приехать к родителям «настоящим полевиком» – со спиртом!

Кавказец не упирался, взял деньги, куда-то сбегал и притащил бутылку. Эту бутылку спирта я и вручил среди ночи, прямо по приезду, ошарашенным родителям.

Кроме чисто сиюминутного эффекта, этот мой поступок имел и далеко идущие последствия. Родители поняли, что детство сына кончилось. А раз уж он спирт бутылками таскает, то вопрос о том, как нехорошо пить водку, отпал сам собой и навсегда.

Александр ПАРНАЧЕВ

Глава 9. Зона. Пырей. Библиотека. Житие Аввакума.

После утренней поверки время для Пырея остановилось. Ждать одиннадцати часов ему было невыносимо. Но назначенный срок неумолимо надвигался, хотя и происходило это чертовски медленно. Пошастав по отрядным помещениям, он, как безработный фраер, покорился судьбе и, от нечего делать, пошел в библиотеку ранее назначенного часа.

В пустом помещении читального зала его приветливо встретил Сударь:

- Заходи, Мирон, заходи. Что такой хмурый? Посмотри на себя, какая сегодня у тебя кислая рожа!

- Да, не выспался что-то...

- Нет, Мирон, вижу переживаешь вчерашний разговор с Хмырем... Извини уж, стал невольным свидетелем, - сразу взял инициативу разговора Сударь.

Пырей, услышав эти слова, от неожиданности плюхнулся на стул. «Ну будь, что будет...» - промелькнуло в его голове.

- Дернуло же за язык... - виновато взглянул он на Сударя.

- Вижу, Мирон, нужна тебе моя помощь! Вдвоем-то легче отмазаться от любого кустаря.

- Да, а я ночь не спал, ничего придумать не смог...

- Слушай, для начала ты ему скажи, что дед помер... и уже давно. Это раз... Во-вторых, скажи, что клад этот уже нашли, и государство все до единой монетки и весь золотой песок изъяло. Ну, а в третьих, если будет сильно тебя напрягать, я подключу кого надо и ему гнилушки попарят... лады?

- Ну, Сударь, толково придумано. Вот здорово! Спасибо, ты меня спас! Век не забуду!

- Ладно. Потом, когда ты с Хмырем разберешься, мы с тобой пошепчемся о нашем деле. Я ведь двадцать восьмого июля со звонком откидываюсь... Ты это понимаешь?

- Лафа... А я двадцать третьего - под чистую на хрен! И домой!

- Слушай, Мирон, я хотел с тобой перебазарить, а что, если на месячишко, скажем, в августе, слетаю к вам на Цильму: порыбачу, отдохну перед Москвой. На воле, у кого-нибудь в охотничьей избе? А?

Помолчали.

- Как ты на это смотришь? Потом, когда я устроюсь в Москве - ты ко мне заскочишь! А?

- Да, я тебе... за твою помощь такой отдых могу организовать...

- Ну, вот и по рукам. А сейчас давай решим, как сподручнее тебе будет столкнуться с Хмырем? Мне на время разговора уйти или остаться?

- Давай я сначала попробую один. Потому что он, если не захочет говорить при тебе, то вытащит меня отсюда и тогда, ты уж, точно мне не поможешь.

- Разумно. Сколько времени понадобится на твое заливало?

- Так ведь это и от него тоже зависит...

- Ну, за полчаса, наверное, определитесь: кто кого...

- Да, давай через полчаса заходи, а там видно будет.

- Договорились. Тут вот свежие журналы и газеты - почитай, пока его нет, а я через полчаса появлюсь... Если спросит, скажи - ушел за почтой.

- Лады.

Хмырь с книгой под мышкой появился ровно в назначенное время. Пырей всей своей шкурой почувствовал, как изменилась, словно наэлектризовалась обстановка в читальном зале. Ему вдруг сделалось неуютно. Хмырь подвалил к нему, нагло улыбаясь, необычайно самоуверенной походкой. Эта улыбка еще больше утяжеляла его и без того чрезмерно резкие черты лица. Непропорционально маленький нос с горбинкой добавлял этой физиономии свою толику диспропорции. Хмырь, эдакий пепельный блондин, с бесцветными глазами. Пырей почувствовал себя кроликом перед подползающей анакондой.

- Привет, чижик!

- Здорово.

- Ты чего такой с утра забитый? - в голосе Хмыря чувствовалась напористость, - посмотреть на тебя со стороны, щенок, вроде ты под себя обмишурился, а?

Да так ведь оно и есть... обмишурился...

Хмырь, как паук, взобрался на стул, вернее, как бы подмял его под свою коренастую фигуру. Он сел на стул лицом к спинке и оказался глаза в глаза с Пыреем.

- Ты чего хочешь сказать, паря, что вчера ты мне мозги парил? - его холодные глаза уперлись Пырею в переносицу.

- Ну, не парил... вот увлекся этими скитами - они действительно были в тайге... и кресты кипарисовые до двух метров... Да и сейчас есть...

Пырей поднял глаза, и его поразила напускная невозмутимость собеседника. Это кажущееся спокойствие говорило, что в данный момент Хмырь, как никогда опасен для окружающих. Все внутри Пырея похолодело. Он совсем не так представлял себе ход беседы:

- Ну, книгу-то прочел, там ведь все про это сказано, - умоляющим голосом запричитал Пырей.

Но Хмырь оставался хладнокровным:

- Сказано — пересказано... а рыжье-то где дед хранил?

- Где, где - под печкой. Только следователь его изъял, когда тот на него набросился, чтобы пристрелить...

Короткий прямой удар левой опрокинул Пырея навзничь. Из носа и губы потекла кровь. Секунд десять он был в нокауте. Так с ним разговаривали впервые.

- Ты чего дерешься, сука... - завершал было он, придя в себя, но волевой голос Хмыря заставил парня замолчать.

- Я вообще тебя замочу, если будешь из себя кретина строить. Откинуться не успеешь - как тут в зоне, падла, я тебя урою... понял?

- Понял...

- Так вот, у тебя когда звонок?

- Двадцать пятого...

- Двадцать восьмого мы с тобой отправляемся к деду.

- Его нет, он помер...

- Я сказал двадцать восьмого, мы с тобой отправляемся по Выми к избушке, где жил твой дед. Не заставляй меня повторять дважды. Теперь понял?

- Понял... На чем?

- На лодке, которую ты подготовишь, усек? А пока вспоминай, где рыжье...

- Да где же ему быть, изъяли все... уполномоченные...

Второй удар в два раза крепче первого был нанесен справа. Пырей перелетел через стол, и голова его уткнулась в стенку. С минуту он

не шевелился, затем неуверенно встал. Лицо было измазано кровью. Передних зубов не было...

- Я не про то, что изъяли... Шевели гнилушками, мазурик. А про то, что на дне туесков осталось... А пока, слушай сюда. Выйдешь, пойдешь на Вьмь. Там найдешь Глухого. Объяснишь, что к чему - скажешь от меня. Он тебе поможет подготовить экспедицию: лодку, мотор, бензин, провиант. А я... буду как сказал. И смотри, Чижик, если не вспомнишь или закосишь, я тебя из-под земли достану! Понял? Отдыхай покуда, лечись. Сударю-мударю кланяйся, скажи, очень сожалел, что не застал... Ну чего молчишь, сучок?

- Понял... передам... - Пырей был полностью в его власти.

Он не просто испытал шок. Этот шакал за пять минут перевернул всю его жизнь, разрушил все его планы. Поставил под угрозу саму жизнь. Как же так?.. Как это могло случиться?.. Что теперь делать?..

И в этот момент кто-то осторожно тронул Пырея за плечо. Перед ним стоял Сударь. Он ничего не спросил. Молча прижал к себе разбитое лицо Пырея и тот горько заплакал.

- Извини, я тебе не успел помочь... - с сожалением произнес Сударь, - но по лицу вижу, что произошло. Иди умойся, приди в себя, а я приготовлю чифирик...

После разборки с Хмырем ласковый говорок Сударя пришелся очень кстати. Пока чифирили, Пырей в мельчайших подробностях рассказал о случившемся. Выслушав, Сударь подвел итог:

- Ну, что же, придется Хмыря изолировать... Ладно... Так тому и быть.

Андрей КАНЕВ

ЖЕНИХАЛИСЬ СТАРИК СО СТАРУХОЙ (рассказ)

Если бы кто-то сказал Кресту, что он, урка прожженный, сподобится жениться на восьмом десятке лет, на такой же, как и он сам семидесятилетней кочерыжке, то он тому губошлепу глаз бы высосал. А нынче вот – свадьба, мать его ети. На улице за окном осень, слякоть и грязь, листья валяются на улице замертво, а он вот женится. В костюмчике Крест, при галстукке на левой руке печатка из цыганского золота с секретом, а секрет заключается в том, что она надета на палец поверх наколотого перстня, обозначающего своим узором воровскую масть Креста.

В ЗАГСе народу много, в основном молодежь. Хотя и день для росписи не торжественный – пятница. Все возбуждены, словно на рынке в базарный разгар, в таком народе только и "работай". Крест

профессиональным взглядом метил потенциальных жертв. Но сейчас ему подломить лопатник даже у самого лопоухого, парализованного лоха будет не под силу, руки трясутся, как с самого крутого похмелья. Остается одно, как престарелому дамскому угоднику, глазом поиметь, носом попускать...

Если посмотреть на Креста со стороны, благообразный старичок интеллигентного вида в выдавшем виды, но чутко отглаженном, костюмчике. Благородное лицо с тонкими чертами, как на картинах Ильи Глазунова, тонкие кисти рук с длинными музыкальными пальцами, на которых ни-ни, никаких наколок, только масть Креста под печаткой. Это на теле картинная галерея. На плече тигриная оскалившаяся морда, признак беспредельщика, на груди, как положено, профиль Ленина, профиль Сталина, на спине церковь с семью куполами... Ходок, вообще-то, было восемь. Последнюю Кресту самому стыдобушка колоть. Он уважаемый вор-карманник старого, живущего по понятиям, поколения, загремел к "хозяйину" в зону по бакланке, аж на полтора годочка за мелкое хулиганство.

Допек сосед по общаге, бывший вертухай-конвойник, стыдоба рассказать, саданул ему на общей кухне сковородкой по башке. А у того, откуда и взялся-то, сотрясение мозга. Быстренько побои в больничке зафиксировал, суд да дело, яснее не выдумать, и загремел Крест не по рецидиву, а по новой для него нехоженой статье. Вся зона над ним старым потешалась, мол, на старости лет, пень трухлявый – перекрасился в хулиганы.

Тогда-то Крест, в миру Васька Колтырин, все, что нажил, к седьмому десятку, и потерял. В том числе и комнату в общежитии. Вышел на волю, куда податься? И раньше-то его никто нигде особо не ждал, а сейчас и подавно. Родственников он своих и раньше-то и не знал и не помнил, а воровская профессия – щипач, дружбы не водит. Кошельки тырить ему сподручней было в одиночку. Вот так и оказался он в доме-интернате для престарелых и инвалидов в том же самом городке, рядом с которым и отбывал наказание, смешно сказать, в зоне общего режима, это с его то послужным списком... Был бы помоложе, оскорбился бы, поди, но годы есть годы.

Может быть, и "поработал" бы еще Крест в автобусах, да на толкучке, скопил бы копейку, прикупил бы себе где угол... Но месяца за три до звонка одолела его непонятная болезнь Паркенсона. Раньше в его деревенском детстве говаривали, мол, кур что ли воровал, руки трясутся... А тут? Видать, действительно, много наворовал Васька за свою жизнь, вот Бог-то его и покарал трясучкой.

Впервые за всю свою многотрудную, скитальческую жизнь Крест почувствовал свою немощь. И это ощущение невозможности себя обслужить самому, Ваське не понравилось. Кусок хлеба-то ему государство пенсией определило, какой ни есть, а гражданин. А вот

постирать за собой, пожрать приготовить, пуговицу пришить, да что там, чаю в стакан без посторонней помощи налить – и то проблема. Помучавшись так с годик, так-таки и надумал Крест жениться. Ведь медсестрам, да нянькам-санитаркам не допросишься чифирку сварганить, а так иногда хочется лагерную страстишку не забыть.

Стал Васька обращать внимание на дамский пол. Не на красоту смотрел, а выбирал поглаже нравом, да чтобы в комнате чистота, да чтобы грамотешка в голове какая-никакая водилась для вечерней беседы перед сном. А то он по зонам да пересылкам сидючи от нечего делать чуть ли не полное собрание мировой литературы осилил, плюс "заочно" в лагерных университетах освоил науку юриспруденцию не хуже любого адвоката мог судей, да прокурорскую шпану развести, как фраеров позорных. Потому и не пятерик, а лишь полтора года получил за битую сковородкой башку соседа по общаге. Поди ж ты, разбери эту судьбу, еще совсем недавно один по зоне топал, а второй запретку по периметру облаивал, как сторожевой псыра, а на старости лет свела жизнь в одной коммуналке общих тараканов давить. Стихия, мать его ети...

Бабы все вокруг были какие-то не под его стать, то колхозницы, то домохозяйки "отказные", то уж слишком толстые, а таких Васька не переваривал с юности, то уж совсем оторвы, явные уголовницы жилистые и наколотые с вечной безфильтровой "астриной" в руках и табачными крошками в уголках шамкающего рта. Даже в отстойнике для престарелых инвалидов умудрялись играть в буру на интерес. Таких, с позволения сказать, женщин, с возрастом Крест тоже стал опасаться, как черт ладана. Кто их знает, за что сидели. Многие зечки со временем сначала становятся безотказными собутыльницами, а потом режут сожителей, как курей в сочельник.

Екатерину Батову в своих женихастых смотринах Крест поначалу и не приметил. Она была известна в криминальном мире, как Катька Красенькая. Еще в советские времена содержала в Ленинграде малины и подпольные бордели. Сейчас она была тиха и неприметна. Но однажды, сидя в общем холле напротив телевизора, Васька вдруг ощутил на себе пристальный взгляд. Он обернулся, и руки, мирно лежавшие на коленях, нервно запрыгали. Он увидел перед собой женщину, которую язык не поворачивался назвать – старушкой. Видимо, с годами красота ее раньше вульгарная и броская, приобрела черты кающейся Магдалены, появилась в лице какая-то всезнающая просветленность. Невысокая, худенькая, со вкусом одетая женщина, с короткой стрижкой и огромными черными глазами на кукольном, почти без морщинок ухоженном лице.

Дело было в том, что Екатерина Сергеевна тоже находилась в состоянии поиска. Выброшенная на обочину ставшего в начале девяностых полукриминальным бизнеса интимных услуг более резвыми и

ухватистыми сутенерами, потерявшая в "черный четверг" девяносто восьмого все свои вложения, она оказалась в доме-интернате. Поселили ее бывшую ночную бабочку, согласно статуса в трехместную комнату с такими же как и она бывшими зечками, которым и без нее жилось неплохо. Уплотнение для двух закоренелых "подлизух" пришлось не по вкусу. Тем более, что "аристократка" сразу же попыталась взять власть над "колхозницами" в свои руки. И все бы ничего, Катька Красненькая постепенно подмяла бы под свой авторитет этих старых шалав, но ей самой было противно жить с ними, как в камере, в одном замкнутом пространстве.

Полашка храпела по ночам, словно несмазанные ворота тюремного тамбура, а Ольга Лопырева портила воздух так вонюче и ядовито, что, заведенные на подоконнике Екатериной Сергеевной цветочки вскоре завяли. Все просьбы к администрации интерната о смене жительства оставались без ответа. А с мужиком, она бы быстро сладила. Отдельную комнату в интернате давали только семейным парам. На роль супруга благообразный с виду Крест подходил, как нельзя лучше. Вот и пустила в ход все свое, подзабытое было обаяние старая притворщица...

Когда дошла очередь, и пара предстала перед раздухаренной и торжественной теткой с ленточкой через плечо, оба брачующихся сентиментально разволновались. Разволновалась и брачующая, она то ведь не знала, что за корнеплоды выросли на ее ковровом поле, а видела лишь парадную сторону серебрившегося сединой полтинника. Благообразность старичков и столь поздно в возрастном смысле регистрируемое чувство ее умилили. Только вот из гостей на свадьбе были только свидетели. Может, церемония бракосочетания держалась в тайне от родственников? "Боже, как романтично...", - думалось работнице ЗАГСа.

В роли свидетелей на свадьбе выступали врач-невропатолог и завхоз интерната, с которой практичная Катька с первых дней пребывания в печальной обители старости и инвалидности завела приятное знакомство. В общем, пока под вальс Мендельсона проходило рождение новой семьи, в интернате столовские работники готовили праздничный стол, а кастелянши и санитарочки приводили в порядок махонькую определенную главврачом палату для новобрачных.

Вскоре интернатская "буханка" доставила Креста и Катьку Красненькую в их последнее на этом свете жилище. На пальцах молодоженов поблескивали кольца. Они были радостно настроены и торжественный, безалкогольный полдник, плавно перетекший в ужин, был достоин восхищения.

Убранство комнатки виновникам торжества понравилось, сам главврач снабдил их коробкой конфет и бутылкой игристого шампанского. Все остальные с шутками и прибаутками типа: А вы не ждали

нас, а мы нарисовались, детишки ваши по судьбе и по злобе...", проводили молодоженов в их апартаменты для проведения первой официальной брачной ночи.

Крест, вроде бы уже и возраст не тот, чтобы волноваться, струхнул и был несколько не в своей тарелке. Тем более, что этого у него с противоположным полом уже лет двадцать точно не было. Поймав на лету грустные мысли суженного, Екатерина Сергеевна шепнула ему на ушко:

- Не дрейфь, Крест, я и не таких к жизни реанимировала...

Сладилось ли у них что, нет ли, никто подслушать не сумел. Только на следующее утро молодожены к завтраку не вышли. Что уж там, дело-то молодое. Это ж понимать надо...

БОГ ДАЛ... (рассказ)

Любовь – это такая штука, которая победит все на свете. Сергей и Светланка Борисовы были уверены в этом всю свою недолгую семилетнюю совместную жизнь, в которой все складывалось бы отлично, не будь одного обстоятельства. И это обстоятельство не давало им покоя вот уже восьмой год.

Пожились они еще в институте, потом устроились на работу, проведя "дипломное" лето на Черном море в Анапе. Светланка стала работать учителем математики в школе, а Сергей определился на службу в отделение воспитательной работы городского УВД. Вскоре родители помогли им купить однокомнатную квартиру, и жизнь, после совместного с родителями Светланки проживания, вообще, показала раем для двоих. И жить бы да радоваться, но бездетность их семьи потихоньку разрушала счастливый с виду брак.

Если кто-то думает, что бездетность – это не проблема, а просто хиханьки да хахоньки, то этот человек, имея, поди, парочку детишек на стороне, очень даже ошибается. Борисовы познали все прелести такой семейной жизни. Когда назойливые родственники почти ежемесячно на протяжении всех семи лет задают один и тот же вопрос:

- Ну что, когда ребенка заведете?

И получают один и тот же ответ:

- Да не хотим пока...

После чего обязательно с обязательным вскидыванием бровей и всплескиванием руками следует:

- А почему? Потом ведь поздно будет.

И приходится отвечать неправду:

- Да, просто не хотим...

Не расскажешь же этим невоспитанным, не тонким придуркам о том, что страна делится на две половины семей: тех, у кого есть дети,

и тех, у кого их нет по независящим от них причинам. О том, что все сверстники уже обзавелись детьми, а тебе не о чем с ними разговаривать в общей компании, потому что все наперебой говорят о своих детях, а тебе и сказать-то нечего. А эти жуткие своим постоянством вопросы:

- А когда уж вы соберетесь?

- Никогда, нам и вдвоем хорошо...

Хотя это неправда, вернее сказать, голимая ложь. Вдвоем уже совсем не хорошо, а в большинстве случаев просто плохо. Взаимные обиды и упреки делают свое дело и постепенно начинают править бал во взаимоотношениях взаимные обвинения в виновности проблемы. Ведь врачи говорят:

- Не знаем в чем причина... Только не обижайтесь, но по всем анализам и по всем параметрам, вы – свиноматка, а ваш муж – бык-производитель...

Остается уповать на одно:

- Бог не дает...

Такие пары довольно быстро находят друг друга. Их толкает друг к другу общая беда – отсутствие детей. Любой американец или европеец скажет:

- В чем проблема? Усыновите негритенка, или в вашей стране это не принято?

Принято. Однако... В нашей стране, нецивилизованной, варварской и до сих пор колхозной – это обсасывается со всех сторон, обмусоливается и в большинстве случаев на уровне сарафанного радио осуждается всеми кому не лень. В тебя даже могут пальцем тыкать на улице, бесцеремонно рассматривая усыновленного ребенка, а сердобольные нянечки обязательно расскажут оклемавшейся ненадолго от очередной пьянки мамаше, кто усыновил ее дитя, где они живут и как его кормят. И это существо обязательно вторгнется в новую семью ребенка со своей пропитой рожей:

- Она ведь мать... настоящая мать... - вздохнут ей вслед "сердобольные" твари в замызганных белых халатах, - может благодаря дитю родному и пить перестанет...

В таких бездетных семьях, перепробовавших все, кроме взаимных измен, все, вплоть до искусственного оплодотворения дорогостоящего в наших клиниках и, к сожалению, малоэффективного, сначала появляется кошечка, которая потом вырастет, затем щенок, который тоже катастрофически быстро вырастает. Зато теперь при встречах таким семьям есть о чем поговорить:

- А вот наша Мусечка сегодня кашку не поела...

- А наш Тризорчик мячик загнал под диван и так потешно на него лаял... Так потешно, ну совсем, как человек...

Все это Сергей и Светланка Борисовы уже прошли, к тому дню, когда в их город с гастрольными лечебными сеансами приехал знаменитый на всю Россию экстрасенс Глеб Волокитин. Его плакаты с обещаниями исцеления от всего, вплоть до бесплодия появились в Сугробинске за месяц до его приезда. Народ ломанулся в кассы филармонии, где и были обещаны сеансы исцеления Волокитина.

Светланка, потерявшая было веру во все медицинские вспоможения беременности, очень даже прониклась рекламными обещаниями, экстрасенсорного воздействия симпатичного, в общем-то, мужчины, проникновенно взиравшего с плакатов на будущую публику. А поверив сама, вскоре убедила и Сергея. И хотя для их семейного бюджета покупка дорогущих билетов была ощутимым ударом, они оба пошли на это, как на последний оплот коварной природы, почему-то лишавшей их обоих радости оцовства и материнства, радости родительского счастья, такого непонятного многим, получившим его на халяву, без особенных усилий, а то и просто по случайному залету.

За две недели до сеанса, как предписывал плакат, Сергей прекратил и курить и пить. Первое и второе в курящем, да и в пьющем милицейском коллективе ему уважаемому капитану было сделать достаточно сложно, но он это сделал. Светланка была в восторге от того, что лечебный сеанс Волокитина приходился как раз на середину ее женского цикла, то есть в самый самочный период.

В этот праздничный для Борисовых зимний день Серега сорвался со службы на два часа раньше. Светланка уже ждала его нарядно одетая. Борисов быстренько переоделся в цивильное, аккуратно, как он это всегда делал, повесив форму в шкаф. Сеанс лечения начинался в шесть часов вечера, до филармонии было рукой подать. Но они вышли на улицу намного раньше указанного в билетах времени и торжественно направились в сторону концертного комплекса.

Первое, что поразило и Сергея, и Светланку – это обилие калек в зале и каких-то убогих в своих болезнях людей. Они-то откуда взяли такие деньги на билет? Но вскоре выяснилось, что большинство этих людей проникло в зал нелегально. Места Борисовых были уже заняты, но как только они подошли к ним, какие-то монашеского вида старухи безмолвно ретировались.

Светланка испуганно взирала на своего мужа, тот, прочитав в ее глазах немой вопрос, ответил уверенным шепотом:

- Мы с тобой нормальные люди, мы с тобой не инвалиды... Не понравится, уйдем домой, и всего делов-то...

От такого Серегоного уверенного спокойствия и Светланка тоже успокоилась. Вскоре зал заполнился людьми под самую завязку. Верхний свет потух. На сцене заметались какие-то огни, забегали какие-то люди, заиграла с претензией на магическую музыка. В зале стали ей подвывать какие-то полусумасшедшие старики и старухи,

видимо, сопровождавшие Волокитина в его турне по стране. Светланка испугавшись всего этого, взрагивая всем телом, прижалась к мужу. Тот опустив по бычьей голове, был настроен агрессивно, был готов защитить себя и Светланку в случае агрессии на их маленький собственный семейный мирок. Увидев это, Светланка снова успокоилась.

После получасовой суматошной беготни по сцене, ранее исцеленных от всяких страшных болезней Глебом Волокитиным, сбивчивых и крикливых объяснений диагнозов и восторженных благодарностей в адрес целителя. Вдруг смолкла музыка, лучи театральных софитов перестали метаться по сцене, включился верхний свет, и на опустевшую сцену медленно вышел Глеб Волокитин, невысокий, средних лет чернявый мужчина. Зал притих. А целитель стал спокойно, густым печальным голосом рассказывать о себе. О том, кто он, откуда родом, и как почувствовал в себе дар целительства. Много и часто уповал на Бога. Его речь постепенно ввела весь зал в какой-то неопишуемый приятный транс. Снова заиграла спокойная музыка, погас верхний свет, прожектора высветили фигуру целителя, на сцене появились выставленные в ряд около двадцати стульев.

- Сначала я поработаю индивидуально, с двумя партиями желающих, а потом поработаю со всем залом на общее оздоровление, повышение жизненного тонуса и иммунитета организма...

Услышав эти слова, Сергей словно проснулся, он встал и, взяв Светланку за руку, властно повел ее на сцену. Они успели занять два места в первой партии.

По просьбе целителя зал затих. Музыка замолкла. Круг прожектора на полутемной сцене сопровождал Волокитина. Он начал обход страждущих с левого края. Волокитин подходил к каждому, что-то спрашивал, ему отвечали, он снова говорил, глядя больному прямо в глаза, гладил по голове, или касался плеча, потом переходил к другому страждущему исцеления.

Когда дошла очередь до Борисовых, Волокитин подступил к Сергею, зал для него перестал существовать, его обдало каким-то жаром, а черные глаза целителя мягко, но настойчиво, подчинили его волю:

- Вы держитесь за руки, это ваша жена? – спросил целитель, - Вы вместе пришли с одной бедой?

- Да, - глухо вымолвил Сергей.

- Какая у вас беда?

- Ребеночка хотим...

- Давно вместе?

- Восьмой год...

Диалог происходил, как бы помимо сознания Сергея, будто кто-то другой за него отвечает.

- Лечились?

- Всеми методами...
- Что говорят врачи?
- Говорят, что мы оба здоровы, но у нас какая-то гормональная несовместимость...

Волокитин отпустил Сергея и внимательно посмотрел в глаза Светланке. Сергей почувствовал, как ее ладонь ослабла и стала влажной.

- Любишь этого мужчину?
- Да... - выдохнула она.
- Хочешь от него детей?
- Очень...

Целитель перевел взгляд на Сергея и сказал:

- Даю вам на детей разрешение, именем Бога нашего Иисуса Христа, даю тебе на это силы.

Потом перевел взгляд на Светланку:

- Даю и тебе разрешение от имени Иисуса Христа понести в чреве от этого мужчины, даю тебе силы выносить ваш плод... А теперь подите с Богом и творите благое...

Как они добрались домой, Борисовы оба не помнили. Слабость давила изнутри обоих и гнала в постель. Они быстро поужинали и завалились спать.

В полночь Серегу словно подбросило. Он открыл глаза и увидел сидевшую на краю кровати Светланку. Волосы ее были распущены. В свете уличного фонаря она выглядела как-то мистически.

Сергей вдруг почувствовал дикое желание. Такого с ним уже давно не было. Что только они не вытворяли до самого утра. И откуда только силы взялись.

В таком бешеном ритме прошли полгода. И однажды, о чудо, месячные так и не начались... Счастью молодой четы просто не было предела. Только вот сексуальную вакханалию, чтобы, мало ли, не повредить так долго и трепетно ожидаемой беременности, пришлось прекратить.

Когда Светланка была уже на третьем месяце, в городе снова появились афиши с портретом Волокитина. И восторженная свершившимся чудом чета Борисовых, купив билеты, собралась на один из сеансов с единственной целью, передать на сцену благодарственную записку.

Сергей, особенно в последние месяцы, глядя на жену, не мог нарадоваться. Она преобразилась, стала какой-то светящейся изнутри. Да и у него, будто все заладилось и на службе и вообще.

В зале филармонии, где, по сложившейся уже традиции, и проходили целительские сеансы Глеба Волокитина, народу собралось, не протолкнуться. Сергей и Светланка быстро отыскивали свои места. Все действие происходило, как и в первый для них раз. Сергей передал

своеобразному конферансье в костюме шамана записку от их семьи. Где-то через час их пребывания в зале, Светлане стало как-то неудобно, и они решили пойти домой.

Посидели минут двадцать в буфете с соком и пирожными. Потом спустились в подвал-раздевалку. Там Светланку затошнило, и она пошла в служебный туалет, туда, куда объяснила гардеробщица. Стоя у туалета и держа в руках плащи, Сергей переживал за жену, которая что-то так долго не выходила из туалета. Но вскоре она появилась, с ней оказалось все в порядке. Они быстро оделись и направились к выходу.

- Я уж было подумал... Бог дал, Бог взял...

- Не говори так... Я было тоже перепугалась, но все в порядке...

Они вышли на улицу. Моросил осенний дождик. Людей почти не было. Редкие машины увозили своих хозяев в их теплые дома. Сергей и Светланка медленно шли домой, она крепко держала его под руку, и выражение тихого счастья не сходило у нее с лица. Сергей о чем-то сосредоточенно думал, а со всех афиш смотрел им в спину прищур карих все понимающих глаз целителя Волокитина.

НАС ЖДЕТ ОГОНЬ СМЕРТЕЛЬНЫЙ...

(рассказ)

Звали старуху Рунальда Бенедиктовна Шмульк. Она своим внешним видом полностью оправдывала это заковыристое имечко. Соответствовало ему и одеяние то ли века девятнадцатого, то ли списанного театрального барахла фасончик. Сухощавая, носатая, картавая, с пронзительным ведьминским взглядом из-под нависших мужских бровей. Однако не смотря на иностранность имени, она гордилась своей русскостью и выставляемой на показ «лапотностью». От чего, поди, и содержала трех собачек величиной с болонку явно «дворянского» происхождения.

Когда Рунальда Бенедиктовна покидала купейный вагон на станции городка Сугробинска, проводницы почти плакали от счастья и махали ей вслед своими красными флажками. За двое суток езды от Москвы в Сугробинск собаки изрядно потрепали нервы и проводницам и пассажирам. Лишь старуха хранила гробовое молчание и была вполне довольна жизнью.

Оказавшись на асфальтированном перроне, Шмульк критически осмотрелась вокруг, и произнесла:

- Да, время все меняет... даже нас...

Вскоре она уже вышагивала в направлении привокзальной площади, неся в одной руке старомодный потрепанный чемодан, а другой

придерживая разбредающуюся на длину поводка свору блохастых злыдней.

Вокруг полыхала весна, то самое время года, когда природа просыпается, и даже, как говорится, пень в весенний день... Что, впрочем, старуху со странной фамилией Шмульк ни коим образом не коснулось. Дело клонилось к вечеру, и нужно было искать ночлег, где-нибудь ни в самой дорогой гостинице Сугробинска.

И таковая вскоре отыскалась. Номер с телефоном старухе предоставили, но категорически было отказано допустить в номер ее неприглядных собак. Рунальда Бенедиктовна пыталась убедить администратора, всеми доступными ей уговорами, даже попыталась подкупить этого очкастого пентюха сотенной, но тот стоял на своем:

- Сэс нам запрещает, с меня премиальные на штраф снимут.

- Да что ж это у вас тут за порядки, просто дискриминация какая-то... Собачки чистенькие, воспитанные... - не сдавалась Шмульк, всячески подтягивая поближе расшалившуюся свору.

- Жильцы будут жаловаться на запах и лай, - не уступал гостиничный распорядитель.

- Хорошо, - сдалась, в конце концов, старуха, - что вы мне прикажете с ними делать?

- Привяжите на ночь на заднем дворе, ничего с ними не будет, ночи уже теплые... Только покормите сначала. Но если они начнут выть и тем самым мешать отдыху жильцов, то мы вынуждены будем вызвать ветеринарку!

Выслушав всю эту тираду, Рунальда Бенедиктовна вдруг распрямилась, насколько могла и, решительно глядя в глаза очкарику, запела густым меце-сопрано:

- Нас ждет огонь смертельный... Но все ж бессилён он... Со-мненья прочь, уходит в ночь отдельный... Десятый наш десантный батальон...

Оставив чемодан у стойки, она развернулась на стоптанных каблуках и поволокла собак к выходу. Ошарашенный администратор осуждающе посмотрел ей вслед, но покрутить пальцем у виска не решился. Шмульк еще бы повоевала с этой тыловой крысой гостиничного бизнеса, но она решила дожидаться ухода администратора на ночной отдых и втихоря договориться с этажной дежурной о вселении ее четвероногих друзей в занимаемый ею номер.

Старуха привязала собак на заднем дворе неподалеку от черного входа в гостиничный буфет, в котором, очаровав такую же, как она, каргу уборщицу, выпросила у нее три миски жирных отходов. Что уж там Рунальда Бенедиктовна им нашептала, не знаю, только, отужинав, лопоухие метисы вальяжно расположились на брошенной под балконном первого этажа мешковине и, свернувшись в один клубок, затихли.

Завершив хлопоты по хозяйству, старуха поспешила в номер, чтобы побыстрее начать заниматься тем делом, ради которого и приехала из Волгограда в Сугробинск. А оно состояло в том, чтобы найти давнюю фронтовую подругу Ирку Непогодьеву. Ежегодно 9 мая подруги встречались на Мамаевом кургане, а тут Ирка не приехала. Позвонила ей домой, сказали, что такая по этому адресу и номеру телефона больше не проживает, а где проживает Бог весть. И Рунальда Бенедиктовна решила сама поехать в Сугробинск, разузнать, что стало с подругой. А собак Стеллу, Нателлу и Фантика, самых близких из всех живущих на земле, кроме Ирки, старухе пришлось захватить с собой.

Авантюра с переселением собак не удалась. Этот дрищ очкастый перед уходом строго-настроено предупредил этажную об ответственности перед городским СЭС за нахождение в номерах посторонних животных, распространителей блох, чесотки, лишая и другой гадости. Выслушав очередную тираду в свой адрес, только уже от этажной, законопослушная фронтовичка Шмульк смирилась с горькой долей своих собачек на эту ночь и стала названивать во все известные ей инстанции, разыскивая подругу Непогодьеву.

Около полуночи в новой квартире Ирины Павловны Непогодьевой прозвучал телефонный звонок. Она жила одна, старик умер уже несколько лет назад, а у детей было свое жилье. Ирина Павловна уже легла спать, но к телефону все-таки подошла. В трубке раздался до боли знакомый голос:

- Привет, подруга фронтовая!

Сердце Непогодьевой екнуло, но она быстро справилась с ним, чуть не закричала:

- Рулька, ты что ли? Откуда?

- От верблюда, - последовал ворчливый ответ, - я у тебя здесь в Сугробинске...

- Да ты что...

Старухи проговорили почти до утра. Около пяти, сговорились встретиться в обед в буфете гостиницы. После чего Рунальда Бенедиктовна, пожелав в уме, спокойной ночи своим собачкам, поворочавшись с пять минут, уснула с чувством выполненного перед Родной долга.

Проснулась Шмульк около семи утра от громкого стука в дверь. На пороге номера стоял вчерашний неприятный администратор, он посмотрел на старуху как на личного врага и на ее немой вопрос, противно шепелявя, ответил:

- Там у крыльца черного хода в буфет намусорено. Администрация гостиницы просит вас прибраться...

И больше не говоря ни слова, удалился, мягко ступая, по коридорному ковру.. Глядя ему в след, старуха выругалась в душе по

поводу женщины, родившей его. Но делать было нечего. Нужно было приводить себя в порядок и убирать за собаками. Что Рунальда Бенедиктовна и сделала. Настроение у нее было отличное. И самое главное, грело душу то, что еще та вертихвостка Ирка Непогодыева жива и здорова, и скоро они встретятся.

Первое беспокойство в душе старухи зародилось уже на первом этаже, когда она шла по небольшому зальчику буфета. Обычно собаки чуюли ее приближение издали и начинали невероятную возню и радостный лай. На этот раз старуха ничего подобного не услышала.

Когда она подошла к тому месту, где вечером под балконом привязала своих собачек, то поняла, что дурные предчувствия ее не обманули. Собак на месте не оказалось. Мешковина была вся в крови, а поводки с расстегнутыми ошейниками валялись тут же. Старуха, тяжело ступая, приблизилась к недавнему месту последней ночевки ее питомцев и уселась рядом на бетонный бордюр, хрипло с последней надеждой в голосе позвала:

- Стелла... Нателла... Фантик...

Но собаки на зов не явились. Из буфета вышла в замызганном белом переднике кухонная работница и понесла мусор и несъедобные отходы на помойку, заметив постоялицу, она не зло проворчала:

- И нечего здесь сидеть... Бомжи, видать, ночью прирезали и сожрали... У нас это обычное дело, вокруг-то вона одни зоны... И чего так-то убиваться-то, поводки вон какие хорошие остались же...

А Рунальда Бенедиктовна все сидела, покачиваясь, на бордюрном камне, пока не упала. Говорят, сердце не выдержало. Зато Ирине Павловне Непогодыевой кладбищенских забот прибавилось, она теперь и за подругиной могилкой ухаживает...

Виктор ДЕМИДОВ

НОЧНЫЕ ВЕДЬМЫ И ЛЕШАК КУКУТА

(повесть)

1943, июль

Пятачок в партизанском лесу

Михаил Дюжев и Андрей Мацнев

Капитан Михаил Дюжев, командир экипажа тяжелого ночного бомбардировщика, не умел ругаться. Фашистов

презрительно называл: курячьи дети... А драной курицей величал имперского фашистского орла. Вылетая на бомбежку, спрашивал штурмана и стрелка-радиста:

- Ну что, ребята, надерем хвост этой драной курице?...

- Надерем и вернемся домой.

И постукивали по корпусу самолета, чтоб не спугнуть удачу.

... Экипажи Михаила Дюжева и Андрея Мацнева вылетели на бомбежку крупной узловый станции Рославль.

Снизившись, экипаж Дюжева бросил осветительные бомбочки и стремительно пошел в атаку на главный путь. На нем разводил пары паровоз состава с танками и артиллерийскими установками. Штурман удачно положил бомбы. Взорван путь перед эшелоном. Загорелись, взрываются изнутри вагоны с боезапасом. Покорежена боевая техника...

И тут бродившие вокруг и около слепящие лучи прожекторов взяли бомбардировщик в смертельные клещи. От скорострельных зениток потянулись к нему разящие трассы. С земли до неба вырастают пышные снопы огненных стрел. Дюжев на мгновение ослеп. Теряя пространственную ориентацию, бросал самолет то вправо, то влево. Маневры осложнены: заклинило в держателях одну из бомб... Ситуация - почти катастрофическая.

- Врешь, не собьешь, курячье племя! - цедил сквозь зубы Дюжев.

Но зенитки, как волкодавы в гриву, вцепились в самолет. Трещали, под градом осколков, плоскости, хвостовое оперение, чихнул и захлебнулся один из моторов, запахло паленым...

Экипаж Дюжева, как было изначально задумано, принял огонь на себя. Тем временем на линию бомбометания вывел машину Андрей Мацнев. Штурман точно по центру станции уложил бомбовой запас. Когда прожекторы переметнули лучи, его уже и след простыл.

- Осмотреться! - скомандовал Дюжев. - Штурман?!

- Не горим, но запашок есть.

- Собьем!... Стрелок-радист?..

Молчание.

- Штурман, что с ним?

- Отдал Богу душу, Павлович.

- Хороший был паренек!.. Храни нас, Господи!.. Нам бы ма-ленький пяточок в партизанском лесу!..

Такой пяточок Михаил Дюжев присмотрел во время разведывательных полетов. В сплошной тьме, в которой под крылом едва проблескивали змейки сонных речек, наитие помогло выйти на травянистую поляну. Стриганув плоскостями макушки сосенок, командир на малом газу посадил самолет и сразу вырубил мотор. Бомбардировщик по инерции пробежал полсотни метров по рыхлому песчаному грунту и уткнулся пропеллерами в стволы осин.

Некоторый запас времени был: ночью фашисты в лес не сунутся. И тем не менее командир и штурман действовали в бешеном темпе. Вытащили из кабины холодное тело радиста, засыпали его белым

песком, освободили из зажимов заклинившуюся бомбу, поставили торчком у изголовья радиста в качестве памятника и предупреждения: не замай. Заминировано!.. Отдали честь боевому товарищу: «Прощай, Дима!..» Подожгли самолет, попросив у него прощения, как у живого существа.

И часа четыре уходили от него все дальше и дальше, время от времени переходя с одного берега ручья на другой, чтобы затруднить преследование с собаками...

Кукута - людям докука

Лешак Кукута на весь район, на всю область, а может и на всю Россию сумел остаться единоличником. Чтобы загнать в общее колхозное стойло, ему дали бросовый, заросший ивняком, смородиной, крапивой надел у самого кладбища. Дескать, куда денется, сам прибежит просить помощи.

Не прибежал, не сломался, не упал на колени... С младшим братом, со своей и евойной женой ломали хребты от зари до зари, построили баньку, хату, пуню для живности, ограду из жердей вокруг выгона, ивняковый тын вокруг огорода... Держали коровенку, которая ежегодно приносила теленка, низкорослую и неприхотливую монгольскую лошадку Мусю, несколько овец и с десятков кур... Жили натуральным хозяйством. К тому же Кукута рыбачил, бортничал - то есть держал в лесу неучтенные властью колоды пчел...

День-в-день, рубль-в-рубль платил разорительные налоги, сдавал молоко, шерсть, яйца и прочее, чем и спасся от раскулачивания и высылки в места наши отдаленные...

Был в его обиходе общения с уговаривающими уполномоченными убийственный прием. Почти каждый представитель партии и советской власти, макая хлеб в янтарные медовые соты, упрекал Кукуту:

- Что же это вы, батенька, в коммунизм не верите!..
- В коммунизм-то я верю и даже знаю, когда он придет.
- Когда же?..
- Когда руки у людей вывернутся наизнанку: станут грести не к себе, а от себя...

- Ну, знаете, - терялся уполномоченный и выкатывался, облизывая губы.

... 23 июня 1941 года брат ушел на войну и героически погиб невдалеке от дома - в Ельненском сражении, в котором родилась Советская гвардия. Остался Кукута век вековать с двумя женами...

Сумел найти такую линию поведения, что партизан не боялся и полицаям не кланялся.

... С вечера Кукуте не спалось. Посреди ночи наблюдал «сражению» краснозвездного бомбардировщика с прожекторами и зенитками. Видел, что самолет сумел вырваться из перекрестья прожекторов, сбить намечавшийся дымок-огонек, ушел в партизанские леса... Прикинул, где упадет или приземлится, понял, что пилоты - в силу характера местности - не смогут пройти мимо... Сходил в пристройку, выбрал из старых запасов легкий армячишко, пыльник, еще какую-то хламиду - может придется летунов приодеть... Засветил лампадку у иконы Божьей матери, всех скорбящих утешение... Прилег на широкую лавку под окном. Подремывал вполглаза, когда услышал царапанье по стеклу... Поднялся, не скрипнув дверью, вышел в сени, спросил вполголоса:

- Кто?..

- Свои, дедушка, помоги!..

- К тому ли вы обращаетесь: одиноличник я, сам по себе...

- Но ведь русский же человек!..

- Русские теперь тоже разные есть... В избу не зову - неровен час кого нанесет. Подождите за баней.

Кукута достал из потайного шкафчика краюху хлеба, кусок сала, три луковицы, бросил в холщовую торбочку... Женам, дремавшим на печи, наказал: - На речке я - сети проверяю...

- Ладно уж, не задерживайся там!..

В сенях Кукута захватил одежду, младшая жена на минуту прильнула к нему горячим телом, закрыла дверь на засов ... За баней его ждали двое в шлемах и комбинезонах...

- Экие вы приметные!.. Накиньте-ка стародежку...

Осмотрел, оценил:

- Так-то лучше. Идите по стежке, я следы замету. Натоптали!..

Огрызком березовой метлы Кукута заровнял следы сапог на копанине, сыпанул туда-сюда по щепоти самосаду: а ну как полицаи с немецкими собаками объявятся...

Молча повел летчиков напрямую через кладбище, мимо похилившихся крестов и оград... Время от времени то слева, то справа вспыхивали золотистые волчьи зрачки.

- Кто это, Отец, там? - спросил Дюжев.

- Волчья парочка. Логово тут у них. Не бойтесь - своих не обидят...

... Поеживаясь, подошли к реке... О вечности шепталась с берегом вода, спросонья пискнул и уснул куличок-воробей... Кукута вывел из камышей плоскодонку, еловым ковшом откачал воду... Уселись, угнездились, хочется сказать, и Кукута стал споро толкать плоскодонку шестом вниз по течению Острика. Не дойдя до деревни Круча, спрятали в камышах-рогозах лодку, пилоты затаились на опушке...

Минут через десять-пятнадцать старик вернулся из деревни с русоко-
сой и большеглазой девушкой Леной.

- Доверьтесь ей, - сказал, - она выведет к своим.

На прощанье вручил Дюжеву торбочку с припасами и похожее
на веретено осиновое поленце, словно бы зубами бобров обточенное.

- Что это, Отец?

- Пароль к докукинцам... Вон за тем болотом - концлагерь
«Остер». Там военнопленные с голодухи осину грызут. Покажи соко-
лика - пусть поторопятся.

... Оттолкнулся шестом и растаял в плотном тумане, словно во-
дяной в родной стихии.

1943, август

Мы теряли друзей боевых

Васенка, глаза партизан

Бабушку Степаниду долго пытали и растреляли во дворе Рос-
лавльской тюрьмы. Тело бросили в противотанковый ров, в который в
41-м году уложили три с половиной тысячи добитых раненых эвако-
госпиталя.

... А жизнь продолжалась. В селах таились «глаза партизан».

...Мать моя Васенка завязала в белую косынку три свежих ку-
риных яйца. И мы пошли с ней в деревню Хохловку. Прошел слух,
что там, на прадедовском дремаге, расположилась вновь прибывшая
немецкая часть. По-видимому, чтобы усилить оборону Рославля...

Под предлогом обмена яичек на соль мать собиралась посмот-
реть: много ли немчуры на могильнике... Затея удалась. Поначалу,
правда, часовой заартачился: «Цурюк!.. Цурюк!»

Но услышал волшебное слово «Яйки», оставил пост, вынес из
землянки плоский ранец, достал из него баночку с солью. Взамен яи-
чек насыпал в косынку складную ложечку соли - по тем временам не-
слыханная щедрость. Мать поблагодарила: «Битте-битте, пан!..» Завя-
зала в узелок, чтобы не растерять ни крупинки, щепотку соли и мы
быстренько убрались. Пока фриц спускался в землянку, мать рассмот-
рела по углам могильника - зенитные пулеметы, под соснами тут и
там - телеги, груженные ящиками с гранатами, минами, патронами... И
клетки с награбленными гусями, петухами, хрюшками.

Возмущалась, что могильные оградки превращены в стойла,
что по могилам прадедушки и дедушки топтались гривастые бютю-
ги...

Дома мать пошептала с золовкой Любой, и та куда-то исчез-
ла... По неведомым тропам информация о передвижениях фашистов
сошла на станции Сещенской, где действовала комсомольская под-

польная организация. Она оказалась настолько важной, что наш пилот, затесавшийся к немцам в аэродромную службу, сел в заправленный «Хейнкель» и перелетел через линию фронта к своим.

«Ночные ведьмы» Руся и Ляля

... Прямой путь к Рославлю лежал через наше село. Вечером обозы растянулись по улицам и проселкам. Конца им не видно... Тут-то и налетели У-2, развесили лунно светящиеся САБы, и стали утюжить проселок. Каждый «русфанер» нес к этому времени, не сто восемьдесят, как в начале войны, а триста килограммов бомб... Шестьсот килограммов взрывчатки посеяли по большаку два экипажа...

Но немцы были не такие уж простаки. Из зенитного пулемета они сумели подбить машину командира звена старшего лейтенанта Руси Спасеновой. Видимо, перебило бензопровод - мотор рывкнул и замолк. Руся и Ляля знали, что впереди по курсу комендатура, которую они угощали гостинцами 6 ноября прошлого года, что за ней длинные приземистые строения, а за ними - пологое поле... У Ляли остались в запасе две бомбочки. Сам погибай и фашиста с собой увлекай!..Ляля сбросила бомбочки на комендатуру, хотя высота была критической. Взрывная волна подбросила самолет, но Руся на пределе сил сумела удержать его в равновесии. Воздушным потоком наш славный У-2 буквально нанесло на крышу гумна. И Руся совершила немыслимое: биплан, как канатоходец, пробежал посрединке крыши и остановился у самого обреза... Стоял и покачивался: того и гляди рухнет.

- Сматываемся, Ляля!..

Ляля на минутку замешкалась, выдергивая из циферблата снимок своего любимого Гришуни. Руся скатилась по пропитанной глиной крыше и упала на копну. Силен колхозный Бог - на счастье соломки подстелил. Когда она кувыркалась, с ног слетели сапоги - по воле интендантов они были на три размера больше. Некогда их обувать! От комендатуры набегал и палил по силуэту Ляли зажигательными патронами Пащенко - полицай Гнат Пащенко... И попал не в Лялю, а в обшивку, крапленую горючим... Самолет вспыхнул, как порох. Занялась крыша гумна. Под ней затлел и загорелся не обмолоченный урожай 1941 года. Огненный смерч со страшной силой втягивает воздух и раздувает сам себя.

Убегавшие вниз по склону Руся и Ляля видели, как пламя перекинулась на соседний телятник, под крышей которого немцы устроили склад боеприпасов... Выбросы пламени, осколки разлетались во все стороны...

Пашенок: «Собачья смерть»

Есть Бог на земле. Охапку огня кинуло на плечи Пашенка... Полицай катался по земле и орал дурным голосом: - Аааааааа!..

И на этот раз спасший свою шкуру комендант с рыжей, как льва, гривой на груди, припечатал его к земле словом: - Партизанен!.. Поджигатель!.. Казнить - нельзя помиловать!..

Он - фашист, которому Пашенок лизал пятки, а не земляки, не трибунал подписал полицаяу приговор. Наутро Гната Пашенко привязали за ноги к «Оппелю», повесили на грудь повязку «Партизанен». И таскали по большаку, пока не затаскали. Труп бросили на корм вьюнам и налимам в тот самый Острик, по которому уплыли в партизанский край Дюжев со штурманом...

Кукуте - вторая докука

Руся так и бежала вниз по склону: сапоги под мышкой, по бошине хлопает и подгоняет планшет с картой. Ляле в ее кирзачах-скороходах труднее было бежать.

Неожиданно молния неприятного ощущения пронзила Русю: она почувствовала босой ногой железо и мгновенно остановилась. Под подошвой была мина. На счастье - противотанковая, поэтому не сработала под легкой девичьей стопой.

Минное поле преграждало им путь к спасительной заболоченной долине речонки Шмалинки.

- Ляля, мины-ы!..

Ляля запыхалась, не поняла, что ей кричала подруга. Споткнулась на бегу... Вспышка, слабый крик и пушолетный выстрел, как гром среди ясного неба, поразили Русю... Ляля подорвалась, поняла она упавшим сердцем, и применила личное оружие - пушолет ТТ к себе самой.

Слезы застилали глаза. Несколько минут Руся стояла, как потерянная. Сердце готово было выпрыгнуть и бежать без оглядки отдельно от неуклюжего тела.

- Ты же, командир, Руся, - убеждала сама себя.- Ты должна выбраться и дойти до своих.

... Впоследствии она не могла понять, что ее вело - интуиция, судьба - не пришел еще твой черед, провидение... Она преодолела ловушки минного поля, прошла по самому-самому краешку, на крик петуха вышла к избе Кукуты... Поцарапалась в стекло, как Дюжев Миша. Ее любимый...

Кукута втащил ее - дрожащую, промокшую, зареванную в избу, в запечье, откуда у него был потайной лаз в схрон. Русю всю колотило. Маня, младшая жена хозяина, принесла ей стакан самогона,

ломоть хлеба, моченый огурец, несколько картофелин. И помогла Русе влить в себя вонючий напиток. Маня поделилась немудрящей одеждой - отдала летчице домотканую юбку, кофту, холстинковые трусики... Кукута завернул в старую клеенку и зарыл в огороде ее солдатские сапоги, комбинезон и шлем. А Русю снабдил скрипучими липовыми лапоточками, в аккурат по ноге, и старушечьим платочком... Маня научила, как заворачивать онучи, перевивать вокруг ног оборы...

В самую темень Кукута по той же тропке, в сопровождении тех же волчьих глаз вывел ее на берег Острика, усадил в ту же плоскодонку... От той же Кручи ее повела тайными стежками младшая сестра Лены Оля. Лена в это время лежала, отвернувшись лицом к стене, в госпитале Ярославской коммунистической дивизии полковника Степана Турьева, уроженца Пезмога. Когда связная пробиралась к разведчикам старшего лейтенанта Докукина, фашисты загнали ее на минное поле, где она потеряла стопы и много крови... Разведчики выручили ее. А Руся, вернувшись в часть, на новом У-2 переправила связную на Мишин аэродром, откуда летали самолеты в Москву. Это был самый трудный полет у Спасеновой. Русе казалось, что ее Ляля мечется в бреду и стонет от боли.

... Делясь пережитым, Руся и Миша поняли, что обязаны жизнью одному и тому же человеку со странным именем Кукута.

Вскоре замполит полка данной ему воинской властью зарегистрировал брак Руси и Михаила. И стала Руся Спасеновой-Дюжевой...

*1943, сентябрь, 26-го...
Я сидел на крыле самолета...*

Виктория-Победа

23 сентября мы с мамой и соседской бабушкой варили картошку в землянке. Скрипнула дверь, в приоткрывшемся проеме показалась сперва - Красная звезда на зеленой круглой каске, потом - карющие вопросительные глаза: есть ли кто живой... Я распахнул дверь и, сам не понимаю как, оказался на руках у симпатичной девушки с золотистыми веснушками и в плащпалатке... Следом выскочила мама и стала целовать русокосого ясноглазого солдата.

- Как зовут тебя, касатка?

- Красноармеец Софья Аверичева... Вполне можете называть меня Викторией - Победой.

Ее спутник - такой же молодой и красивый - первым делом спросил: - Есть ли в селе немцы?..

- Нет, Уже нет.

Разведчики ушли, перебрасывая с ладони на ладонь горячие картофелины...

А в село вошел и поселился в нашей избе изрядно поредевший в атаках муззвод, принял пополнение и целый месяц репетировал «Прощание славянки» и другие марши. Нотную грамоту музыканты постигали по забавной песенке «Двенадцать негрятят купались в синем море, один из них утоп...» Негрityта один за другим тонули в огненном море по воле стихии. А последний утопился сам от тоски по погибшим братьям... Странно, но трагический текст и разухабистый мотив прекрасно уживались...

Руся и Миша

... На третий день я пошел в огород сорвать морковку и разинул рот: из-за леса на посадку заходил самолет. Он шел со стороны пятачка, на котором чудом приземлился бомбардировщик, курсом сателя листовок... Он сел на опушке за нашим тыном. И все мальчишки, сверкая пятками, помчались к нему. Летчица Руся сошла к нам как богиня голубых небес. Из второй кабины выбрался летчик Миша.

Мы показали им, где живет колхозный бригадир по прозвищу Колесо. Тот выделил лошадку с телегой. Летчики погрузили на повозку мешок гречки, мешок соленых солдатских сухарей, еще какие-то гостинцы, обнови и поехали в Пищики к Кукуте.

Соседи рассказывали, что при этой встрече старик вспомнил свою всеми забытую фамилию Климанский, имя-отчество Петр Васильевич и впервые за всю жизнь растрогался до слез...

Руся и Миша разрешили нам посидеть на плоскостях, в пилотских кабинах. Липовые лапоточки от Кукуты в них были оберегом. Вернувшись с легкой душой, Спасеновы-Дюжевы прошли на бредущем над минным полем, где погибла Ляля с крылатой фамилией Жаворонкова, и улетели на войну... Они долетели до Берлина и вернулись домой в Подмосковье.

Ляля и два сапера

... В октябре группа саперов разминировала подмерзшее минное поле. На нем подорвались два сапера. Их тела и останки Ляли Жаворонковой похоронили в одной могилке под соснами на краю Копытовского поля.

... По весне в моей душе оживает колосок с того поля и не умирает в самую суровую зиму.

САИД
(рассказ)

Мы играли в шахматы. Не сейчас, в данную минуту. Мы просто часто играли. В турнирах. Иногда в лёгких, блицтурнирах, посвящённых каким-либо датам, а раза два или три в году – в официальных. Это были первенства города, спортивных обществ, даже республики. А бывало, проводились и соревнования с участием приглашённых мастеров – носителей имён, звучавших даже за пределами тогда великой страны.

Охватившая молодую в тридцатые годы Страну Советов тяга к физической культуре и спорту как условие укрепления здоровья нации породила всплеск интереса и к шахматам, невзирая на то, что о принадлежности последних к спорту или к искусству предстояло отдельным равнодушным умам размышлять, вести дискуссии ещё многие десятилетия. И хотя трудно думать, что тонущие в табачном дыму помещения кружков, клубов, местных турнирных залов тех лет служили здоровью тела, но что шахматы развивали мыслительные способности – несомненно. И волю, характер – тоже. И это привлекало.

Именно в тридцатые годы, после ярких российских шахматных гениев-одиночек, зазвучали имена блистательной плеяды талантов – от уже зрелых, как Левенфиш, Романовский, Ильин-Женевский, Дуз-Хотимирский, какие нынче многим, верно, ни о чём не говорят, разве что для кого-то веет от них духом романтики прошлых веков, когда генералиссимусы либо государственные деятели первой величины, в знак признания их заслуг перед отечеством получали к своей фамилии вторую часть – по названиям выигранных битв (граф Суворов-Рымникский) или присоединённых в наращивание величия государства земель (князь Потёмкин-Таврический), до молодых в ту пору братьев Макагоновых, Кана, Белавенца, Бондаревского, Толуша, Болеславского и, конечно же, ставшего впоследствии патриархом советских шахмат Ботвинника. Это уже потом, в сороковые-пятидесятые за сверкали победами на международных театрах военных действий с клеточными полями таланты Смыслова, Кереса, Спасского, Бронштейна, Геллера, Петросяна, Таля, четверо из которых взойшли на шахматный Олимп планеты, но и остальные были вынуждены остановиться лишь на самых последних уступах у самой вершины. Знание пусть в самых общих чертах драматургии их борьбы воспринималось в те годы почти как пароль интеллигента, и элементом едва ли не каж-

дой светской беседы являлись хотя бы бегло, неглубоко оцениваемые события на тех рыцарских турнирах.

«Рыцарских» написано не случайно: без верности духу честной борьбы спорт перестаёт быть спортом как таковым. К шахматам же это требование относится в особенной степени. В них соперников, их лица, взгляды разделяют лишь сантиметры, и каждый неловкий жест, недозволяемое правилами прикосновение к фигурам, даже неуважительная гримаса могли бы существенно отразиться на психологии борьбы, нарушить её логику и, значит, повлиять на результат, исказить его.

Вот и в нашем относительно не крупном северном шахтёрском городе, правда, с духом истинной культуры корнями из событий тридцать седьмого и смежных с ним лет, шахматы были, как и полагается им, рыцарскими. Однако справедливость обязывает признать, что бывают они и иными, с чем, к удивлению и огорчению нашему, мы столкнулись, посетив для командной встречи другой, похожий город под полярным сиянием. Но сказанное – это было, как писали в тридцатые годы, «у них». «У нас» же властвовал дух не только строгой спортивной этики, но и истинной интеллигентности, одинаково характерный почти для всех. Поэтому, полагаю, нет причин не называть составлявших это «почти».

Среди них в разные годы были кандидаты в мастера спорта и перворазрядники, обладатели вузовских дипломов, рабочие и даже школьники, призванные в этот край профессией и вышедшие «оттуда» «бывшие». Вот их имена: Николай Алдохин, Юрий Бакулин, Саид Богаутдинов, Владимир Буяк, Пантелей Владимиров, Георгий Груздев, Роман Джагаров, Алексей Канев, Сергей Караулов, Владимир Кушнир, Алексей Лебедев, Илья Либерзон, Израиль Мейль, Леонард Мелконян, Михаил Мещеряков, Евгений Негомедзян, Николай Плюснин, Андрей Редеккоп, Юрий Соколов (чей сын, в ту пору ранний школьник, по силе игры пребывавший на уровне умения нашего сына Володи, в восьмидесятые годы на пути к Короне дошёл до матча с Анатолием Карповым), Владимир Чистяков, Александр Шерман и неутомимый организатор всей шахматной жизни в городе Александр Иванович Штерц. В этом ряду пребывал и автор этих строк, занимавший одну из высоких ступеней в иерархии организации угольного производства в городе.

Наконец, это были мэтры по жизни: Николай Иванович Корвин, ещё в тридцатые годы, в свои 26 лет, ставший профессором физики Харьковского университета, а в описываемые дни, после своей доли пребывания «там», крупный производственник и, по вечерам, преподаватель семи дисциплин от физики и дифференциальных исчислений до сопромата у студентов Всесоюзного заочного политехнического института; крупный инженер, конструктор и организатор-предтеча телевидения в городе Валентин Алексеевич Панкратов; в прошлом со-

стоявший в руководстве Коминтерна Павел Вениаминович Шапиро; директор крупной городской ТЭЦ Сергей Григорьевич Шлыков; преподаватель электротехники Георгий Янчук, чемпион республики в первой половине пятидесятых.

Город имел свой шахматный клуб, но поскольку в те годы ни жёлтый, ни зелёный дьяволы не довели ни над участниками самой игры, ни над теми, кто предоставлял для турниров свои залы, проблема нахождения удобных помещений, соответствующих уровням и масштабам соревнований, как правило решалась в интересах шахмат – лишь бы нужные помещения в нужные дни были свободны. Разумеется, при всём том нужны были определённые усилия организаторов. Но у нас был уже названный здесь выше Штерц. Да и работники спорткомитета не оставались в стороне.

Однако, о тех, кто играл. Боюсь, у читающего могло сложиться представление об участниках наших поединков как о людях бесстрастно-корректных, возможно, сухих и скучных. Нет. Здесь был представлен и бурлил сгусток интеллекта, а потому вне режима официальных турниров сверкало остроумие, звучала шутка, а дружеские партии-блиц часто сопровождались «звоном» – обоюдными, молниеносными, в темпе игры, остроумными репликами, комментариями, «устрашающими заявлениями» о намерениях, вкладываемых в очередной ход. И всё это – за отведённые каждому на всю партию пять минут! «Звон» этот придавал игре большую лёгкость и помогал без, может быть, осадка горечи воспринимать неудачи. Даже за далью трёх-четырёх десятков лет вспоминаются в этом ключе добродушный, но импульсивный Саид Богаутдинов (чей дом для нас, друзей был всегда открыт, в нём были шахматы и не было нахмуренных бровей у его жены Зои) с его «угрозами» («Сейчас из тебя тырса посыплется!») или разжигающими боевой дух своего деревянного воинства призывами («Вперёд, богатыри – слава близка!»), утончённые, изящно гарцующие реплики Груздева, Джагарова, Караулова, шутки, что всегда были на кончике языка у Лебедева, Либерзона («Либерзвона»), Мещерякова, Соколова...

Однако, как ни притягателен интеллект с его умом, энциклопедичностью, тонким юмором, добротой, порядочностью, портрет каждого, особенно не принадлежащего к лучшей половине человечества, не был бы абсолютно полноценен без того, что называется способностью совершить поступок.

Жизнь предоставила случай проявить себя и с этой стороны...

Был организован турнир, но расположенные в центре города, более привычные помещения оказались не свободны, и встречи его проходили в уже пустеющем старом посёлке, в помещении клуба железнодорожников угольного комбината. Однажды за стеной, в парикмахерской раздался крик – женщина звала на помощь. Мы все броси-

лись туда – оказалось, молодая парикмахер просит защитить её от насильника. Тот, с угрюмым, исподлобья взглядом и с ножом в руке, прохрипел, чтобы не подходили к нему. Мы без успеха требовали, чтобы он убрался вон, предупреждали, грозили ответственностью. Тогда от группы отделился Саид и как-то буднично, хладнокровно, как бы между другими более важными делами и словно он проделывал это прежде много раз, подошёл к вооружённому, отобрал нож и, сам с виду не богатырь, вытолкнул того взапой.

Мне кажется, в голове или в душе каждого из нас остальных хотя бы на мгновение прозвучал вопрос – в себе же я помню его всю вторую половину своих лет - , почему те несколько шагов к бандиту сделал он, Саид, и не сделал ни один другой. Ответ в нас? Или в Саиде, в его постоянной внутренней, без позы, готовности к поступку?...

...Прошли годы и годы, и вокруг меня другой, как десять тех республик, большой город. Другая жизнь, другие люди. Но внимание напряжённо ловит всё, что говорится, пишется, вещается о том, стойком на суровой земле, но после своих пятидесяти, по воле других ставшем без прежних дум о будущем, городе. А если представится случай, бывает трудно не уступить потребности расспросить о людях той, описываемой здесь поры. Разумеется, не обо всех каждый раз. Да и не каждый оттуда может знать всех. Но вот уже в конце восьмидесятых приехал некто, кто был близок к шахматам, и я увлечённо называл имена, предваряя их вопросом «А как...?» Время! Как безжалостно делает оно ответы всё менее радостными! Либо просто не даёт, не знает ответов. Но я продолжал произносить имена и спросил, а как там Богаутдинов, Саид?

Может быть, лучше б я не задавал своего вопроса. И продолжал думать, что с ним всё по-прежнему. Но я спросил. И услышал: «А Саида нет. Уже несколько лет. Разве Вам никто не сказал тогда?». И собеседник поведал короткую, но трагичную историю.

Ему было, должно быть, уже около пятидесяти, когда возник план пробежать от столицы республики до своего города по полотну железной дороги. Путь предстоял в 950 километров. Инициативный, решительный и продуктивный инженер, и здесь, задумав, он, не откладывая, стал готовиться и вскоре побежал. В одиночку, по шпалам (последнее невероятно трудно и утомительно – приспособливать шаг бега к расстоянию между шпалами). Да и огонёк в пути, к которому было бы можно прибиться, отдохнуть, успокоить возможную травму, по мере продвижения на север отстоял каждый следующий всё дальше и дальше от предыдущего. Напряжения требовала и возможность встречи с любым хищником. Но он бежал...

Может быть, виной тому стало крайнее утомление – как следствие всех напряжений. А возможно помешал шум встречного поезда. Но он не услышал поезда, несшегося ему вслед. И тот накрыл Саида.

Чем же был этот его последний, далеко выходящий за рамки привычного поведения людей, шаг? Потребностью совершить ещё один поступок? Тем самым безумством, которому за храбрость должно петь песни?

Или признаком духа, на каком из века в век стоит род человеческий?

Валерия МИРОНОВА

БЫЧОК

(рассказ)

Солнце палило нещадно, но и в душе у Ульяны Громовой была выжженная пустыня. Нет, скорее просто пустота. И боль. Огромная, жгучая, не проходящая ни на минуту. Даже когда она пыталась забыть сном, ее продолжали преследовать кошмары. Она снова пыталась спасти Вадика: вырвать его из рук этих жутких боевиков в масках, которые утаскивали его от нее. Или искала его в каких-то подземельях и катакомбах. И не могла найти. Просыпалась и понимала. Не найдет. Никогда. И снова заливалась слезами.

Ульяна брела по раскаленному городу без цели. Просто шла, чтобы что-то делать, а не сидеть, обхватив подушку, в слезах листая альбомы.

Вот их первая с Вадькой совместная фотография на первом курсе на новогоднем вечере, когда они познакомились. Она помнила все до мелочей. Он был одет в голубые джинсы и белую водолазку, высокий и красивый. Когда он повернулся к ней, Ульяна поняла, что пропала. Насовсем. Просто влюбилась по уши с первого взгляда. Он тоже на нее смотрел, но никак не подходил. Она решила сама пригласить его на медленный танец, но, как назло, его никак не включали. Она даже поспорила с Андрюхой, Маринкиным парнем. Он говорил, что сейчас уже будет, а она говорила, что, по закону подлости, его еще долго не включат. И так они спорили уже семь раз, перед началом каждого нового танца, и Ульяна уже положила свои честно выигранные семь рублей в карман. Но тут она увидела, что мужчина ее мечты уже собирается уходить, прощается с друзьями, надевает куртку и направляется по периметру зала к выходу. Времени на раздумья не оставалось. Она наперерез бросилась к выходу бегом, вилля между танцующими, и выскочила из толпы прямо перед ним. «Если вы сейчас не уйдете, то я приглашу Вас на медленный танец, который, я надеюсь, все-таки будет», - выпалила она. Он улыбнулся и ответил:

«Конечно, я остаюсь». Медленный танец все-таки начался, и они без слов пошли навстречу друг другу и стали танцевать так, как будто делали это вместе с незапамятных времен. И вот подскочил Андрюха, которого она заранее подговорила, щелкнул фотоаппарат, и их осветила вспышка. И вот она, их первая совместная фотография. Они вдвоем, молодые, счастливые, улыбающиеся. Вадик и она. С этой минуты они почти никогда не расставались. И так прошло пять лет учебы. Точнее пролетело. Беззаботные веселые студенческие годы. Почти вся их жизнь. Остались лишь карточки фотографий. Вот они играют в бильярд, а вот бессонные ночи перед трудными экзаменами, но они все равно смеются, потому что они вместе и счастливы.

А вот их свадебный альбом. Такой как у них, свадьбы не было ни у кого. Ни до, не после. Через пару дней после диплома, который они защищали в один день, хоть и учились на разных факультетах, Ульяна на журналистике, а Вадик на операторском, они всей компанией погрузились в поезд и отправились на Валдай. В рюкзаках у них и у всей компании помимо походного снаряжения были свадебные и вечерние наряды. Переодевшись перед выходом из поезда, они прямо с вокзала пошли по центральным улицам маленького города к ЗАГСу. Здесь за месяц до этого Уля и Вадик втайне от всех подали заявление. Прохожие с удивлением оборачивались на эту нарядную свадебную компанию с рюкзаками.

После традиционной торжественной церемонии в ЗАГСе они отправились за город на природу, где расставили палатки на берегу озера и стали отмечать праздник. А самая лучшая палатка для Ульяны и Вадима была украшена воздушными шарами и поставлена на соседней поляне среди цветов. И целую неделю они с друзьями отрывались в благословенном уголке земли.

Их родители хоть и не присутствовали на свадьбе, но были очень рады за детей и подарили им квартиру в качестве свадебного подарка. И это было год назад. Почти вечность между тем и этим летом.

Осенью после медового месяца, который затянулся на все лето, они стали работать. Из них сложился независимый тандем, журналистка и оператор. За полгода они стали известной творческой парой, снимающей острые репортажи для разных программ. Про них острили: «Громы со своими репортажами, как гром среди ясного неба». И вот им предложили эту злосчастную командировку. Снять цикл репортажей о Чеченской войне. Вадик загорелся этой идеей, а Уля отнеслась к ней осторожнее, но за Вадиком готова была идти на край света. Но она оказалась права. Таких ужасов и такого горя они себе не могли даже представить. Их глаза навсегда поменяли свое беззаботное выражение. Они скитались по Чечне вместе с отрядом федеральных войск, оправляя в Москву жуткие и правдивые репортажи.

В тот мартовский день, настоящий, солнечный, весенний день, ничего не предполагалось. По данным разведки боевики отошли в горы, и федеральный лагерь занимался своими бытовыми проблемами. Уля стирала свои вещи, а Вадик недалеко разбирал камеру: последнее время она что-то начала барахлить.

Вдруг одновременно с разных сторон начался шквальный огонь, и все дальнейшее для Ульяны происходило, как в замедленной съемке. Она видела, как, согнувшись, падали солдаты, перерезанные автоматной очередью пополам, как взлетела на воздух от взрыва их палатка. Кто-то подхватил ее и стал оттаскивать в сторону, она лишь заметила, что это свой, в зеленой защитной форме, и не стала сопротивляться. Лишь попыталась вывернуться в ту сторону, где только что был Вадик, и увидела только камеру на земле.

Отряд с большими потерями сумел вырваться из окружения. Но часть солдат была захвачена чеченскими боевиками в плен. Вадика не было среди тех, кто смог вырваться.

Ульяну сразу отправили в Москву, как она ни сопротивлялась и ни просила остаться. Командующий войсками больше не хотел брать на себя ответственность. Начались мучительные дни ожидания. Она смотрела все новости, по всем каналам, постоянно навевалась в Центральный штаб, но не было никаких вестей от Вадика.

В мае федеральные войска начали массированную зачистку в горах. И в лагере, брошенном боевиками, отошедшими выше, в горные ущелья, были обнаружены тела наспех расстрелянных пленных. Всех опознали, несмотря на то, что они были исхудавшие и заросшие. Среди них был Вадик...

Мама пичкала Ульяну успокоительными с момента получения этого известия до того, как цинковый гроб с телом был вместе с другими сгружен с военного самолета. Поэтому похороны проходили для нее, как во сне, пока комья земли не стали гулко стучать по крышке. Ульяна не смогла бросить ни горстки в могилу, она не могла, не хотела закапывать Вадика – мужчину своей мечты. Его теперь не было. Только эти фотоальбомы, и табличка «Громов Вадим» и даты. Две даты.

После похорон она не знала, как жить дальше. Работа ее больше не занимала, а больше у нее ничего в жизни не было, и она брела по раскаленному июньскому городу в полной прострации. Пытаясь хоть как-то снова себя найти. Найти без него.

На глаза попался рекламный щит, приглашающий старшеклассников и всех остальных учиться в высшем учебном заведении. Она стала читать внимательнее. Некоторые специальности были очень интересными. Ульяна стояла перед зданием известного института. «Да, абитура - это то, что мне сейчас нужно», - подумала она, вспомнив свое веселое поступление на журналистику.

Связи отца помогли не только подать документы на второе высшее, но и получить комнату в общежитии на время поступления, несмотря на московскую прописку.

Собрав лучшие вещи, она перебралась в общагу. Здание было старинным, сталинской постройки, с высокими потолками и узкими высокими окнами. Солнце просвечивало через желтые выцветшие занавески в ее новое жилище, где Ульяна развешивала вещи в покосившемся, но крепком и массивном шкафу. Наведя порядок, она отправилась знакомиться с соседями. В основном все были школьники, приехавшие покорять столицу. Но благодаря своей природной общительности, она быстро заполучила приглашение на намечавшуюся в этот день вечеринку.

Народу собралось много. Все много пили, курили прямо в комнате и веселились, вырвавшись из под родительской опеки. Ульяна водрузила на стол пару бутылок горячительного, вокруг раздались одобрительные возгласы. «От нашего стола - вашему столу», - сказала она, выбрала себе место и огляделась. Среди тех, с кем она уже познакомилась днем, были и новые лица. В том числе и крепкий коренастый блондин того же скандинавского типа, что был Вадик. Только глаза у него были какие-то слегка глупые и доверчивые. «Прямо как у молодого бычка», - подумала про себя Уля и улыбнулась первый раз за долгое время. Бычок решил, что она улыбается непосредственно ему, и улыбнулся в ответ.

Похудевшая и осунувшаяся, Ульяна выглядела моложе своих лет, поэтому было практически незаметно, что она старше всех в этой компании. Ее возраст выдавал только взгляд, который хранил очень взрослую грусть.

Вечеринка быстро набирала обороты, и, пытаясь забыться, быстро «набиралась» и Ульяна. Начались танцы, и она обнаружила себя в крепких объятьях Бычка. Они болтали о чем-то несерьезном, и от этого, а, может, от количества выпитого, душевная боль стала отступать или просто задвигаться вглубь души. Цель была достигнута.

Наутро Уля, естественно, проснулась с головной болью. Но, кроме того, она обнаружила рядом Бычка. С трудом она вспомнила, что его зовут Петя, и ей стало стыдно. Немного. Сначала. А потом он тоже проснулся, и она вспомнила, почему он тут оказался. Просто он потрясающе целовался во время танца, и она не смогла устоять. Несмотря на то, что ей было все же очень совестно за свое поведение и за то, что она предала Вадика, она разрешила ему остаться и приготовить завтрак. Петя оказался неплохим кулинаром и собеседником, и головная, а с ней немного и душевная боль стала снова отступать после вкусного завтрака.

Вечером веселье продолжилось, все уже изрядно подвыпили, когда кто-то притащил «план». Несмотря на свой большой жиз-

ненный опыт, Ульяна никогда не пробовала травку. Но решив отрываться по полной программе, она все-таки приступила к процедуре курения вместе со всеми. Она не раз видела, как это делали солдаты на войне, и стала тщательно повторять все их действия, поэтому никому не показалась новичком. Но когда наступило всеобщее веселье, ей не было весело. Потом опять начались танцы, и она тут же оказалась в объятьях Бычка-Пети. Он стал нашептывать ей на ухо, что еще никогда не встречал такой классной девчонки, и что, если они не будут вместе, ему будет очень плохо. «Ну, не хуже, чем мне», - подумала про себя Ульяна, но все-таки через некоторое время удалилась с ним в свою комнату. На этот раз она все осознавала, но, уставшая от боли и горя, она в порыве нежности, вдруг нахлынувшей к этому юнцу с телячьими глазами, отдавала себя ему без остатка. Потом они просто лежали рядом, и она начала ему рассказывать про то, как в любовных романах, которые она обычно читала в дороге, описываются любовные сцены. Его это очень рассмешило, и, приводя новые и новые перлы, такие, как «флейта любви» или «бутон страсти», она начала сама смеяться все больше и больше. Кончилось все тем, что они так расхохотались, что чуть не упали с узкой общежитской койки. «Да, - сквозь истерический смех выдавила из себя Уля, - кажется, «план» подействовал». После этого они скинули пружинные матрасы на пол с кровати и снова стали страстно любить друг друга.

Ночью Ульяне опять снились кошмары. Она бежала вслед за Вадиком и плакала, но он все удалялся и удалялся, а ее ноги были тяжелыми, и нельзя было его догнать. Но вдруг кто-то стал ее успокаивать, гладить по голове и шептать нежные слова. Она проснулась и поняла, что это Петя, разбуженный ее плачем, успокаивает и прижимает ее к себе. Она поуютней устроилась в его объятьях, а он, чуть помолчав, спросил: «Эта твоя грусть в глазах и эти кошмары, отчего это?». Вначале она не хотела отвечать, но потом сказала: «У меня было все: любовь и счастье, но я побывала ТАМ – на войне, и у меня ничего не осталось». Петя молча крепче прижал ее к себе.

Дни абитуры летели незаметно, но несмотря на то, что Ульяна заняла себя развлечениями и Бычком, она умудрялась ходить и сдавать экзамены и воздействовать на Петю, чтобы тот не ленился и занимался делом. Для Ульяны все кончилось благополучно, она обнаружилась в списке поступивших. Видимо, сказалось умение сдавать экзамены в любых условиях, отработанное за время предыдущей учебы. Но для нее это поступление было не таким важным, как для Пети, а вот он умудрился не поступить.

Он сдал три первых предмета блестяще, но на последней математике все быстро решил, и стал помогать окружающим, и пошел отвечать в числе последних. Но к этому времени все возможные пятерки уже кончились, ведь на последнем экзамене их количество

жестко регламентировано. Поэтому, несмотря на блестящий ответ, Петю начали заваливать каверзными вопросами. Он все равно правильно отвечал. Тогда его попросили нарисовать на доске круг и касательную прямую, придрались, что прямая не очень точно совпадает с окружностью, и поставили «тройку». С этой оценкой он уже не проходил по конкурсу. Он крепился и старался не показывать Ульяне, как его это расстроило, потому что было очень важно. Но она и сама понимала все и поддерживала его, как могла.

Закончилось веселье абитуры, и Петя вернулся в свой подмосковный город. Устроился на работу и стал по выходным приезжать к Уле. А она, в свою очередь, начала ходить на лекции в новый институт, но ее почему-то невыносимо мучило от всех технических дисциплин, и через пару недель она поняла, что дело совсем не в этом. Она купила в аптеке тест, и он оказался положительным. Решив ничего не думать раньше времени, она тут же отправилась к врачу, который подтвердил ее опасения. Она была беременна.

Ульяна не знала, как реагировать, все было так неожиданно. «Хотя, почему неожиданно, - думала она, - ведь я перестала принимать таблетки с того времени, как вернулась ОТТУДА. И этого следовало ожидать». Она не знала, как поступить. Ведь она поняла, что хочет этого ребенка, даже если он окажется не нужен Пете. Потому что этот ребенок нужен ей. А с другой стороны, она вспомнила тот образ жизни, который она вела во время поступления. Ведь можно ожидать, что ребенок будет не очень здоровым, если она его вообще выносит.

Реакция Пети на это известие показалась ей непонятной. Он и смутился, и обрадовался, но толком ничего не смог сказать, кроме того, что просил ничего не решать без него.

После этого он неожиданно пропал, а она поняла, что даже толком не знает, где он живет, домашнего телефона у него не было, а мобильный телефон выдавал только фразу: «Абонент временно заблокирован». И Ульяна решила, что он испугался и соскочил. Ей снова стало очень грустно, и она решила посоветоваться с мамой. А мама просто заплакала от радости и сказала ей, чтобы она нечего не придумывала, и что они с папой ее поддержат. А она, когда захочет, снова выйдет на работу после того, как ребенок подрастет.

Начались тяжелые месяцы беременности. Несмотря на плохое самочувствие, Ульяна очень тщательно готовилась стать матерью. Она ходила на курсы для молодых матерей, вязала и шила все для будущего малыша. Ведь она его уже очень любила. Единственное, что ее немного огорчало, - что это не ребенок Вадика. Но в большей степени потому, что Петя просто пропал.

Мальчик родился здоровым и крепким. Когда после родов, которые, как ей казалось, никогда не кончатся, его положили Ульяне на живот, она прижала его к себе и тихо заплакала от счастья.

Заботы о малыше стали постепенно отодвигать на второй план пережитое ею горе и разочарование. Малыш, которого она назвала Вадиком, рос, с каждым днем делая свою маму все счастливее и счастливее. Его первые улыбки, первые «агу» и неумелые попытки двигаться, а потом ползать и ходить заставляли Ульяну замирать от счастья. И она снова и снова прижимала его к себе, нашептывая ему самые нежные слова. А он в ответ тянул к ней ручки и смотрел такими же преданными телячьими глазами, как когда-то смотрел Петя.

Маленькому Вадику было уже больше года, когда раздался неожиданный звонок в дверь. «Кто бы это мог быть?» - подумала Ульяна и отправилась открывать. Она распахнула дверь и узнала Бычка-Петю, возмужавшего, но с другими, совершенно взрослыми глазами.

- Ты меня прости, - начал быстро говорить он, чтобы она не успела закрыть дверь, - я не сбежал от тебя и от той проблемы. Просто меня забрали в армию, и я даже не смог тебе тогда дозвониться, а твоего адреса я даже толком не знал, чтобы написать. Но я был ТАМ. Я очень много видел, и я снова вернулся к тебе, - тут он увидел топавшего из комнаты малыша, улыбнулся со слезами на глазах, и добавил, - я вернулся к ВАМ.

А Ульяна отступила вглубь коридора, пропуская его войти.

Олег РОЧЕВ

НЕЗАБУДКИ

(рассказ)

Мы с женой поссорились. Повод был пустяшный – четыре рубля. С копейками. Но повоевали мы на все 4 тысячи. Обычно мирные люди мы большую часть нашей совместной жизни проводим в любви и согласии, но время от времени срываемся. Обиднее всего, что не от ненависти, а просто остановиться не можем. Характеры у обоих деспотично-категоричные и нам иногда до глупости важнее оказаться правыми сейчас, чем переждать приступ раздражения и просто уступить друг другу или хотя бы пожалеть.

Буднее утро разгоняло людей по работам, дачам и прочим нуждам и дела ему не было до нашей ссоры. Побежала и моя на службу с остатками психа, а я остался допсиховывать один.

За окном, после короткого теплого дождика, веселой лопотнёй листвы тополя аккомпанировали разнообразным пернатым, в форточку бодро залетал влажный ветер и всё в природе так по-детски радо-

валось, что я решил, – да пропади оно всё. В конце концов с сегодняшнего дня я в отпуске, дети малые не ревут, а друг от друга можно и отдохнуть.

Пол дня ушло на сборы, покупки, 5 секунд на записку: «Меня не ищи!», 5 минут на ходьбу до остановки.

Автобус резво нёс меня вдоль весёлых пейзажей, из динамиков бездарные «суперзвёзды» вопили свои бездарные «суперхиты», в окна врывался ласковый ветерок, но на душе было серенько.

Долго ли, коротко – дорога закончилась. Икарус, выдохнув пассажиров и, заглушив урчащий дизель, устоял мне в спину своей вечно бодрой, бело-зелёной мордой.

Восьмикилометровый путь по бору и немного по болотцу под непрерывными атаками комарья и оводов немного взбудрили, а когда я вышел к своему месту на Вычегде, сбросил тяжёлый рюкзак и сполоснулся, да хлебнул из родничка – вовсе стало спокойно, как будто в старый дом вернулся.

Забросил донки, стал обустривать стойбище. Хотя почему стойбище? Обычно я тут сижу или лежу. Лучше лежище – в этом есть что-то более оседлое, обжитое.

Этой весной половодье поработало на славу и мне удалось без труда собрать материалы, соорудить навес. Накрыл его плёнкой, построил стол из чьей-то калитки и лавочку из хорошей, струганной доски, запалил костёр и поставил на него чайник с родниковой водой. Всё это время разная мелочь бойко теребила колокольчики на моих донках. На уху наловилось быстро и я свернул донки до вечера. Пока закипал чайник сходил, набрал немного веточек черной смородины – надоели уже чай и кофе.

Лесная смородина – блаженство, умиротворяет, отгоняет суетливость.

Поблаженствовал. Пошел чистить рыбку. Моя жена терпеть не может запахов свежей речной рыбы и дыма костра, а по-моему это чудесные ароматы. Хотя если размять в руках веточку пихты или черной смородины, или весной забрести в заросли черемухи, или разрубить сосновое корневище – м-м-м... нет этому альтернатив в городской жизни!

Незаметно солнышко подкралось к кромке леса за речкой. Верхушки ёлок и сосен вспыхнули рыжим пламенем, как бы салютуя этим маленьким чудом уходящему светилу. Скоро закат. Мелочь угмонится и можно будет снова забросить донки.

Как-то незаметно, пока обустривался, да пил чай с сухарями, поток мыслей стал спокойней, чище и ленивей. Как же мы, вечноделовые, да озабоченные не умеем просто разговаривать, просто любоваться закатом или встречать рассвет, даже просто гулять – ведь это сближает лучше всего. Нам всё надо с пользой. Если на улицу – так на

работу или в магазин, на дачу, в лучшем случае с собакой на веревке пробежаться, опять же с заскоком в магазин. Дома – вконец одуревший телевизор выплёвывает потоки наглой, рекламы или примитивные сериалы с бесконечными сопливыми сценами, или триллеры с разделкой людских тел на фрагменты, вопли и грохот, или не менее громкие катастрофы и сочные скандалы в новостях. Ведь смотрим. И ещё как смотрим, за уши не оттянешь! А выключить всё, просто взглянуть друг другу в глаза, без лишних слов, без перемалывания бесконечных сплетен и «возмутительных» выходов знакомых и незнакомых – где там! Отвыкли мы от этого. Когда живёшь рядом долго-долго и знаешь ближнего до видения насквозь, когда привыкаешь до уровня мебельности, то глаза в глаза или душа в душу – уже не получается, зато претензий всегда полный короб.

Солнце, между тем, жалеюще-ласково коснулось моего лица последним лучиком и закатилось. Пока, солнышко!

Тихо. Благодать. Потрескивание костра и комариный зуд не в счёт – это лишь подчеркивает тишину.

Посвежело. Подвинулся ближе к костру, накинул куртку. Пора забросить донки. Неохота. По такой погоде соли, не соли – стухнет рыба. Разве что повялить. Жена вяленую любит. Ладно, уговорила, вредина. Посидеть не даст. Да и то сказать – может что солидное попадёт, кровь адреналинчиком поразбавит. Грешным делом мне нравится пить чай на рыбалке, когда руки после вываживания чего-то стоящего ходуном ходят.

Где-то далеко басом аукнул тепловоз, эхо неуверенно и смущённо буркнуло в ответ и рассыпалось. По реке круги – рыбка гуляет. Кое-где покачиваются листья на прибрежных кустах. Летняя ночь наполнена множеством лёгких звуков, я это знаю, но почти их не слышу. Глухота, или скорее оглушённость, вечное стремление куда-то бежать, успевать, проходят на 2-3 сутки, тогда и начинается настоящий отдых.

Молюсь про себя Николаю Угоднику – пошли рыбки на мои донки, душеньку издерганную потешить, да нервишки помассировать. Тишина. Ну и ладно, лучше почищу пару картошек, да уху сварганю. Поставил котелок на огонь, бросил картошку и соль. Колокольчик на крайней донке сдавленно брякнул и вместе с прутом окунулся в воду. Мать честная! Не успев ничего сообразить допрыгиваю до снасти и подсекаю. Ого! Да я такого монстра и не выведу без божьей помощи! Господи, подсоби! Крокодил что ли позарился на моих выползков? Ох ты, ёклмн, да не дёргай ты так, руки мне леской порежешь. Если она конечно выдержит. Хорошо хоть не поленился, да насадил подсак на длинную, сухую, берёзину. Дотянуться бы до неё только. А, я к ней и подведу сейчас. Тише, тише ты, конь не объезженный! Так, ползи сюда, на подсак, оп-па, есть! Да что же ты делаешь? Я же потом донку из

сачка не выпутаю! Ладно, иди на берег. Ах! Палочку-убивалочку забыл приготовить. Ещё покойный дедушка учил – рыбу сразу убивай, в сачке, чтоб не мучилась и не деревенела потом. А этого лещину хорошей дубиной долбануть надо. Вот этот дрючок подойдёт. Накося! Готов. Ох, и здоров же! И как это я тебя вытащил? Слава тебе, Господи и батюшка Николай – самому бы мне не справиться. Какой красавец! Бронзовый, а плавники-то оранжевинкой наливаются. Знатная зверушка! Сейчас бы тебя жёнушке, да на сковородку. Тьфу ты, опять она. Я от кого удрал сюда? И здесь достанет ведь.

Ну ты и сопливый же! Всего меня уделал. Первым делом надо сполоснуться, да и чайку хлебнуть – самое время. Распутая да заброшу потом.

Нет. Сполоснуть руки, да освободить подсачек – мало ли, кому ещё приспичит. Ага, вовремя! Да тише вы, не все сразу, по очереди.

Фу-у, кажется прошла стая. Ну и ну, час за пять минут проскочил. Хорошо хоть уху снял, а то бы и котелок сгорел. Остыла совсем. Сейчас подогрею, да поем малость, в брюхе уже урчит. Донки пока выну, – гуляй рыбка, я отдыхать приехал, не на промысел.

Однако и вкус у меня притупился, не чувствую всего аромата ухи. Ладно, отмякну.

Хлеба взял, а он по такой теплыни у меня к полудню закиснет, дай-ка поджарю на костре, давно такой вкуснятины не едал, куда там чипсам против хлеба, жареного с дымком на прутике! Вкуснотища! А всё же кофейку в кружку бросить придётся – спать охота, да не время, днём вздремну. И кофе-то удивительно ароматный и вкусный на родниковой воде! Хорошо здесь... Жаль, что трапеза там, в городе больше стала похожа на заправку машины – загрузил в себя что сумел раздобыть, да поскакал дальше. Прямо хоть домой не возвращайся!

А вдруг жена что-то вкусненькое готовит, пока меня нет? Например котлетки с чесночком или курочку в банке. Тьфу-ты опять она! Господи, за что ты меня наказал такой вредной липучей?

А может не наказал, а просто пару подобрал, а?

Так, приехали. Я же собирался отдохнуть. Не столько физически, сколько душевно, мыслями. Всё. Забыл. Я – Робинзон. Цивилизации просто нет. Поблизости, по крайней мере. И Пятниц мне не надо.

А здорово посвежело. Вон река парит. Скоро рассвет, самое холодное время суток. Вот и ночка наша северная, июньская – не успел ухи похлебать, да чайку попить, а уже утро. Пора снова донки бросить, сейчас рыбка обратно с кормёжки покатится.

За утренним клёвом, завтраком и прочей суетой время бежало быстро. Рыбке вколол рассол – гораздо лучше, чем просто квасить, среднюю развесил вялить, мелкую отложил на уху, а крупную ещё солью пересыпал, в пакет с осокой, и в песок.

Надо бы сходить бор проведать, развеяться.

Здравствуй, бор! До чего же хорошо здесь, когда нет грибов и грибников! Мох лежит ещё не истоптанный, не содранный варварами ради боровичков-малышей с ноготок. После радужного дождика он мягкий, упругий, чуть поскрипывающий, живой. Шагать по нему легко, стремительно. Сосны здесь невысокие, раскидистые, основательные, стоят редко. Здесь всегда гуляет ветерок – а где же ему ещё гулять-то, вон какой простор. Душа радуется. Ну разве можно такую красоту обижать? Нельзя конечно, но красоты мы часто не замечаем, когда идём за грибами, да ещё грибников вокруг хватает, а ноги несут, а глаза лихорадочно рыщут, как голодные волки – успеть бы заметить раньше других бурую шляпку. Ну вот, опять сбился на осуждение. Совсем мозги клинит.

А, кстати, вот и бурые шляпки. Маслята кажись. Точно. Первые. Целый выводок. Ну-ка, ну-ка, покажитесь. Ты смотри – чистые, видно утрешние. И пакетик найдется, – полезайте, славная грибовница выйдет! Ну спасибо бор, ну порадовал! Вот бы каждой семье по такому бору – и все были бы довольны. А может просто нас слишком много?

Ладно, проехали. Надо зайти на заливной луг, да щавелька пощипать – компотик из него не хуже яблочного, по вкусу почти не отличить, да и свежачка пожевать полезно.

Наверно, если знать травы, то можно было бы жить здесь всё лето, только запастись солью, да спичками, да сухарями. Вернулся бы в конце сентября окрепший, обветренный, похудевший и молчаливый. Наверно, многие мечтают отдохнуть от города далеко и долго, но как выпутаться из всех долгов, что жизнь на нас вешает?

О, ты смотри, какая симпатичная компания незабудок. Домой бы их, да завянут по дороге, помнутся. Пусть лучше стоят, синеглазки. Вот приеду домой – расскажу. Захочет – сама пусть едет, всё равно всю эту красоту с собой не утащишь. Для меня лично букет полевых цветов дома – это символ, ключ к тому миру, откуда их взяли. Но если там никогда не был, то к чему ключ? Это уже что-то другое, знак внимания например, или затравка – мол, а там, а там, такой красоты видимо-невидимо, да ещё запах, особенно когда шиповник цветёт! Может клюнет, да выберется со мной сюда? Ага, а тут на неё зубастые комары, да клыкастые оводы, да круглые сутки – тогда она меня самого сожрёт.

Хотя кто его знает, ведь на даче тоже комары, а тут есть шанс, что, приобщившись к этому, моему, миру она что-то поймёт и не будет больше спрашивать зачем, мол, прёшься в такую даль, когда рядом дача, на ней ведь тоже свежий воздух. А я на речке почти не сплю. Приезжаю домой выжатый, но умиротворённый безлюдным местом. Вдали от людей так хорошо думается, никто не мешает, своё мнение не навязывает. Свои мысли, свои выводы. И уж конечно все-

гда можно одержать верх в споре и сказать своё последнее слово – веское и мудрое, на которое ни у кого не найдётся достойного ответа.

Чаще всего хочется побыть одному когда достанут. Окончательно. Конечно, по нынешней жизни все мы достатые, но иногда никаких сил не хватает. Нет, я далеко не ангел – характер не медовый, но мне хоть есть куда убежать, развеяться и подумать, успокоиться. Ну-ка, погоди-ка. Что-то такое в голове вертится. Интересно, выходит мы задумываемся, а значит взрослеем, когда нам плохо, в обидах? А вот и строчка родилась. Нет – две: где-то за обидой притаилась мудрость. Хорошо. Пусть побродит по извилинам, может, Бог даст, стих получится.

Где-то за обидой
Притаилась мудрость...

Я тихонько выйду
На тропинку в утро,
Побегу на речку
По колена в росах –
Может там отвечу
На твои вопросы,
Пусть меня, жалея,
Приласкают струи,
Припаду к воде я
Долгим поцелуем,
У сосны медвяной
Выпрошу живицы –
Ароматом пряным
Вдоволь насладиться.
Успокойся память,
Умудри рассудок,
Подари поляна
Горстку незабудок,
С кружевной росой
Принесу любимой...

Мы ещё с тобою
Оба так ранимы.

Эх, сейчас бы вот здесь, во всей этой красоте, у костра прочитать бы ей это!

Ладно, всему своё время.

А может она там бегают, ищет меня по моргам, да больницам? Не должна бы, не совсем же она дура, чтобы всяким глупостям верить. Да, дела...

Простые заботы, сон урывками, закаты и рассветы легко цеплялись друг за друга и, казавшиеся долгими, дни летели быстро – уже четвертый к вечеру пошёл, хотя солнце ещё высоко, а шесть уже есть. А может... нет, не успею, ещё собираться, а до автобуса всего два часа и восемь километров.

А, может, успею? Покидаю здесь всё, кроме рыбы, да побегу, а? Тем более, что я никогда дольше трёх дней на рыбалку не ездил.

Всё, поспекал. Снасти, остатки припасов, рыбацкую одежду – в плёнку, вон под корнями половодье целую нору вымыло, да не одну, суну куда-нибудь, да прикрою. Напоследок перекрещу, Николая Угодника попрошу постеречь, да в путь.

Так, держать темп, но не бежать – задохнусь. Незабудки у обочины. Сорву сколько-то, авось доведу. Болотце, бор, теперь уже близко – поле перейти, а там и остановка. По времени успеваю, с запасом, можно и дух перевести немного. Вот и автобус стоит. До него ещё метров двести и десять минут до отхода. Сегодня Лиаз. Ну, что есть. А что это у него движок работает? Неужели... Поехал? Поехал! Эй, подожди полминутки, ты же видишь, я бегу с рюкзаком, стой!

Уехал. Видел ведь, видел, не мог не видеть – метров сорок оставалось. Ну ведь.....! да и сам я хорош – самонадеянный болван, нет чтобы помолиться перед дорожкой.

Что теперь? Обратно? Да неохота, завёлся уже, да и не умею возвращаться. И из кед песочек не очень тщательно вытряхнул, подошвы печёт. Ладно, пойду потихоньку, авось кто-то да подвезёт. До дома ещё километров полста, не все же... Так, песок вытряхнул, можно идти. Засеку время.

За час семь километров. Неплохо. Надо передохнуть, ступни жжёт, носки сниму, так лучше будет. Что это у меня рюкзак-то сырой? Ай-ай-ай, пакет прохудился, рассол со свежей рыбки вытек. А я думаю – что это так рыбой несёт? Ну вот, теперь и не возьмёт наверно никто. Ладно, может дойду.

Бензовоз, газон. Подвезёшь? Недалеко едешь? Ну хоть сколько-то.

Пять километров проехал. И на том спасибо. Заодно и отдохнул. Двину дальше. Попробую держать прежний темп – семь километров в час.

Вот и мост через Вычегду. Через час полночь. Будка на переезде. Мужичок дал попить водички. Спасибо тебе добрый человек. До дома ещё тридцать пять километров. Выдержу? Посмотрим. Ещё час – снова семь километров. Хорошо, но подошвы уже огнём горят. Как по углям босиком иду. Ещё час – уже шесть. Ладно, и то хорошо.

Идёт трейлер. Пытаюсь остановить, но безуспешно.

Остальной путь потом вспоминался как ночной кошмар – иду, а ног не чувствую, вместо них – сплошная боль, голова плывёт, а в голове одна мысль – надо дойти.

Когда поскрёбся в дверь в полседьмого – жена отворила и чуть в обморок не упала. Я с трудом вковылял домой на трясущихся, негнущихся, и в то же время подгибающихся ногах, черный от усталости, на цыпочках – на подошвы наступать уже не мог, весь провонявшийся рыбой, но дошёл сам! Но принёс рыбу, не бросил!

А жена, как я и рассчитывал, особо не беспокоилась и записку всерьёз не приняла – рыбацкого нет, значит на речке. Успокоится, есть захочет – придёт. Хотя эту ночь она всё же не спала – видать здорово мы нужны друг другу, если и на расстоянии чувствуем не свои беды.

Рыбка пошла на ура, стих с успехом заменил залитые рассолом незабудки, а в доме надолго воцарились мир и согласие.

Через неделю у меня слезла шкура на подошвах, а на рыбалку мы теперь иногда ездим вместе. Скажу по секрету: главное для рыбака – не ошибиться в наживке!

Митрофан КУРОЧКИН

ДОРОГИ ДАРЬИ ДЕРГАЧЕВОЙ

(повесть)

Дергачевы давно добились достатка: дивный дом, двухэтажная дача, диковинный драндулет, деньги (дублоны, дукаты, доллары, депозиты), детективы, древний декоративный диван, дубленки, доха, другое добро (дубовые двери, дружок-доберман, дорогой домофон).

Дантист Дмитрий Давидович – добрейшая душа, домочадцы: Диана Дмитриевна – дезинфектор, дочь Дарья – делопроизводитель.

Дергачевы – добровольцы: Дивногорск держит два десятилетия. Дивногорцы дразнили Дергачевых «Долгорукими». «Дикари! – долго дулась доверчивая девочка Даша. – «Демонизируют» дразнилкины Дергачевых. Деспоты...»

Достоверно: Давид Дмитриевич (Дарьин дедушка) – дворянин. Дедушкин Департамент державного довольствия дела делал! Допотенная домохозяйка Дарья Дариевна домовничала.

...Донецк, Дерибасовская, два/дробь девять... Дедушкин дворец достался донецкой детворе. Давид Дмитриевич долго добивался денационализации дома: документы добыл, деньги давал, дарил даже драгоценности... Добился дурдома (Донецк держал добычу – достояние!).

Дополнение: двадцать девятого декабря дебильный дворник Дымов дубасил дрыном длинношерстную дворняжку: добрая дворняжка дрожала... «Дуралей дядя!» – дразнили двое дошколят дворника, досаждая Дымову.

Десятилетняя Даша Дергачева, добравшись до дому, донесла доложила Дмитрию Давидовичу:

- Дворник - дрянной дядька! – Добавила. – Двуличный... Дворняжку дубасил!..

Д.Д. Дергачев дотронулся дланью до девочки:

- Добрая душа дарована дочурке Даше... Добрая...

"Достану дробовик – дам дрянному дворнику дробью", - думала Дашутка.

Дивногоскую десятилетку Даша "добила"!.. Директор Дарий Долгопятов доволен донельзя.

2.

...Дарья – девушка длинная (дылда), двужильная, добытчица-дьяволица... Дело доводила!

-Думайте, девчата, думайте,- долдонила Дергачева. – Делопроизводство – дело дорогостоящее. Денег дают достаточно да деканы добавляют.

«Душит «Дракула», - доносили друзья Дергачевой. – «Долгорукая» дотянется до «дондышка» (донышка). Дарья – динамит. Двухокись». Девушки догадывались: «Дергачева дуется».

- Доклад долго держите, Дарья Дмитриевна, - досадовал декан Д.Д.Дунькин («Дуня»). – Дорабатывайте! Даю два дня.

Дергачев «давила» девушек-делопроизводителей. Доставалось Диане Дерibasовой – «Дюймовочке».

- Долгота дня?

- Девять девятнадцать.

- Доработаем документ?

- Доработаем...

Деловые диалоги Дергачевой–Дерibasовой, других делопроизводителей двигали дело.

Доклад Дергачева «добила» (поработали девушки!), дыроколом «долбанула» дырки, доложила добряку-декану...

- Добротный доклад! – Денис Денисович довольно добавил. – Добре! Думаешь доучиваться? Думай! – дипломатично допытывался дотошный диоптрик.

Дарья доучивалась: дочитала Достоевского, Дюма, Диккенса, Драйзера, достала Джугашвили, добралась до Дудинцева, дореволюционных дистихов... Диплома добивалась делопроизводитель Дергачева!

Драма декабристов донимала Дашу довольно долго – десятилетие! «Декабристы – добрые дядьки, добивавшиеся добра для других. Джентельмены! Державные деятели! Декабристки достойны декабристов!» – думала девчушка.

День-деньской Дергачева «двигала» делопроизводство, добилась для девчат достойного денежного довольствия, для дочурки «Дюймовочки» Дины – добротной диагностики. Даром! (Дополнительные дензнаки доставались Диане дорого...). Довеском – дротаверин, диакарб, допегит: доктора доставали, давали!

Делопроизводители друг другу доверяли...

Добропорядочная Даша довольствовалась «деликатесами» (духмяные дыни, «Данон», драники...). Добавим дикоросы, добытые друзьями...

- Дарья, дегустировала деликатесы? – дознавались друзья. – Дегустируй дозированно: долями!

Довольная Дергачева доходчиво:

- Дегустировала! Доем... Довольны, дятлы-долгоносики? Добывайте другие деликатесы...

...Дело двигалось: Дергачева доучилась досрочно.

- Держи долгожданный диплом, Дарья Дмитриевна. – Довольный декан Д.Д.Дунькин деликатно добавил. – Документ дорогу даст...(Диплом – должностные двери – достаток!).

Да, Дарья Дергачева достигла диплома дурачась.

Деканат другим – дело дрянное, другим двуединое: доверие, доброжелательность, дополнительные деньги, дружба декановых друзей... Девушка давно догадалась: демонстрация деловитости, доброжелательности, «дозвольте!?» – довольно долгоиграющий двигатель. Дивидентный!

- Да, дипломатические действия давали Даше дивиденды.

Друзья Д.Д.Дергачевой дивились: дает дрозда Дарья. Добавляли: «Долгорукая» добредет до державного (достойного!) довольствия».

...Демократка Дарья Дмитриевна добрела... до Думы. Дивный дом, достойное денежное довольствие, доплаты, дорогуший джип, дегустации, доха, две дубленки, домашний доктор, досуг, «дипломатические» досмотры, двое джинсов, диссертация, дары дарителей – драгоценности...

Доклады Дергачевой дорабатывали другие. Дарья Дмитриевна демонстрировала Думе документы, делала дельные (детальные!) дополнения... Дивились друзья-депутаты!

...Дергачева добиралась домой. Досрочно. Древней (дряхлой) дебаркадер дрожал: десяток-другой длинноволосой детворы дурачили (дрыгались, дергались, дразнили друг друга...), дожидаясь допотопного "дредноута". Дарья Дмитриевна, двинув дешевенький дорожник

(дермантиновый дипломат), достала дубликат договора дольщиков ДОКа, (документ действовал до двадцать девятого декабря!). Дубликат договора деревообработчики дали депутату Дергачевой для добросовестного дознавателя Дмитрия Деброва, дабы "дотошный Дима" довел дело (денежные, другие долги друг другу). Дарье Дмитриевне Дибров, дольщики доверяли.

Дуэт Диброва-Дергачевой дело "додавил": деревообработчики довольны донельзя.

Депутатский десант думцев добрался до Дагестана, Дона, Дно, Дальнегорска, Дежневска, Даниловки, Деревянки, Дзержинска, Добрянки, Дятьково... Дарья добиралась до дальних деревень, деревенок, деревушек, дарила десятку-другому денег, дородной дутовской девушке Дуняше Дробышевой досталась дубленка... Деревенские деревянные домишки, дым, духота действовали двойственно: дразнили, душили депутата Д.Д.Дергачеву. Донимали дожди...

Досужие деревенские доярки демонстрировали Дарье «дрань» (дырки достигали до двух дециметров), душераздирающе доказывали: деревню «доканали» (добили): «Дурят деревню, дурят!.. Деготь, доски для домовин, дрова, доилки, дышла, домкраты для деревни – дефицит! (Добыть, достать – дорого!). Драма...»

«Душегубство, - думала Дарья Дмитриевна. – Докатилась деревня до дореволюционного достатка (десятые доли деревенщиков добиваются достатка). Дебоширство, драки, драмы, двоеженство. Дороги-то, дороги... Деревенские «достопримечательности»...(Двадцатилетний директор ДРСУ-12 Дубов Дорофей «дезертировал». Думай, Дорожный Департамент!»).

Дергачева добилась: дебоширов Дормидонта Дуркина, Демьяна Добровольского, Давида Дятлова допрашивал дознаватель Демидов. Достанется дуралеям-дебоширам! Допридуривались!..

Добрые дела депутата дошли до домочадцев, друзей.

- Дарьюшка, даешь, - «долбали» друзья. – Дерзай! Давай двигайся дальше!

Другие добавляли: «Депутатские достижения Дергачевой – «двойное дно». Допрыгается».

«Догадались дурачки! – думала «Долгорукая». – Дьявольщина!»

Депутату Дергачевой думские дамы доставили доплатную депешу догадливых деревенских детей: «Достопочтенная Дарья Дмитриевна! Директорские договоренности –дохлое дело...».

Другие доносили:

«Досылаем дубликат договора, «додавите» Д.Д.Дубровского, доведите дело!»;

«Досель доллар дешевет, дома – дорожают. Дико! Дон, дагестанская диаспора»;

«Дормидонт Данилович (династия докеров Дорошенко) дожил до девяностолетия. Дети (Демид, Дементий) достойно двигают дело дальше. Дети детей: Даниил, Дмитрий – добросовестные докеры. Действительно, дореформенные династии - доблестное дело? Докажите дармоедам!.. Директор дока Долгопятов»;

«Дорогая Дарья Дмитриевна! Докладывает дутовская доярка Дуныша Дробышева. Дубленку донашивает дочурка... Доносит до дыр...»;

«Деревня Дубровка – дыра дырой!.. Досаждают дизентерия. Доктора давно дали деру...Дубровчане»;

«Друяну Дьяченко, достававшему «дурь» для детей (деляга деньгу делал!), дали десятку. Дела... Дознаватель Дорофеев».

Доставленные депеши дополняли досье депутата Д.Д.Дергачевой.

Дарью давила дребедень. «Доставали» докучливые дивногорцы: директора, дворники, дорожники, домовладельцы, «дебилы», духовенство, домохозяйки...

Деревообработка Дивногорска (ДОК) давно «дала дуба», денежные доходы дивногорчан – «дохлые». «Добивайся, Дарья Дмитриевна, дотаций дивногорцам, - дозвонившись, долдонили депутату директора, дорожники, домовладельцы. – Дрыгаемся-дергаемся –дохлое дело... Дорвавшись до «дури» (денатурат, дихлофос, другая дрянь), дивногорцы доходят до дебилизма... Дикость! Действуй, Дарья Дмитриевна! Дело делай! Достучись до Дерипаска. Договор – дороже денег!»

«Дерзкие дивногорцы доканают, - досадовала депутат. – Движению доноров, дилеров дать добро, - додумалась Дергачева. – Достойным донорам доплачивать. Деньжата дойдут до Дивногорска: добрая дорога доведет...»

Доброхоты доводили до депутата Думы «дивные» данные:десятки дивногорцев – двурушники... Дискредитируют давних демократов. Доколе?

Достоверно: «доблесть» долбанутых демократов «достала» дивногорцев. Доблесть дикообразов! Диспетчера «дрыхнут», допотопные драндулеты добили дрянные дороги. Дотационный ДК «Дивногорье» «догорает»: декорации – допотопные, доски – догнивают, детвору думают «дембельнуть». (Дескать, домашние дела детей дальше доучат?!)...Дирижер Дубровский «драпанул»... Дизеля доржавели – деиндустриализация!.. «Дореформировались»... Докричатся дивногорцы? Другие?

- Депутат Дергачева! Дадите достоверный диагноз деревне? – дознавались думцы. - Дотации до деревни доходят?

- Дело дрянь, - дорогие друзья! – Дрянь дело, - досадовала Дарья Дмитриевна. – Двигать деревню должны до достойного достатка. Деревенские доярки доят «доходяг» (дохлятину), дикоросы дешевы. Демпинг! Другое дело - докапиталистическая дешевизна да дармовщина! Демобилизованные, добравшись до деревень, «драпают», девчушки-доярочки - «драпают»... Дети депрессируют, дичают (добавляется «дебилов»), дровосеки дубасят друг друга... Дискомфорт... Достаточно? Дистрофиков-детей двойками душат... Доля-долюшка!

- Домыслы! Драматизируете, Дарья Дмитриевна. Дискредитируете деревню!

Депутат Дергачева дискантом:

-Драматизирую!?! Дискредитирую деревню?! Динозавры-догматики, дожидаетесь дифирамбов?.. Деревенские «добывают» доски для домовин, дрова... Дождемся демаршей-демонстраций! Додурачимся, доиграемся...

- Дотошной Дарье Дмитриевне – диадему! Драгоценную, - добавил депутат Демьян Дубовицкий. - Драгоценную диадему деловой Дергачевой! (Домогался Дарьи Дубовицкий!).

-Диво-дивное, - дивилась Д.Д.Дергачева.

...Депутаты Думы дискутировали двадцать девятого декабря. Думается, диспут-дискуссия депутатов – достойное деяние!

4.

Думцы (Доброволов, Дацуков, Добровольский, Дегтярев, Дубовик, другие) думали думу: «Досидим двести двадцать два дня?»

Досидели!..

...Досье Дарьи Дмитриевны Дергачевой дополнила доставленная доплатная депеша двенадцатилетнего дербентца Димы Двинского: «Дорогая Дарья Дмитриевна! Деньги дербентцы добывают дурными действиями: дефектные детали (дверцы, двигатели...) достают для дурней. Девчонки дядям «дают» (деньги - домой!). Двуногие дурехи... Дико! Дядя Дима двери девчоночьих домов - дегтем (дабы денег давали!). Дербентцы денатурат дуют (допинг?). «Допингом» дыхнут – душа дрогнет-дернется. Дербентцы дырявят дыни, дабы «дозревали». Дед Друян дает дербентцам дыни даром: дуркует дед! Дяди дурят Друяна... Думаю, Дарья Дмитриевна, дружба, достоинство дороже денег!.. Дима Двинский. Дербент, Декабристов, двадцать два».

«Доверительность, доброжелательность Димы – доброе дело! - думала Дергачева. Дивилась. - Дима – дитя дитем да додумался...»

...Достоверно донесение двенадцатилетнего дербентца Двинского? Думайте, друзья, добавляйте...

5.

- Дзинь-дзинь-дзинь, - «долотом» долбил дырки дождь.

- Джин-джин-джин, - дребежаще допевала Дергачева.

«Динь-динь-динь, деньжата-денежки...», – добавлял дурости динамик.

Дарью донимали десны да другое. Дерматолог, душка-Дьяков, долечил думскую диву-деву! Долечивал дома (Дубосековая, два). Долго: девять десятков дней. Дергачева дала Дьякову денег достаточно.

- Добавь долларов, Дашенька! Десятков двадцать девять...

- Дудки! Дала деньжат, душечка-Дьяков, достаточно: деревянными. Договоренность, дорогой, давно достигнута...

- Да-да, – дернулся доктор. – Добавка – дело добровольное, Дарья Дмитриевна... Добровольное... Дерматологи – дорогие доктора. Дюже дорогие... Добавь, депутат Думы!!!

Дергачева достала девяносто долларов (девять десятков), дала деньги Дьякову.

-Добро дарящему! - деловито добавил доктор. – Дерябнем, Дашенька, джину?.. Доберусь до дому, дерябну дюжину «дринков» доброго джину...

Дарья Дмитриевна дожидалась доцента Д.Д.Дунькина. Декан «добил» (доделал) докторскую диссертацию. «Денису Давидовичу дадут другую должность, - думала Дергачева. – Достоин!»

Дзинькал дождь... Дарья Дмитриевна дожидалась дивногорца Д.Д.Дунькина, дозвонившегося до депутата Думы Дергачевой... Дарье досаждали десны... Достав «Дирол», Дергачева дожидалась «Дуню» - давнишнего доброжелателя-декана... Дарьино декольте дразнило...

Любовь МАРИНИЧЕВА

Монологи взрослого человека.

ОДИНОЧЕСТВО

(рассказ)

...Где ты, мама ? Почему ты оставила меня , ушла , так и не сказав чего-то очень важного , что смогло бы уберечь меня , предотвратить сложности и неотвратимости грядущего. Как-то неожиданно ,

произошло мое взросление с твоим уходом . Жуткое сиротство – самое ужасное , безобразное проявление Одиночества . Быть может хорошо , что ушла ты в полном спокойствии за меня , свою самостоятельную маленькую дочку , не зная , что она не уверена и растеряна , что она плачет и зовет тебя по ночам , как малое дитя . Но быть может , как раз именно ты одна и знаешь теперь об этом .

Что ты- Одиночество ? Я знаю тебя. Какое великое заблуждение убежать от тебя , затерявшись в людской толпе . Убегая , постоянно наткаться на тебя в самых оживленных местах .

Я понимаю , чувствую и боюсь тебя все то время что помню себя.

Одиночество не чувство, не страх - это основа всего мироощущения и миропонимания . Рождаясь , маленький человечек уже одинок , будучи отнятым от матери.

Я вспоминаю себя впервые двухгодовалым ребенком . Маленькое , темно - синее шерстяное платьице ...Старенькая помятая фотография , сделанная на память стриженной под ежик девочке , но кто бы мог подумать- нужна ли ей такая память ?!.Чувство озноба и голода ... Я - последний ребенок в небогатой многодетной семье . Я болезненна и проблемна . Больницы , палаты. И...постоянно гнетущее , словно сосущий под ложечкой голод - чувство Одиночества . Я одна . И уже тогда приходит предвидение будущего моего ,как сон , как втайне от всех прочитанная взрослая книга .

Взрослея , я начинаю осознавать , что вместе со мной изменяется и мое Одиночество , становясь более глубже и многогранней . Что жизнь человеческая- хитросплетение видоизменяющихся Одиночеств . Жизнь –жестокая карающая сила , отнимающая самых дорогих , близких , необходимых...

Вот я ,уже взрослая влюбленная девочка . И теперь , с высоты своих небольших лет я понимаю , как одинока я в своей влюбленности . Я счастлива в своих заблуждениях . Только я вижу и могу объять всем сердцем глубну хмурого осеннего бездонного неба . Я одна слышу музыку холодного морозящего дождя . Я тороплюсь навстречу своей Любви , я бегу к новому , неизвестному огромному Счастью , но вновь натикаюсь на тебя , Одиночество. И одинока , как никогда до сего момента ... Объятия юных влюбленных , совсем еще детей, непознанность чувств – это ли не обособленность , задуманная Природой , отсечение всего лишнего , ненужного и сорного , незначительного и неважного? Из памяти стираются многие важные тогда штрихи и детали , о них недумаешь и не вспоминаешь многие годы , но когда- то эти воспоминанья огромной , как холодный , обжигающий душ обрушиваются на голову твою – и заставляют вновь пережить то волнение , полудетское , полувзрослое волнение , но теперь к нему добавляется

еще и чувство сожаления , что так стремительно и торопливо хотелось познать свое будущее ...

Вот я - молодая , страстно любящая Женщина . Весь мир отступил и затих , где-то далеко внизу . Я ЛЮБЛЮ ! Сейчас уже не думается и не хочется спешить к будущему , как в юности , сейчас хочется остановиться и зафиксировать на долго свое настоящее , этот миг счастья и наслаждения и пребывать в этом состоянии вечно . Быть может это очень хорошо и умно придумано , что люди не способны читать мысли других людей. Я ЛЮБЛЮ ! Я счастлива любить и обманываться , и сейчас для меня совершенно не важно - взаимно ли мое чувство . Однако , если вдруг в душе поселится пустота , я смогу сказать с полной уверенностью , что была я счастлива лишь тем , что Господь одарил меня такой редкой удачей - ощутить ,понять ,принять эту ошеломляющую бездну , всю прелесть и радость осознания такого чувства ,как Любовь к Мужчине . Но кто же сказал , что и это счастье - не ты , Одиночество ? Любовь ... Она испепеляет, поглощает тебя полностью, ослепляет и оглушает. Кажется, что ты не видишь и не слышишь ничего вокруг, но любишь всех и вся – потому ,что ты любишь того одного единственного , без которого жизнь кажется невозможной . Любовь , страсть – жесткое противоборство , в котором при любом исходе остается один участник - и победитель , и жертва – в одном лице – тот ,чье чувство сильнее – и в этом суть!

Что ты – Одиночество ? Почему ж так страшит встреча с тобой ? Благо ты иль наказание ? Награда или жизненный провал ? Ты зеркало , отражающее заглянувшему все его душевные изъяны – огрехи и морщины , погрешности и шероховатости . Ты начало чего-то большого .

Я благодарна Господу за ту судьбу , которую он определил для меня . В процессе жизни , теряя любимых , дорогих ,единственных – я учусь ценить каждый миг счастья , иногда перепадающего и мне . Я пью его мелкими глоточками , смакуя и радуясь. Я с благодарностью принимаю тебя , Одиночество , я понимаю и чувствую тебя . Я умею слушать и слышать твою тишину , звенящую значительно и торжественно.

ДОМ В НАСЛЕДСТВО

(рассказ)

Я – наследница. Неожиданно для себя , волею судьбы , я стала обладательницей старого заброшенного деревенского дома , небольшого надела земли и безграничных северных просторов и горизонтов . Это «богатство» досталось мне по наследству , от совершенно незнакомой дальней родственницы , и целых два года потребовалось мне ,

что бы собраться , а может быть просто захотеть ближе узнать все мне завещанное .

Нынешнее лето выдалось на редкость сухим и жарким , кроме того , свободного времени было предостаточно и я решила , хотя бы на день , с головой окунуться в новые для себя заботы , заодно и отдохнуть от рабочих проблем , вдали от шумного города .

Мне предстояло познакомиться с другой , незнакомой для городского жителя , жизнью . Сборы были непродолжительны , и вот я уже ехала по направлению к небольшой старинной деревушке , расположенной к северу от места моего постоянного проживания . Суэта столичного города с трудом отпускала меня , на пути преследуя и наступая яркими витринами , постепенно уменьшающихся в размерах , насыщенности цветов и составляющих , магазинов и рекламных щитов .

Спокойный и безветренный день дарил живительную прохладу , что в дороге было очень кстати и отчего хорошо думалось . Я мысленно рисовала себе , как я хозяйствую и хозяйничаю в своем новом старом доме . Забавно было представлять себя , беспросветную лентяйку , то согнувшись на огородных грядках , среди буйной овощной растительности , а то вдруг я видела себя в простом ситцевом платье с хворостиной в руке в сопровождении несуществующего до селе стада коров . Впрочем , все мои познания о деревне тем и ограничивались .

Автобус передвигался легко , обгоняя на пути одинокие попутные машины . В раздумьях и фантазиях время летело быстро и к полудню я доехала до нужной мне деревни .

Все постройки здесь были старыми. Добротные бревенчатые дома строились давно , знающими мастеровыми руками , в расчете на многолюдье по-деревенски многодетных семей .

Я без труда нашла свое новое пристанище .Мое , так сказать поместье, располагалось в самом центре деревни , на пригорке . Я развлекала себя тем , что придумывала себе историю прошлого этого дома , тем более , как казалось , он сам пытался мне что-то поведать.

Я видела – дом был рад мне ,устав от многодневного одиночества . Большой , он состоял из двух половин- летней и зимней , просторный и светлый - подмигивал мне немногими не заколоченными оконцами , при этом доброжелательно поскрипывая и побрякивая .Я будто видела его новым , только построенным : как мальчишка , по-юношески стесняясь своего роста и внешних данных , он сутулился и притуплял взор .Он был построен явно со знанием дела , с любовью и надеждой , что дом этот станет кровом для большой дружной семьи , что объединит он родных и любящих людей , а бог даст , так людей разных поколений - родителей , детей и внуков .

Теперь же , это был слегка сгорбленный старик , но достаточно красивый и крепкий . Толстые бревенчатые стены и балки были и сейчас добротны и основательны – дом строили на века .

Минуя разбитую калитку и с трудом открыв покосившуюся входную дверь , я вошла в просторные сени . Все здесь было устроено для удобства хозяина дома: у дальней стены стоял большой стол – верстак , в углу один на другом располагались ящики , сундуки и сундучки . На стене , у стола , по видимому должны были висеть мелкие столярные и плотницкие инструменты , которых сейчас по известным причинам не было . Я прошла в светлицу и первое , поразившее меня , было то , что за годы безлюдья в доме не было пыли , однако везде –на полу , на полках , на столах и лавках , - все поверхности были устланы ковром высушенных мошек , мух , комаров и другой насекомой живности .Складывалось впечатление , что дом не хотел мириться с отсутствием людей и показывал всем своим видом , что они дескать вышли не на долго и скоро появятся .

Я подошла к ближнему окну. Чудом уцелевшие стекла , поблескивали на солнце . Очевидно , из уважения к памяти бывших хозяев , сюда не проникали ни любопытные вездесущие местные мальчишки , ни праздная деревенская шпана. На всех стенах висело множество выцветших и пожелтевших от времени фотографий , открыток и плакатов . Посреди центральной стены , ниже большей тусклой иконы , в застекленных рамках висели два больших старых портрета молодых еще мужчины и женщины . Рассматривая фотографии я ловила себя на мысли , что лица людей- и взрослых и детей похожи между собой и очень знакомы. « Так родня же.» –подумала я.

Не откладывая , я взялась за уборку, ведь теперь , чтобы прожить здесь хотя бы день, мне нужно было вернуть дому утраченный уют . Я быстро справилась с нехитрой работой , подмела и вымыла полы , собрала чугунки и плошки .

Еще в городе собираясь , я предполагала , что здесь вряд ли есть электричество, ведь дом долгое время был нежилым , и прихваченные мной бутерброды , термос с чаем , спички и свечи , оказались очень кстати .

Затем , продолжая исследовать дом , я поднялась на чердак . Здесь, почерневшие от времени , рядом стояли берестяные теса , люлька и деревянное прядильное устройство , рядом с которым на полу валялись две тонкие , тоже деревянные , прялочки . На бревенчатой стене висела растянутая гармошка. Покопавшись в сундуке с тряпьем и хламом , на дне , в самом углу я обнаружила позеленевший от времени толстый плоский кругляш , размером в четверть моей ладони . Мне пришлось изрядно потрудиться , натирая его , чтобы сквозь плотную зелень проявилась надпись : три копейки серебром , 1844 год , с обратной стороны красовалась корона и фигурный вензель «Н1» .

«Чудеса» – подумала я . «Чудеса» – брякнула упавшая из рук монета , тяжело ударившись о деревянный пол. Подняв денежку и крепко сжав ее в руке , я спустилась в сени и вышла на крыльцо . Так в лесной охотничье сторожке оставляют запас пищи для случайного путника , и тут , но уже для меня, кто –то мне не ведомый , оставил все , что позволило бы мне не только безбедно ,но и не скучно провести время . Во всем , мною найденном , ощутила я какой –то тайный подтекст , глубинный смысл .Что-то подсказывало мне , что здесь я вовсе не случайно .

Летний вечер был светел и тих . Жаркое солнце уже давно спряталось за горизонтом , но начинающаяся пора белых северных ночей была прекрасна . Все поля , поляны и вдаль убегающая речка были укрыты толстым белым слоем густой пелены тумана . Умиротворенную вечернюю тишину лишь изредка прерывал , откуда то из далека , доносившийся лай одиноко перекликающихся собак да надсадно гудели вокруг комары и мошки .

За весь день , я только сейчас почувствовала усталость , захотелось вдруг прилечь и отдохнуть . Теперь , уставшей , мне виделся небольшой клочок земли , заросший сочными сорняками и на котором мне предстояло трудиться – огромным и непосильным .

Вернувшись в дом и напившись чая , я устроилась ко сну в дальней комнате на стареньком диванчике у большой печи , с потрескавшейся , но еще сияющей побелкой . Уютно расположившись , я закрыла глаза . Не знаю сколько я проспала , но мне показалось , будто кто то тронул меня за плечо . Я открыла глаза и оглядела комнату – никого не было , только за окном стало чуть темней и тише . Ночное беззвездное небо обещало в скорости разлить вдоль всего необъятного горизонта яркое и сочное зарево восходящего солнца .Легкий ветер освежал и успокаивал . Его тихий шелест проникал в открытые окна и мне чудилось , будто кто-то в доме тихонько стонал и жаловался , как немой надрывно мыча , пытался объяснить, что-то важное для меня .Мне было жутковато от доносящегося звука-шороха . Я лежала закрыв глаза , пытаюсь понять эти звуки . Но усталость взяла свое и я задремала . Сквозь сон , мне казалось , что тот невидимый и неведомый укачивая меня , как в детстве , тихо и монотонно напевает одному ему понятную песню и сквозь тягучую дремоту я улавливала и понимала суть и смысл этого напева .

Сон ли это был , явь ли ? Но мне казалось , что я видела , слышала , внимала ...

...Василию не спалось . Он смотрел на спящую жену и чувство жалости щемило ему сердце – намаялась она сегодня , наплакалась , натрудилась .Уже только под утро успокоилась во сне . Пусть отдохнет , не больше часа осталось до рассвета – хозяйство в деревне беспокойное , долго не напишется . Теперь на ее худенькие плечи ложилось

все – трое детей , хозяйство , старики родители . Все тяготы ей одной . Благо дети уже почти подняты- помощники выросли , господь уберезет , так минует их злое лихо . Из деревни сегодня всех мужиков забирают- останутся бабы да дети малые , старики да инвалид библиотекарь . Вот так то... Василий вздохнул. Счастливая , только-только обещающая наладиться жизнь, закончилась . Война , она не спросила – вошла во все дома. Ему хотелось думать , что это ошибка , сон , и стоит только зажмуриться или ущипнуть себя за руки - все станет по прежнему . Но ведь он не спал . Василий вновь погрузился в воспоминанья . Вся жизнь промелькнула перед его глазами .

Василий заметил свою Еленку на свадьбе младшего брата , подружкой была у невесты . Маленькая , щупленькая , заводная , как девочка подросток, тронула она сердце немногословного Василия . Была она тогда женой другого деревенского парня , уже и ребеночек был прижит . Но беда пришла в ее жизнь – только то и прожили два года , овдовела Елена . Мужа медведь на охоте задрал, знатным охотником он был , уважали его мужики .

Голодные то были времена , хлебнули они с сыном Сергеем горя . Одной бабе в деревне непросто . Но любил ее Василий , уговорил , упробил – стали они одной семьей жить . Отец тогда телку продал , чтобы дом для молодых справить , чтоб все по-людски было – любимец был Василий у отца . Вот тогда и дом этот строили . И женушка любимая не оплошала , как подарками одарила – сначала сынок родился Ванюшка – кудрявый бутуз , певун и сорванец . Затем доченька Тamarочка – утеха для стариков родителей . Поражался Василий – все к чему ни касалась Елена – все у нее ладилось и дети ухоженные и хозяйство присмотренное . А ведь и в колхозе работали. Трудно жили , маотно . Когда успевала ? Умная , задорная и по-житейски основательная , она удивляла Василия . Скупой на слова , он любил ее той восторженной , щенячьей любовью, какая бывает лишь в юности и с годами становится глубже и сильнее . Василий обнял жену . Его большие , сильные руки желали подарить ей последние , прощальные ласки , но желание не потревожить ее сон было сильнее .

Он помнил их первое лето в пору сенокоса , сколько лет прошло , а воспоминанья пьянящего витающего в воздухе дурманящего запаха , расплавленного жгучим солнцем многотравья и многоцветья , до сих пор бередили его душу . Черноглазый в отца Ванечка , как раз после лета того и появился , ладный да кудрявый .

Василий встал . Половицы тихонько скрипнули . В доме все спали . Мальчишки , маленькие мужички , Сергей и Ванюшка , спокойно посапывали на полатах под потолком . Тamarочку с вечера увели к старикам , не понимая почему плачет мать , девочка ревела без умолку .

Василий тихо вышел на крыльцо дома , сел на пороге и закурил . Сейчас этот большой , умный , поживший мужчина , не единожды в своей жизни охотника и рыбака столкнувшийся с опасностью , сейчас он был одновременно и растерян и подавлен , и переполнен чувствами любви и добра ко всему живому в этом мире .

Теперь , как никогда хотелось ему пребывать в том заслуженном , выстраданном и вымоленном счастье , но именно теперь , он должен был оторваться , встать и уйти , защитить и уберечь им , Василием построенный мир . Сейчас он должен был сделать все возможное и даже ценой собственной жизни, стать собранным и стойким , сильным и мудрым . И только теперь , сидя на пороге своего дома он понимал , как был безмерно счастлив в своей трудной, насытой жизни – и вновь пришедший рассвет был для него началом полной безвестности , а быть может вечности .

Утром , прощаясь с женой , только и смог вымолвить Василий : « Детей береги», так и ушел , унося с собой весь свой мир наполненный радости , запаха луговых цветов , падающих звезд , радостного ржанья жеребой кобылицы и многого другого , что наполняет душу каждого влюбленного и любящего человека ...

Проснувшись , я открыла глаза . Солнце заполнило собой всю светлицу , проникая сквозь окна , всевозможные щели и щелочки . Мне было хорошо здесь, ощущение собственного дома в этом покосившемся жилище глубоко проникло в меня . Здесь был мой дом . Я встала и подошла к стене с фотографиями . На одной из рам , накануне мною не замеченный , как пожухший высохший осенний листок, был прикреплен клочок бумаги с надписью , сделанной четким старческим подчерком « Лютоев Василий Николаевич рождения 1893 года , призванный военкоматом ского района – безвестно пропал на Ленинградском фронте в апреле 1943 года .».И догадка осенила меня - как же так , как раньше не догадалась- ведь я была в доме собственного деда .

И теперь я сама уже могла закончить всю историю , услышанную ночью .

Бабушка моя , Елена Максимовна , с получения той вести постарела вся , высохла и побелела . Все чувства , душа ее ушли вместе с той ее довоенной жизнью и Василием . Ждала бабушка деда , так больше замуж не вышла . Наказ мужа выполнила – детей подняла и выучила , к жизни приспособила , как сама понимала . Хорошие дети выросли , работающие . Только за Сережу ругала себя –не доглядела , пятнадцатилетним мальчишкой убежал Сергей на фронт , следом за Василием - отца искать . Вернулся уже в 46 –больной да искалеченный - год тихо промаялся , да так следом за Василием и пошел .

У Ивана и Тамары большие , многодетные семьи сложились , по семеро детей у каждого . У нее две девочки и пять мальчиков , у него – два мальчика и пять девочек . И у каждого сынок Василий был .

Мне было радостно и горько одновременно - я знала этих людей , ведь я была самым младшим , поздним и потому особенно любимым их ребенком , я знала того Ванечку , того Ивана Васильевича , это был мой отец .

Я не могла понять , почему так мало знала его , почему не хватило мне детского любопытства , юношеского интереса и любознательности , чтобы расспросить его обо всем . Мне было грустно , что не могла уже расспросить его сейчас , что так случайно прикоснулась к прошлому своему и этот дом за прошедшие сутки поведал мне больше , чем знала я за всю свою предыдущую жизнь. Теперь я улавливала , понимала и осознавала всю природу отцовской ранимости и так и не повзрослевшей восторженности ...

Я уезжала в город притихшая и задумчивая . Выйдя за околицу , я обернулась на дом , быть может так же , как обернулся когда то , уходя в вечность , мой дед Василий или мой отец , уезжая от послевоенного голодного отрочества . Я обернулась – дом смотрел на меня грустными , широко открытыми , глазами – окнами , раскинув разбитую калитку в беззубой старческой улыбке . Весь его вид излучал забытую всеми , ушедшую в небытие энергию того жаркого лета любви , памятью которой была полна и я . Теперь , погруженный в воспоминания , он ждал уже меня – и я знала , что обязательно вернусь сюда , в мой дом , к моей малой родине , в дом деда Василия .

НАСТУПИЛО УТРО

(рассказ)

Наступило долгожданное утро .Осеннему солнцу едва хватало скудных сил , чтобы хоть как-то обозначить свой приход , появлением на стенах комнаты неярких , будто вылинявших бликов . Бессонная маята не отпускала и даже короткий тревожный сон не принес телу желаемого отдыха .Спать уже больше не хотелось , но подняться с постели не было сил . Впрочем спешить было некуда- впереди предстояли , теперь уже непривычно одинокие , выходные .

Она повернулась на бок и еще раз попыталась заснуть , но мысли, роившиеся в голове , навязчивой памятью уносили сознание в ту , другую осень , много лет назад прошедшую – звонкую и энергичную , яркую , стремительную и немислимо счастливую , в ту первую осень соединившую их . И оживали голоса , телефонные звонки , вкусы , запахи , звуки и многое другое , что сопровождало и украшало их отношения , все то , что вносило неповторимость и незабываемость в их и только их жизни , и было разделено поровну на двоих.

Волна воспоминаний тех лет , концентрация чувств , эмоций , нервного напряжения , всего , что зовется энергией благодати – дела-

ли ее сегодня зрителем (но никак не участником) какого-то красивого кинофильма , показанного лишь однажды и повторного просмотра этого фильма уже не будет никогда .И понимание этого смущало ее – Она должна была уберечь эту память в себе .

« Привет! Это ты? А я думала , что ты больше не позволишь . Приучаешь меня к себе , приучаешь – потом прирасту к тебе ... Что я буду делать без тебя ? ... Что? Ты говоришь что я без тебя не буду ? Я знаю . Откуда ? Я загадала тебя . На радугу . В тот день , когда мы познакомились ,помнишь , прошел сильный ливень , а потом через все небо растянулась огромная радуга , и не одна ,а целых две одновременно - одна над другой . Так , что ты – загаданный и для верности даже дважды – теперь то , ты никуда от меня не денешься ...».

Так или примерно так , говорили они тогда по телефону .

Знакомство с ним , как будто вернуло ее к самой себе . Она ничего не просила от него , Он – ничего от нее не требовал .Что же это было ? Наваждение. Казалось , они знали друг друга всю жизнь – полное понимание , совпадение вкусов и взглядов – узнавание друг в друге самих себя – делали встречи этих двух совершенно разных людей , радостными и ожидаемыми.

Его тянула к ней та юная беспечность и бесшабашность , та энергетика , влекущая и манящая , которой у него , у давно взрослого степенного человека , несущего жизненные обязательства перед всеми и вся , уже не было .

Что влекло ее к нему ? Она не знала . Знала одно - ей было хорошо и спокойно , когда он был рядом . В нем одном , она обрела одновременно и собеседника , и любимого , и друга , и отца .Обрела все то , чего упорно или не давала или отнимала у нее жизнь .

« Ты – чокнутая!» – осаждал он ее пыл тогда .

« Ты повзрослела, – стала совершать осмысленные поступки.»- сказал Он ей незадолго до расставания – Она услышала и поняла значение сказанного. Он редко оценивал ее поступки , но в его словах Она уловила ,только ей одной понятные нотки грядущей перемены .

Она вновь и вновь мучила себя вопросом : «Почему ? Почему жизнь разлучала их ? » Она пыталась объяснить себе его уход тем , что Он много старше ее и в этой жизненной разнице Он успел обзавестись гораздо большими обязанностями и обязательствами , которые не позволяли ему никаких вольностей. Никто не был в том виноват ни Она , ни Он . Никто. Их встреча – случайность , расставание – закономерность . Они заблудились во времени . Они были похожими и разными одновременно , как стекляшки мозаики , их грани по ошибке совпали , но были они деталями разных узоров . Но как же болезненно для них было понимание этого , как трудно им было пережить разделение , раздробление , отлучение...

Люди не любят , когда другие люди счастливы . Люди не прощают другим людям счастливых светящихся глаз .Они были «другими людьми» и их не простили . Она знала , что не возможно насильно заставить любить , точно так же , как нельзя насильно заставить кого-то разлюбить . Ей было трудно справляться с собой , Она должна была подавить в себе те чувства , которых не на кого было теперь излить и обида , замешанная на сконцентрированной подавляемой энергии, истязала и мучила ее . Она больше чем любила его , Она боготворила его – Он был смыслом ее жизни , ориентиром , учителем – наставником , сэнсэем .Теперь Она должна была опять учиться жить без него . Теперь , душа ее должна была его отпустить .

Она устала от мыслей источавших ее . Воспоминания сменялись одни другими , бывшие радости сменялись былыми горестями , пересекались , перемежались , расплывались в пространстве . Спасительная дремота сковала ее, пытаясь уберечь ее сознание от того многодневного горя навалившегося на нее .

Где-то далеко зазвонил телефон .

« Он больше не позвонит , - подумала Она , сквозь сон , - а если это не Он , то какая разница кто это» .

Телефон еще раз обиженно звякнул и смолк . Ничто и никто сейчас не мог достучаться до нее . Она была одна , одна во всем этом мире и никто не был ей нужен .Она хотела одного – уйти ,убежать , спрятаться от всех .

Глубокий , исцеляющий сон уносил ее в страну снов и грез , где она вновь была с ним рядом и уже никто не мог помешать им быть вместе , там Он был только ее, навсегда и безраздельно.

Когданибудь потом , когда боль притупится и быть может отступит , ей предстоит понять , что жизнь все таки справедлива , и забирая – обязательно предлагает что-то взамен . Она должна будет заново учиться жить без него , по- другому , лучше или хуже , но все же жить . Какая то другая энергия заполнит бездонную душевную пустоту .

А за окном было все так же невесело и пасмурно . Бледному , уставшему за лето, солнцу так и не хватило сил передать земле запас энергии и небо , опечаленное таким положением дел , разразилось холодными хлопьями чистого, белого первого снега. Природа стыдливо пыталась спрятать , замести всю грязь , весь мусор наваленный и оставленный людьми . Ветер срывал с деревьев последнее золото и багрянец былой красоты и уносил их в неизвестность. В мир проникало холодное оцепенение .

А для нее наступала первая за многие годы зима-тоска , зима-разлука , зима-нелюбовь...

ФАНТАЗИИ АЛЕКСАНДРА МАЦУКА.

Мне недавно на глаза попала самиздатская книга Александра Мацука “Псы войны”, изданная в 2000 году. Прочитал книжку, как называется, “за один присест”. И меня заинтересовали рассуждения 17-ти летнего автора повести. Александр только в 2001 году окончил в Сыктываре среднюю школу. А в повести действие происходит перед глазами возмужавшего в армии человека. Такое явление в литературе не часто встречается. Обычно наши писатели вспоминают о своем светлом или тяжелом детстве, возьмите М.Горького, И.Торопова, Н.Н.Куратову..., а здесь показывается устоявшийся характер бывалого солдата.

Немного об авторе повести — он сын известного ученого, доктора исторических наук, Михаила Александровича Мацука. Александр закончил школу № 38 и поступил в Сыктывкарский государственный университет. Он увлекается литературой, историей как коми народа, так и мировой историей и литературой. Его повесть-фантазия скорее всего, является осмыслением положения в современном обществе, оценка юношеских взглядов на поведение взрослых — новых русских и новых коми в их нестандартных действиях, побуждениях.

Повесть “Псы войны” расположена в нескольких плоскостях. Начало — это компьютерный мир ребенка. Далее реалистические картины вышедших из города на охоту в глубинку четырех друзей. Потом идут три воспоминания-страшилки друзей. И основная часть — это встреча с нелюдьми и расправа с монстрами. В заключении автор дает неутешительные опыты-высказывания о создании в тайных лабораториях более страшных монстров. И отдельно в книге выделяется фантазмагория “Лес шепчущих деревьев”.

Рассмотрим первую часть “Скорпион с головой волка”. В названии уже чувствуется неестество. Так это проявляется и в повествовании, герой пробуждается в зажатом пространстве ползущего верх лифта. Это неестественное состояние больше укрепляется в последующих происшествиях, случившихся с героем. Он оказывается в аду боя, под вражеским перекрестным огнем, он отбивается, а его бьют из всякого оружия. Сразу читателю невозможно понять, что это настоящая реальность, или сверх-выдумка автора? Оказывается, всего лишь компьютерная игра.

Другая часть повествования читателю более-менее становится понятной. Друзья собираются на охоту. Правда непонятно, почему

двое охотников идут без оружия, надеясь, что где-то в лесной избушке, за тысячу километров, для них припасены ружья, оставленные предыдущими любителями пострелять. В последствии оказывается, что там есть так же и мины, и гранаты. И как оборотни не смогли проникнуть в охотничье логово. Много неясного в повести.

Если посмотреть на изложение диалогов героев — это сплошь непонятные восхищенные высказывания, они всё время пьют пиво, травят анекдоты, не ясно кто с кем говорит. Правда есть рациональное зерно — беспокойство за клонирование людей и создании нелюдей-монстров. В трех рассказах юношей “Человек дождя”, “Надежда третьего рейха”, “Бабочка” проявляются сюжеты голливудских боевиков, которым напичкано все наше телевидение, на всех возможных программах. Из этих рассказов, как бы предысторий, проявляется возможность самим охотникам встретиться с чем то необычным. Это подтверждают рассказы-байки местных жителей, необычные ночные следы солдата, похитившего ночью продукты спящих охотников, причудливые облака предупреждают о предстоящих опасностях, которых надо предостеречься им: “Солнце совершенно скрылось, и я невольно поежился под резкими ударами ветра, да еще это облако навевало какие-то смутные воспоминания, обрывки фраз.”

Основное действие в повести начинается с утренних сборов на охоту в безымянной деревеньке, примерно с середины текста первой части “Скорпион с головой волка”, и кончается в той же деревеньке в конце текста третьей части повествования — “Псы войны”. В середине повествования включена небольшая по объему вторая часть: “Проект «Вервольф»”, которая и является ключевым моментом в разгадке приключений с охотниками и с особями-монстрами, которых создали в сверхсекретных лабораториях научно-исследовательских военно-био-центрах. (Здесь я делаю экскурс, примитивное вхождение в сознание автора всякой видео-компьютерной дряни, в этом я нашел точку опоры, но у автора повести есть позиция позитивная). Это несогласие, неверие, отрицание всякого превосходства насилия нечеловека над человеком. Человек не биоробот, он сверхсознательный индивидум, который опережает в логических логарифмах мысли всякого монстра, он есть индивидум и собрат, сотоварищ себе подобных. Все это было высказано в первой части повести. Лейтмотивом это высказывание проходит и в фантазмагии “Лес шепчущих деревьев”.

Но автору, чтобы доказать это, пришлось создать своим героям такие условия, что им в повести пришлось пройти сквозь чащу леса, заходить в болото, плавать в озере за подстреленными утками, видеть зверства монстров, быть всегда на чеку в лесной избушке, а также быстрое бегство за помощью к собратьям, живущих в затерявшейся деревеньке, в Российской глубинке.

А развязка повести совсем голливудски-примитивная, в стиле даже, может быть песен группы “Агаты Кристи”. Эта повесть, как сказал уже в начале, есть обращение наших детей к взрослому поколению, всегда надо осторожней быть со всякими опытами над человеческой натурой и естественной природой.

Повесть Александра Мацука “Псы войны”, несмотря на существенные художественные недостатки, я их коснулся вскользь, но всё же эта повесть имеет право на жизнь в литературной среде, она является определенным взглядом подрастающего поколения на их дальнейшее существование в непредсказуемых перепетиях современной жизни. Я уверен в одном, что новое поколение будет более гуманной к человечеству, к самому себе, к Родине.

Евгений СУВОРОВ

НЕ ЗАБЫВАЙ УШЕДШИХ, ИМ ТРУДНЕЙ...

12 июля 1995 года на городском кладбище г. Сыктывкара был похоронен поэт, члена Союза писателей России Дмитрий Фролов. «Преждевременно от нас ушел самобытный русский поэт, большой талант, еще не открытый и не оцененный нашей литературой и широким кругом читателей» - такое было общее мнение писателей и поэтов, выступивших на поминальной панихиде.

Дима трагически погиб 22 июня 1995 года. В 38 лет оборвалась его земная жизнь. К счастью судьбу поэта определяют не награды и не звания. Судьбу поэта определяют его стихи и всенародное признание. Ни наград, ни званий в земной жизни Дмитрий не снискал. Не добился он и видного общественного положения. Отказано поэту было и во всеобщем призвании, поскольку его стихи так и не дошли до широкого читателя. И виновато в этом не только наше бездуховное время, виноваты и чиновники от литературы, не сумевшие разглядеть и дать дорогу настоящему большому таланту. Единственная, вышедшая за пол года до его смерти, маленькая книжица стихов, (всего 31 стихотворение) была выпущена «самиздатом» другом Дмитрия - Вячеславом Можайкиным. Весь небольшой тираж этой книги (500 экземпляров) Дима раздарил своим друзьям и знакомым.

Незадолго до его гибели в газете «Вечерний Сыктывкар» появилось исповедальное интервью Дмитрия Фролова, данное корреспонденту этой газеты Владимиру Подлузскому, которое сам поэт так и не прочитал. В это время он был в Москве, куда уехал для участия в литературном семинаре инновационного стиха, а так же для получе-

ния членского билета Союза Писателей России. Здесь в Москве и нашла его смерть. В интервью, рядом со строками из его стихотворения: «За всех убиенных Земли и России сегодня я в храме затеплил свечу» была помещена его последняя прижизненная фотография, сделанная фотокором этой газеты Александром Горбачевым: скорбный лик с опущенными долу глазами.

Все, видевшие его в последнее время, отмечали его необычное состояние, словно он предчувствовал свою гибель. На самом деле о своей близкой кончине Дима знал заранее. Где-то за пол года перед смертью ему был дан знак, о котором он говорил, что за ним уже приходили. Поэтому он круто переменял свою жизнь, всего себя посвятил Богу. Этим объясняется и та искренность, с которой он дал последнее интервью, сообщив такие подробности своей жизни, о которых не знали даже близкие друзья. Дважды он отметил, что главное, чего достиг в этой жизни – это то, что «недавно плакал в церкви». И это была не поза, не заигрывание на публику.

Дима был верующим человеком и в последнее время все больше посвящал свою жизнь Богу. Отразилось это и на его поэзии, особенно на последних стихах, собранных им в отдельную книжицу. (В течении своей жизни Дима сам делал свои самодельные сборники. За всю свою творческую деятельность он таким образом «выпустил» около 15 книжек. Все они были в единственном экземпляре). Последние годы он постоянно читал Евангелие, перед каждым делом творил Иисусову молитву. Причем молился он на русском, коми и финском языках, поскольку все три языка считал своими родными языками. Каждую неделю он ходил в церковь. Весь последний Великий Пост строго постился и уже до самой смерти вкушал только растительную пищу и отвары из трав. В Москве он вел жизнь странника: ходил от церкви к церкви, распространял православные газеты, спал там, где придется: на лавочках в парке, или на улице. Своим друзьям он говорил, что за этот месяц я узнал Москву лучше, чем за пять лет учебы в литинституте. Все последние годы он жил с молитвой: с молитвой просыпался, с молитвой ложился спать. Спал очень мало и большей частью днем, потому что по ночам писал стихи.

Такой режим для обыкновенного человека может показаться странным, но Дима и был необыкновенным человеком, а о странностях в его жизни ходят легенды. В ресторане мог исписать все салфетки стихами и раздарить их совершенно незнакомым людям. В последний приезд в Москву, увидел на улице монаха, собиравшего жертву на храм и звонившего в маленькие колокола. Дима сразу же подошел к нему, попросил позвонить и так увлекся, что прозвонил около двух часов, забыв про сопровождавших его друзей. Затем вместе со священнослужителем стал петь молитвы, которых знал очень много. Расчувствовавшись, отдал «отцу» последние пятнадцать тысяч

рублей, не задумываясь о том, как будет жить дальше, на какие деньги поедет обратно домой. Но такой он и был: увлекающийся, безрассудный, готовый снять с себя последнюю рубашку и отдать нуждающимся, хотя сам был бедным человеком.

За свою короткую жизнь земных богатств Дмитрий так и не скопил. Кроме книг, пишущей машинки, да кипы рукописей после него ничего не осталось. Но его не особенно это расстраивало. Не прихотливый к благам, он и в жизни привык довольствоваться малым: удобства его не прельщали, одевался без излишеств. А в конце жизни он сознательно отказался от земных благ и встал на тропу странника, некоего калика перехожего, который живет только тем, что пошлет ему Бог. Спал он где придется: на сырой земле, возле храмов, на лавочках в парке или где-то в тихих закоулках Москвы, чтобы не беспокоили милиционеры. С милицией у него почему то отношения никак не складывались. В дорожной сумке у него был небольшой закопченный котелок на проволоке, сделанный из пустой банки кофе, чтобы в любой момент можно было быстро вскипятить на костре чай. В десятке скрепленных между собой изолентой пустых спичечных коробках, хранились все его необходимые припасы: соль, специи, сухие травы, на отварах которых он жил.

От многих мне приходилось слышать, что Дима погиб глупо. Мол, полез к своей любовнице ночью в квартиру по водосточной трубе, сорвался с третьего этажа и разбился. На самом деле было все не так, и смерть его была вовсе не глупой, да и вообще может ли быть у кого-либо быть глупая смерть? Гибель его – это настоящая трагедия нашего озлобленного жестокого века. Дело в том, что несмотря на множество друзей, которые жили в Москве, Диме негде было переночевать. За этот месяц, что он был в Москве, он восстановил все связи со старыми друзьями и сокурсниками по литинституту. Но беда в том, что никто из его «друзей», которых он навещал днем, не оставляли его ночевать дома. Хотя, конечно догадывались, что ночевать ему негде. У Марии Черток, которая с удовольствием приютила бы его, в семи квадратных метрах ее маленькой комнатки на всю семью (еще муж и двое грудных детей), просто не оставалось места на полу еще для одного человека. Да и Дима никогда не осмелился бы стеснять это благочестивое семейство, жившее в столь стесненных условиях на чужой квартире.

А вот остальные вполне респектабельные и обеспеченные его «друзья» просто чурались бомжеватого вида своего гостя. Из-за его внешнего вида, не внушавшего доверия, к нему всегда придирались на улице милиционеры. Да и многие его знакомые по этой самой причине обходили его стороной и брезговали подать руки. Когда семинар закончился и его участники разъехались по домам, Дима, перед тем, как возвратиться в Сыктывкар решил съездить в Минск к своей жене

повидать любимую дочку Тамару. Он предчувствовал свою смерть и прощался со всеми дорогими ему людьми. Очень трепетные последние стихи он посвятил своей дочери. Одно из стихотворений назвал Счастье. На обратной дороге из Минска он снова заехал в Москву. Поскольку переночевать ему было негде он договорился со своей сокурсницей по Литературному институту, жившую в аспирантском общежитии на окраине Москвы, что она пустит его переночевать. Но беда в том, что добрался до общежития он слишком поздно. Оно было уже закрыто, после 11 часов вахта не пропускала посетителей. И Диме пришлось лезть к сокурснице по водосточной трубе до открытого балкона. Общежитие было старым. Труба оторвалась от стены и Дима полетел вниз.

Когда утром обнаружили его тело, остановившиеся на его руке часы показывали 24. 15.

Но, надо сказать, что такой скитальческий образ жизни Дима вел только последние свои дни, когда был в Москве. До этого он вел вполне цивилизованный образ жизни.

После окончания литературного института имени Горького в 1989 году Дима возвратился в Сыктывкар и стал жить вместе со своими родителями в двухкомнатной квартире. Незадолго до смерти, в течение года похоронил бабушку, затем отца. Трижды перед этим он пытался создать свою семью, но это у него так и не получилось. После этих безуспешных попыток от разных жен у него осталось четверо детей. Всех он беззаветно любил, всем посвящал трогательные и нежные стихи. Но дети жили не с ним, и это его конечно огорчало.

Не сразу Дима пришел к вере. Крестился он, будучи уже взрослым человеком, когда учился в литинституте. Путь к Иисусу Христу был для него мучительным и долгим. Он пролегал через увлечение восточными религиями, через пристрастие к язычеству, отголоски которого до сих пор живут в душе коми народа. Себя он считал зыряннином, хотя и говорил на русском языке. В своем программном стихотворении, написанном за год до смерти, Дима сказал:

*Я помню все: и тот пожар троянский,
И смертный бой на Волге на реке, -
Не зря через меня мой род зырянский
Заговорил на коми языке.*

*Во мне живут сто тысяч поколений
И говорят через мои уста:
И те, кто поклонялся раньше Ену,
И те, кто нынче верует в Христа,*

И даже те, кто ни во что не верит,

*Кто даже дружбой в мире пренебрег,
Кричат во мне и обретают меру
Всей горечью и грубой силой строк.*

*И я сжимаю кулаки до хруста,
Зырянским сердцем вспыхиваю вмиг,
И говорю до хрипоты по-русски,
И голос мой срывается на крик.*

9.05. 1994г.

Восхождение души Дмитрия Фролова к Богу отразилось в трех книгах его стихотворений, которые так и не были изданы при жизни. Первую рукопись он подготовил и отнес в Коми книжное издательство еще в 1988 году. Затем подготовил для издательства еще две рукописи, но книг своих так и не увидел. Только после его смерти, в 1996 году, в Коми книжном издательстве вышла первая и единственная, пока что, книга его стихов «Ветровая песня колокольная», объединившая все творчество.

Жизнь не особо баловала его. Помимо передраг в семейной жизни и тяжелого креста вины за своих детей, жизнь подбрасывала ему и другие неприятные испытания. Нечистые на руку «друзья» использовали честное имя поэта в мошеннических сделках. В результате чего Дима попал под следствие и два месяца провел в Верхнечовской тюрьме. От непосильных психических перегрузок заболел, оказался в психиатрической больнице, получил инвалидность второй группы. На пенсию от инвалидности он в основном и жил последние пять лет. Были еще небольшие гонорары от редких публикаций и небольшая зарплата от внештатной работы на Государственной телерадиокомпании «Коми гор».

Но это была только временная его работа, чтобы мало-мальски поддержать жизнь. Давно уже всего себя Дима посвятил единственному своему призванию, о котором знал и которому служил истово и самозабвенно. «Мы вместе строили высокий этот храм, великий храм словесного искусства! Мы вместе собирали по дворам полтины мысли и полушки чувства». Для него Поэзия – была тем храмом, в который он приходил с открытой душой и чистым сердцем. Он очень трепетно относился к стихотворному слову, строго оценивал творчество своих собратьев по перу и очень требователен был к себе. Отдавая в служении Поэзии всего себя, он четко понимал, что новое слово в литературе может сказать только как поэт родной коми стороны. Он не устал воспевать свою родную речку Лемью, где родился, свой родной Пезмог, где жила его бабушка Мария, свой родной г. Сыктывкар. Коми земле, родным и близким людям посвящено все его творчество.

Дима так любил свою родную землю, что и после смерти хотел целиком принадлежать родной коми-парме. Где-то лет за пятнадцать до смерти, он написал свое «Завещание» - стихотворение, которым завершил единственный, выпущенный при жизни сборник. В «Завещании» он написал, чтобы его похоронили так, как раньше зыряне-охотники хоронили своих родных:

*«... Но нет! Пусть осенят меня крестом!
Пусть «Шондыбаней» грянут коми парни
И срубят чом в глубинах коми пармы?
И с песней положите с чоме том?»*

*И ешьте черинянь! И пейте сур!
Целуйтесь и танцуйте до упаду!
И смейтесь все! Оплакивать - не надо!
Гоните в хвост и гриву тех, кто хмур!*

*А после, как резвиться надоест,
Оставьте мне ружье, патроны, хлеба,
Кресало, соль и много коми неба
И много коми пармы, что окрест.*

*А через месяц - все опять ко мне!
Сожгите чом... Пойдите в тишине...
Развейте пепел мой над коми пармой
По сысольской и вишерской волне!...»*

Конечно, сказано это было в аллегорической форме, да и какому христианину может прийти в голову сжигать тело близкого человека и развеять его прах по ветру? Но видно такова сила слова, тем более слова, сказанного поэтом. Тело Дмитрия опознали в Москве только спустя две недели после смерти. Когда друзья пришли сказать об этом трагическом известии его маме - Тамаре Степановне, она уже знала о его кончине, и опережая их сама спросила: «Когда он помер?» Когда узнала, что это случилось 22 июня, то рассказала, что именно в этот день, как раз в то самое время, когда Димы не стало (это было около 12 часов ночи), он явился ей в сонном видении, счастливый, веселый и радостно сказал: «Мама, я все свои дела уже сделал». Тамара Степановна увидела его за своим рабочим столом и поняла это так, что все свои стихи, которые ему нужно было написать, Дима уже написал – это и было главное дело его жизни.

Его тело пришлось кремировать, но прах поэта друзья привезли в Сыктывкар и по требованию матери захоронили на городском кладбище рядом с могилами отца, родного брата и его бабушки.

Очень многие его стихотворения, похожи на молитвы. Обращаясь к Богу, он молился за всех живых и за всех умерших: «Спаси, сохрани и помилуй того, кто сегодня в пути, того, кто в беде обессилен, кого от грехов не спасти...». Он молился за всех нас. Настало время и нам отдать дань памяти поэту.

Так получилось, что в декабре того же трагического 1995 года я поехал в командировку в Москву на хиротонию епископа Сыктывкарского и Воркутинского. Димины мама попросила меня забрать оставшиеся в Москве Димины вещи, которые хранились у его соратницы по литинституту Марии Черток. После праздничных торжеств хиротонии владыки Питирима я разыскал на окраине Москвы дом Марии. В огромном многоэтажном доме нашел ее маленькую квартиру, где она нянчила своих еще грудных двойняшек. Маша мне отдала Димины сумку и рассказала о его последних днях. С ним у нее были очень теплые дружеские отношения. Дима в последний раз был в Москве чуть ли не полтора месяца и очень часто заезжал к ней в гости. Они разговаривали по душам, пили чай. Он делился с ней всеми своими новостями. Дима всегда приносил подарки ее детям, которых очень любил нянчить. Приехал он в Москву вместе со своим другом Сергеем Журавлевым на Всероссийский семинар инновационного стиха, на котором выступал с докладом по Библии. В нем он утверждал, что вся Библия написана белым стихом и первыми поэтами были ветхозаветные пророки, Иисус Христос и апостолы евангелисты. Последнее время мы часто говорили с Димой на эту тему.

После его смерти я прочитал этот доклад, и нашел в нем много свежих оригинальных мыслей. Думаю, что эта работа должна стать, наравне с неизданными его стихами, достоянием общественности. А неизданного у Димы оказалось много. Когда я приехал в Сыктывкар и разобрал его сумку, то обнаружил десятки рукописей неизвестных еще стихотворений, которые Дима написал перед смертью. И каждое - словно алмаз, по праву может войти в сокровищницу мировой поэзии. Все, найденные мной стихи, я передал тогда в Коми книжное издательство, где готовилась к выходу его книга. Сборник этот составлял еще сам Дима при своей жизни, и поэтому стихи, переданные мной, частично были включены в конец раздела «Сети паутины» и раздел «Голоса», завершающие цикл его собственных стихотворений. Далее в книге идут его переводы. Надо отдать должное издательству. В предисловии книги найдены очень трогательные, теплые и очень важные слова, которые характеризуют Диму как «талантливого сыктывкарского поэта». А еще там было написано: «Он оставил нам сборник замечательных стихов, который вы, читатель, держите в руках. Но унес он с собой в заоблачные выси значительно больше – то, что было создано в душе, но еще не перенесено на бумагу. Творческий потенциал Фролова был огромен, может, только-только почат».

В сборник «Ветровая песня колокольная» вошло 144 стихотворения. Каждое как песня, как драгоценное сокровище. Книжка вышла в свет в конце июня 1996 года, тиражом всего 1000 экземпляров. Она появилась в нескольких книжных магазинах г. Сыктывкара и вскоре была вся раскуплена. После Диминой смерти подборки из его неопубликованных стихотворений ежегодно появлялись в городских альманахах и других изданиях. В различных изданиях появлялись и новые серьезные работы о поэте, где он оценивается как выдающийся поэт современности. Как один из лучших поэтов столетия Дмитрий Фролов был включен в Антологию XX века. Для этого престижного издания редакционной коллегией, состоящей из ведущих поэтов и писателей России, было отобрано свыше десяти его стихотворений. Случай по истине уникальный, потому что даже многие известные советские поэты там представлены всего одним-двумя стихотворениями, не говоря уже о том, что многие просто не вошли в Антологию.

Думаю, что настало время объединить все публикации о Дмитрие Фролове и все его изданные и неизданные стихотворения в одно большое издание. Все-таки поэзия Дмитрия Фролова – национальное достояние не только Республики Коми, но и всей России и надо к нему относиться бережней.

Раиса КУКЛИНА

СВЕТ И ТЬМА ЗАМКНУТОГО ПРОСТРАНСТВА...

(О книге А.В.Канева “Художественное воплощение
темы ГУЛАГа в русской литературе Республики
Коми второй половины XX века”)

Андрей Валерьевич Канев – член-корреспондент Санкт-Петербургской Петровской Академии наук и искусств, член Союза писателей и Союза журналистов России. Поэт. Автор поэтических сборников “Тропа”, “Над обрывом”, “Снег на крышах”, “Белые росы печали”. Прозаик. Автор многих прозаических сборников – “Кладоискатель”, “Княжий Погост”, “Пиджак для чучела”, “Контрольный выстрел”.

В течение многих лет Андрей Канев является составителем литературно-художественных альманахов – “Звезда забытого завета”, “Авария”, “На изломе”, “Берега”, “Открытая дверь”, “Выбор”, “Сыктывкар”. Была предоставлена возможность публикации своих произведений как именитым писателям, так и людям, находящимся еще

лишь на пороге мира творчества. Прозаикам... Поэтам... Драматургам... Литературоведам и критикам...

Литературно-художественные альманахи сформировали своеобразное, несомненно, феноменальное, явление в литературе, свидетельствующее о тех сложных художественных изысканиях, которые происходили в конце XX века, во Времени всеобщего мучительного обновления жизни. Столичный альманах “Сыктывкар” (2002) - издание XXI века – содержит более жизнерадостные и уравновешенные лейтмотивы. Исследователям литературы подан, подарен богатый материал для осмысления художественной вселенной русскоязычных и коми писателей. Произошло это также, благодаря деятельности издательства “Эскöm” (Вера).

В 2002 году издательство “Эскöm” выпустило в свет книгу А.В. Канева “Художественное воплощение ГУЛАГа в русской литературе Республики Коми второй половины XX века”. Издание данной книги в настоящее время - это серьезное и многозначное явление, как для ума, так и для сердца, для нашей духовной жизни в нынешнем мире. Ее содержание имеет исследовательский характер. Андрей Валерьевич подготовил данное исследование, будучи аспирантом, во время обучения в аспирантуре ИЯЛИ КНЦ УрО РАН под руководством авторитетных литературоведов (ныне покойного) д.ф.н. В.Н. Демина и д.ф.н. Л.В. Гурленовой.

Появление данной книги свидетельствует о том, что А. Каневу удалось выполнить обобщающую работу по исследованию творчества писателей Республики Коми, раскрывающих тему ГУЛАГа. Охвачен большой круг русскоязычных авторов, как очевидцев трагического явления XX века, так и тех прозаиков и поэтов, которые интерес к проблемам времени ГУЛАГа проявили позднее.

Творчество писателей рассматривается в аспекте художественного воплощения темы. В этом отношении знаменательно, что много внимания уделяется раскрытию своеобразия поэтики, стиля, пафоса произведений. Конечно, восприятие сотворенного каждым писателем «гулаговского» мира не может быть однозначным, но исследователь не отчужден от материала, а следует за воплощенными в произведениях мыслями и чувствами.

Автор использует уже имеющийся аналитический и справочный литературоведческий материал. Благодаря тому, что он приводит мнения и оценки д.ф.н. В.Н. Демина, д.ф.н. Л.В. Гурленовой, к.ф.н. В.И. Мартынова, краеведа В.М. Полещикова, а также высказывания самих прозаиков и поэтов, исследование приобретает более многоплановый характер, выглядит масштабнее.

В итоге получилось по-своему объемное и как бы многоярусное представление творчества. Читатель может познакомиться с биографией писателя, узнать названия основных произведений, получить

сведения об их художественных особенностях и о своеобразии творческой индивидуальности их создателей.

В настоящее время выход любой книги является важным и интересным событием в сфере культуры и искусства Республики, так как внимательный читатель может раскрыть для себя многие плюсы (не исключая и – связанные с поисками минусы) текущей литературной жизни. Издание книги А.В.Канева, на мой взгляд, свидетельствует о том, что в российской литературе и в науке о ней стабилизируется тенденция общечеловеческого гуманизма. Исследователь древнерусской литературы, академик Д.С.Лихачев в своей книге “Историческая поэтика русской литературы” (1997), рассматривая прогрессивные линии развития в истории русской литературы, утверждал: “По пути открытия ценности человеческой личности, вернее, ее ценностей, мировое искусство движется от открытия ценности целого класса, целого слоя общества – к определению ценности отдельной личности самой по себе”. В связи с этим следует отметить, что основой данного труда является непосредственный дружелюбный интерес к творческой личности.

Становится ясно, что литература с “гулаговской” темой - это уже не заказная литература в стиле социалистического реализма, а творчество, источником которого являются истинно человеческие проявления. Прежде всего, это – Боль. Боль с большой буквы. Горечь, недоумение, возмущение, страх, чувство отчаянной надежды на спасение, и - вера в неминуемое возмездие - вот те, по мнению А.Канева, общие составные творчества Яна Космана, Александра Клейна, Николая Володарского, Тамары Петкевич и других писателей, познавших ужасы ГУЛАГа. Естественно, что наблюдения автора над художественными средствами их произведений связаны со стремлением показать, каким образом создается достоверность страданий человеческой личности. Ведь именно она в этой литературе, литературе очевидцев проявляется на первом плане.

Благодаря стараниям историка и краеведа В.М. Полещикова, опубликованы стихи Яна Космана (сборник “Души моей предсмертное желанье”). Это поэзия художественно одаренного человека, исполненная истинного величия духа. Сейчас они, можно надеяться, не только в контексте поэзии Республики Коми. И это по-особому воодушевляет, ведь высокая поэзия имеет целительное начало, содержит одухотворяющие импульсы. Поэзия Я. Космана способна оживить в сердце веру и надежду. Именно в таком раскурсе она открывается в разделе “Спасенная рукопись (Лирический герой Я.Н. Космана)”.

Андрей Канев с живым вниманием раскрывает читателю индивидуальность творческого проявления каждого поэта и прозаика, свое восприятие своеобразия поэтики, стиля, пафоса произведений. Ис-

следователь дает немногословные, но очень ёмкие и интересные характеристики, следуя нормам высокого литературоведческого этикета.

Рассматривая художественное воплощение темы ГУЛАГа в творчестве Ю.Ионова, В.Демидова, В.Кушманова и других современных писателей, А.Канев непосредственно ориентируется на основные лейтмотивы их творчества: чувство удовлетворения от совершенного возмездия и чувство всеобъемлющего отрицания ГУЛАГовской системы. Достоинством этой главы можно назвать интерес к выявлению личностного отношения создателей произведений к ГУЛАГу, как к историческому явлению. Представлены сострадательная поэзия В.Кушманова, философичные стихи А.Суворова, торжественно-скорбные откровения Ю.Ионова и произведения других известных поэтов и прозаиков. Они дают возможность явственно ощутить волну творческой раскрепощенности современных писателей, заглянуть в доверительно открытый, пульсирующий между настоящим и прошлым, микромир их слова.

В небольшой по объему главе о русскоязычной драматургии Республики Коми (проанализированы пьесы Г.Спичака и В.Кушнера), отразившей трагический конфликт идеи и личности, А.Каневу удалось убедить, что литература конца XX века носит поисковый характер и что в ней происходит кардинальное изменение художественных тенденций во имя человека.

Есть в книге глава, в которой рассматривается современная поэзия, по словам автора, имеющая “гулаговские” корни. Вначале включение ее мне показалась несколько алогичным, не соответствующим лейтмотиву высокой авторской скорби, прослеживающейся при анализе литературы ГУЛАГа. Но всякий факт – есть повод для поисков и размышлений. Это - интересно.

“В современной русской поэзии “лагерная” поэзия занимает свое достойное место и не прекращает вызывать к себе интерес критики и читателей”, - так обосновывает исследователь свой замысел во введении. Мне, кажется, удалось обнаружить и другие мотивы, которые сподвигнули автора книги на этот шаг, как-то: философские аспекты темы, лейтмотив страдания от несвободы, содержащийся в произведениях многих прозаиков и поэтов об историческом ГУЛАГе, а также сами известные имена Дмитрия Фролова, Вячеслава Кушнера, стихотворчество которых отличается достойной искренностью и доверительностью. И это благородный шаг в силу того, что в ней проявляется все тот же дружелюбный интерес исследователя к творческой личности, проявившей и выразившей себя в экстремальных ситуациях.

Где-то подспудно, не очень ярко, но все же прослеживается гуманистическая мысль, что наказание – это не единственная панацея от зла. А чистый свет поэтического слова Дмитрия Фролова, по всей

вероятности, может привести читателя и к его другим стихам с воодушевляющей молитвенной энергией, которые были написаны им во время кратковременного заключения.

Одним из наиболее важных достоинств книги является то, что автору удалось освободиться от многих удручающих мотивов, которые, казалось бы, должны были быть неизбежными при освещении такой темы, которая пронизана трагизмом. И это – к счастью. По прочтении книги возникает чувство просветленного сострадания, своеобразного катарсиса - чувства радости - радости за тех служителей слову, которые по праву получили воздаяние за свои страдания. Их творчество принято, понято и оценено. Времена ГУЛАГа оставили в чем-то общий, но все же не совсем равнозначный след в судьбе каждого очевидца. Но каждый из них удостоился литературной реабилитации. И это прекрасно!

Вместе с тем рождается благодарственное чувство к писателям, пронесшим на себе боль “гулаговского” поколения и отразившим в своих произведениях истинно человеческое сердечное сочувствование к жертвам кровавого времени.

Необходимо отметить, что в настоящее время, по словам академика Д.С. Лихачева, “литературоведение служит саморегулированию литературы, оно разоблачает код и одновременно служит его возобновлению на более высокой и “тонкой” основе при помощи энергии таланта”. Творческие изыскания последних лет свидетельствуют о том, что исследовательский подход к творчеству писателей является приоритетной тенденцией современной литературоведческой науки Республики. А.В.Канев проявляет себя именно как исследователь, предлагающий свои способы выбора, изложения, личностного осмысления материала. В этом, несомненно, настоящая ценность его работы.

Хочется обратить внимание на доброжелательную экспрессивность языка книги. В нем также отражается внимание исследователя к рассматриваемому материалу, выявляются его эстетические критерии. “Данное исследование направлено на то, чтобы еще раз, в меру возможностей автора, напомнить об этой могучей связи времен, о том, что мы не только деятели настоящего, но и наследники громадного, порой страшного, прошлого, что повышает меру писательской ответственности и за само будущее”, - убедительно мотивирует автор книги свой замысел.

Истинно, что каждый человек одновременно живет в трех измерениях. Писатель и исследователь Андрей Канев апеллирует к дружелюбному и милосердному писательскому слову. Можно полностью согласиться с мыслью, что именно такое слово способно одухотворить суровую реальность нашей земной жизни, природу человека и таким, по-своему чудодейственным, образом предотвратить в буду-

щем такое страшное явление, как бывший ГУЛАГ. Поверим его словам!

Валентин ОХАПКИН

МОЯ ПУШКИНИАНА

1.

Напорист, увертлив, неожидан и быстр... (Пушкин и физическая культура)

Если в ранние детские годы Саша Пушкин был тучен, неповоротлив и молчалив, часто забирался в корзину и оттуда наблюдал за бабушкиным рукоделием, то уже в 12 лет резко меняется его характер. В лицее он только желал доказать «что мастер бегать и прыгать через стулья, бросать мячик» (И.Пущин).

Лицейсты вставали по звонку в шесть часов, совершали 3 раза в день пешие прогулки в любую погоду. По средам и субботам – фехтование и «танцеванье». В 1816 году император утвердил в лицейской программе обучение верховой езде и плаванию. И все 28 сотоварищей Пушкина посещали 2 раза в неделю гусарский манеж, где на лошадях запасного эскадрона постигали азы верховой езды. Езде на лошадях Пушкин учился и у Дениса Давыдова. Плавание было введено в программу лицея уже после того, как Пушкин закончил лицей. В свидетельстве, выданном Александру Пушкину, сказано, что «в Российской и Французской словесности, а также в фехтовании оказал успехи и превосходные». Преподавал фехтование в лицее француз Александр Вальвиль, написавший книгу «Рассуждения об искусстве владения шпагою». Вальвиль утверждал, что Пушкин в фехтовании был напорист, увертлив, неожидан и быстр, и особенно нравился ему выпад Пушкина, было в этом его выпаде «чертовское стремление». О фехтовании можно еще привести воспоминания из дневника офицера кавалерийской части, прапорщика Ф.Н.Лугинина, с которым Пушкин познакомился в Кишиневе: «потом дрался с Пушкиным на рапирах и получил от него удар очень сильный в грудь... он дерется лучше меня». В лицее Пушкин был свидетелем того, как закалял свою волю первый ученик лицея В.Вольховский («Суворочка»), и сам старался формировать свой характер – нравственную и физическую гармонию.

*А еще он был страстным любителем ходьбы.
Друзья мои! Возьмите посох свой,*

*Идите в лес, бродите по долине,
Крутых холмов устаньте на вершине
И в долгу ночь глубока ваш будет сон.*

Ходил Пушкин всегда с посохом, палкой или тростью. Это было его любимым упражнением для крепости рук. То он бросал палку и ловил ее на лету, то кидал вперед, доходил и опять бросал, и так до тех пор, пока не доходил домой. Палки эти были деревянные и железные, сделанные из ружейного ствола. По воспоминаниям кучера Пушкина Петра Нарфенова, железный посох Пушкина весил 9 фунтов (3 кг. 600 г.).

Осенью 1835 г. Пушкин навел в Голубове подругу своей юности Евпраксию Николаевну Вульф (Вревскую) и, прощаясь, в знак того, что он вернется сюда, забросил железный посох в Голубовский пруд. Три трости Пушкина и сейчас находятся в квартире-музее на набережной реки Мойки в С.-Петербурге.

«Пушкин много и подолгу любил ходить: во время своих переездов из России нередко целую станцию проходил он пешком, а пройти 30 верст от Петербурга до Царского села ему было нипочем». (П.Бартенев). А вот какую характеристику Пушкину дал его первый биограф П.Анненков: «Физическая организация молодого Пушкина, крепкая, мускулистая и гибкая, была развита гимнастическими упражнениями. Он славился как неутомимый ходок пешком, страстный охотник до купания, до езды верхом и отлично дрался на Эспадронах».

Однажды, в августе 1923 года, когда поэт был влюблен в Амалию Ризнич, он в припадке ревности пробежал 5 верст с обнаженной головой под палящим солнцем. Подражая Байрону, он увлекался стрельбой, сажал пули в мишень, укрепленную над воротами в Михайловском. Погреб он превратил в тир, и там он выпускал до 100 зарядов в утро.

Жизнь его после окончания лицея проходила бурно, от вызова к вызову, от поединка к поединку. Е.А.Карамзина писала Вяземскому: «У Пушкина каждый день дуэли». Давайте прочтем характеристику Пушкину-дуэлянту. Ее дает герой нескольких войн и поединков – И.П.Липранди: «Я знал Александра Сергеевича вспыльчивым, иногда до исступления, но в минуты опасности, словом, когда он становился лицом к лицу со смертью, когда человек обнаруживает себя вполне, Пушкин обладал в высшей степени невозмутимостью, при полном сознании своей запальчивости, виновности, но не выражал ее. Когда дело доходило до барьера, к нему он являлся холодным, как лед. На моем веку, в бурное время 1820 года, мне случалось не только что видеть множество таких встреч, но не раз и самому находиться в

таком положении, а подобной натуры, как Пушкина, в таких случаях я встречал очень немного».

Любимым занятием А.С.Пушкина было плавание. От этой привычки он не отступал до глубокой осени. В Болдине скакал за 25 километров, чтобы искупаться в реке Пьяне. Однажды даже сильно простудился и заболел, но от своей привычки не отказался. Зимой вставал, шел в баню, прошибал кулаком лед да и садился в ванну. Видно такая закалка «русским холодом» позволяла ему встретить своего «первого и бесценного» друга И.И.Пущина в лютую стужу в Михайловском на крыльце босиком и в одной рубахе. Интересные воспоминания оставил С.М.Сухотин: «Мы с братом каждый день ходили в большую купальню, устроенную на Неве, против Летнего сада; один раз барахтаемся в воде и кое-как еще тогда плавая, я не заметил, как ко мне подплыл какой-то кудрявый человек и звонким приветливым голосом сказал: «Позвольте мне Вам показать, как надо плавать, Вы не так размахиваете руками, надо по «лягушечьему», и тут кудрявый человек начал нам показывать настоящую манеру; но вдруг, от нас отплыв, сказал вошедшему в купальню господину: «А, здравствуй, Вяземский». Мы с братом будто обомлели и в одно слово сказали: «Это должно быть Пушкин».

Всю свою жизнь Пушкин обожал лошадей.

*Ведут ко мне коня:
В раздолии открытом,
Махая гривую, он всадника несет,
И звонко под его
Блестящим копытом
Звенит промерзлый дол
И трескается лед.*

Хотя А.С.Пушкин не был отменным наездником, но быструю езду любил. Однажды даже в день проехал 75 верст. Верхом он вдоль и поперек пересек многие российские губернии. В альбоме Е.Ушаковой сохранился автопортрет поэта на лошади. Дотошные исследователи подсчитали, что за свою недолгую жизнь Пушкин преодолел в путешествиях 34 тысячи 750 километров. В письме Наталье Николаевне он пишет: «недавно расписался и уже написал пропасть. В 3 часа сажусь верхом, в пять – в ванну... Вот тебе мой день, и все на одно лицо».

Хотя Пушкин и не был хорошим игроком, но шахматы влекли его, и он стремился научиться играть серьезно. В 1827 году он гостил в Торжке у Вульфов и играл в шахматы с Павлом Ивановичем, которого он сам же и научил играть, да так, что тот сам стал его обыгрывать. А.С.Пушкин сильно при этом горячился: «Ну разве так можно

обыгрывать учителя?» А Павел Иванович начнет играть снова, да опять с первых же ходов, и обыгрывал его. «В Тригорском и Голубове мы играем в шахматы, а так как я играю очень плохо, он мне дает вперед офицера» (Вревский – Вульф. 1835 г.).

Подтверждение тому, что Пушкина интересовали шахматы, мы находим в его библиотеке. Там находятся 2 книги: издания 1820 и 1824 годов. Первая – «Анализ шахматной игры» известного шахматиста и музыканта ХУШ столетия Фелидора, Парижского издания. Вторая – «Шахматная игра, приведенная в систематический порядок, с присовокуплением игр Фелидора и примечаний на оные, избранная Александром Петровым», первым шахматным мастером России. Таких книг две. На одной книге-дарственная надпись автора: «Милостивому государю Александру Сергеевичу Пушкину в знак истинного уважения. От издателя». Вероятно, А.С.Пушкин был знаком с А.Д.Петровым, а возможно и играл с ним в шахматы. Второй экземпляр ему потребовался для того, чтобы глубже изучить теорию.

14 августа 1836 года Пушкин заказал у книготорговца в Петербурге Ф.Беллизара начавший выходить в Париже первый в истории ежемесячный шахматный журнал «Паламед». Успел получить 3 номера и разрезал всего 17 страниц, они сохранились в библиотеке поэта. Когда Пушкин узнал из писем Натальи Николаевны, что она учится играть в шахматы, он написал ей в сентябре 1832 года: «Благодарю, душа моя, за то, что в шахматы учишься. Это непременно нужно во всяком благоустроенном семействе; докажу после». Он хотел, чтобы его жена и дети умели играть в шахматы и полюбили эту игру. Внимательно читая «Евгения Онегина», мы можем прочесть, как играли в шахматы Ленский и Ольга (в главе 4):

*Уединясь от всех далеко,
Они над шахматной доской,
На стол облокотясь, порой
Сидят, задумавшись глубоко,
И Ленский пешкою ладью
Берет в рассеяньи свою.*

А свою последнюю партию Пушкин сыграл с Виельгорским накануне роковой дуэли. Пушкин был весел, шутил, рядом была его жена и ее сестра Екатерина. Вскоре сюда приехал Дантес. По этой версии Пушкин сказал: «Он уже там, возле моей жены» (из воспоминаний об А.О.Россет, написанных П.Бартеневым). А по другим сведениям, Пушкин во время игры с Виельгорским, увидев Дантеса, сказал: «Этот офицер сделал мне мат, я беру его».

И напоследок еще одна характеристика, данная Пушкину его другом Плетневым: «Даже летом, с дачи, он ходил пешком для

продолжения своих занятий. Летнее купание было в числе самых любимых его привычек, отчего не отставал он до глубокой осени, освежая тем физические силы, изнуренные пристрастием к ходьбе. Он был самого крепкого сложения, и этому много способствовала гимнастика, которую он забавлялся иногда с терпеливостью атлета, как бы долго и скоро не шел он, дышал всегда свободно и ровно. Он дорого ценил счастливую организацию тела и приходил в некоторое негодование, когда замечал в ком-нибудь явное невежество в анатомии».

2.

Окрест поэта

Александр Сергеевич обладал грудным, чуть вибрирующим голосом, говорил с плавной медлительностью, словно не желал торопиться изложить свои мысли. Сказывались вдумчивость и высокая сосредоточенность поэта. Стихи читал нараспев. А вот в движениях и походке был стремителен. Руки были небольшими, необыкновенно красивыми, с длинными нервными пальцами, с отточенными ногтями. Поэт любил носить два загадочных темных перстня с изумрудами. Улыбался светло и спокойно. Неправильность черт, восточный оттенок лица и небольшой рост требовали свободной одежды, легких тканей, больших складок. Пушкин любил откидные воротники, небрежно повязанные галстуки и шейные шарфы «а ля байрон» синего или черного цветов, мягкие черные шляпы. Но часто одевался по-мужски – то цыганом, то монахом.

В молодые годы отличался необычайной подвижностью, быстротою жестов и походки, непрерывной сменой душевных расположений. Был человеком настроения, в высшей степени впечатлительным в своих внутренних переживаниях, чрезвычайно сложным. Бывал искренним, увлекающимся, доверчивым и безрассудным. Каким бы ни был – серьезным, веселым, радующимся как дитя – в высшем обществе всегда был одинок. Он даже не мог найти секунданта. Любил музыку какой-то особой светлой любовью. Музыка уводила его от печальных раздумий и тревог. Любил собак. Одного пса в честь своего гувернера Пушкин назвал Русло. Любил ходить по грибы. Курил сигары и трубки. Любил грызть карандаши и писал оглодками, которые едва можно было держать в руках. Политику не любил, говорил, что лучше уехать в деревню и поливать капусту. Любил поесть. (В «Евгении Онегине»: «Покой, да щей горшок, да сам большой».) Любил изысканное, но и простое. Предпочитал второе. Любил картофель, клюкву с сахаром, моченые яблоки, бруснику, варенье, особенно крыжовенное, домашний суп и каши. Любил играть в карты, играл плохо. Гонял два шара на бильярде. Любил распить с друзьями шам-

панское, «жженку», различные наливки, настойки, бальзамы. Поднимал тосты: «За Русь!», «За лицей!», «За друзей!»

Был страшно ревнив, близким к сумасшествию, когда видел свою жену танцующей на балах с красивыми молодыми людьми. От вида прикосновений чужих мужских рук к ее руке ощущал приливы крови к голове, в такие минуты на него находила мысль, не дающая ему покоя, что жена его, оставаясь ему верной, может изменять ему мысленно. Жена тоже ревновала его, и не без причин. Александр Сергеевич всегда был влеком женской природой. Он трепетал перед «мощной властью красоты» и не мог перед ней устоять. Женщины чувствовали исторгающуюся из сердца поэта могучую стихию любви и, внимая живой игре страсти, отвечали на ее призывы. Он был гениален в любви. Его чувственность, его пристрастие к внешней женской красоте бросались всем в глаза. А он этого и не отрицал. Стоит вспомнить обращение к Юрьеву:

*А я, повеса, вечно-праздный,
Потомок негров
 безобразный,
Вращенный в дикой
 простоте,
Любви не ведая страданий,
Я нравлюсь юной красоте
Бесстыдным бешенством желаний.*

Чувственный и вместе с тем рассудочный, способный порою увлекаться почти до безумия, он никогда не отдавал себя целиком. Кровь бурлила, воображение строило один пленительный обман за другим, но в глубине своего существа поэт всегда был «тверд, спокоен и угрюм». В любви он признавался многим, но действительности, как правильно указала княгиня АМ. Волконская, любил по настоящему только свою поэзию.

В собирательном образе поэта участвовали: Б. Шубин «Дополнение к портретам»; сб. «Друзья Пушкина»; Л. Гроссман «Записки Д. Аршиака»; «Дневник А. Пушкина»; И. Фейберг «Читая тетради Пушкина»; И. Пущин «Записки о Пушкине»; М. Филин «О Пушкине и окрест поэта».

3.

«Судьба меня, как лавочник, обмерила».

Истинных ценителей и почитателей Пушкина всегда привлекали даже самые незначительные штрихи и детали его биографии. Но нередко в материалах пушкиноведов встречаются и противоречия.

Особенно это касается роста Александра Сергеевича. Одни пишут, что Пушкин был мал ростом, другие доказывают, что поэт был среднего роста, но все сходятся в том, что он был великолепно сложен. В письмах Пушкина к брату Льву Сергеевичу мы найдем подтверждение этому. В ноябре 1824 года он писал ему в Петербург из Михайловского: «Кстати, о тальи: на днях я мерялся поясом с Евпраксией, и тальи наши нашлись одинаковы. След. Из двух одно: или я имею талью 15-летней девушки, или она талью 25-летнего мужчины. Евпраксия дуется и очень мила».

Любители Пушкина, конечно же, поняли, о ком идет речь: Евпраксия Вульф, она же Зизи, помните, в пятой главе «Евгения Онегина»: «Подобно талии твоей, Зизи, кристалл души...»

В лицейские годы Пушкин стыдился своего роста и завидовал более рослым товарищам. Пожалуй, только одноклассник поэта Комовский был еще ниже. А как Александр Сергеевич радовался и кричал «браво», когда маленький, юркий Комовский одолевал в борьбе более сильных и рослых соперников! Зато в фехтовании многие лицеисты уступали Пушкину. И здесь небольшой рост не имел особого значения. Неожиданность, быстрота, стремительный выпад, воображение – вот качества, за которые учитель фехтования Вальвиль отмечал юного Сашу.

Александр Сергеевич не любил стоять рядом со своей женой и шутя говорил, что ему подле нее быть унижительно, так он мал по сравнению с ней ростом.

Однажды А.С.Пушкин был в гостях у Астраханского губернатора генерал-майора Тимирязева. Закурив сигару, Пушкин долго и молча следил за высокой и стройной фигурой его жены, а потом воскликнул: «Ах, Софья Федоровна, как посмотрю на вас и на ваш рост, так мне все кажется, что судьба меня как лавочник, обмерила».

А какой же в действительности был рост Пушкина? На картине Г.Чернецова «Парад на Царицыном лугу» есть надпись: «А.С.Пушкин рисован с натуры 1832 года 15 апреля. Ростом в 2 аршина 5 с половиной вершков». Б.М.Шубин, написавший книгу «Дополнения к портретам» считает, что рост А.С.Пушкина был 166,74 см. В.Коровин во вступительной статье «Несколько упредительных слов» к переизданной книге В.Вересаева «Спутницы Пушкина» утверждает, что рост поэта примерно 169 см. 25 ноября 1825 года, когда Пушкин под видом слуги своей Тригорской соседки П.А.Осиповой собирался нелегально выехать в Санкт-Петербург, в фиктивной подорожной собственноручно, но измененным почерком он описал свои приметы: «Рост 2 аршина 4 вершка, волосы темно-русые, глаза голубые, бороду бреет, лет 29». В перерасчете по современным меркам – это 161,04 см.

Немецкий литературовед Эва Штриттматтер, посещая Царское село, вспоминала, что сотрудник музея показал ей, какого роста

был поэт: «Он был еще ниже, чем я, думаю, примерно метр шестьдесят». А вот характеристика из воспоминаний брата Льва Сергеевича: «Пушкин был мал ростом, пять с небольшим вершков, но тонок и сложен необыкновенно крепко и соразмерно». Почему в этой характеристике рост указан только в вершках? Казалось бы, это абсурд. А дело в том, что средний рост человека обычно переваливал за 2 аршина (один аршин – 71,12 см., два – 142,24 см.). Аршины как бы опускались, а произносили только вершки (1 вершок – 4,45 см., а 5 вершков 22,25 см.). Складываем: 142,24+22,25=164,49 см. На мой взгляд, это и есть настоящий рост А.С.Пушкина. В подтверждение к этому добавлю, что в книге «Прекрасная Натали» автор Н.Горбачева приводит разницу в 9 см. между ростом Натальи Николаевны и Пушкина. А известно, что рост Натальи Гончаровой был 173 см. (Агния Кузнецова «Моя Мадонна»). Отметина ее роста осталась по сей день на одной из дверей в старом Бродзянском замке, когда она вместе с детьми гостила у своей сестры Александры Николаевны Фризенгоф.

Совсем недавно мне пришлось убедиться в правильности моих предположений. В книге Н.Н.Скатова, директора Пушкинского дома, известного ученого-филолога, члена-корреспондента РАН «Пушкин, Русский гений» (стр.199). Я прочел «По установленной традиции XIX века рост обозначался вершками (=4,45 см.), которые отмерялись сверх аршин (=71,12 см.), т.е. ростом А.С.Пушкин был примерно 164,5 см.

Понятно, что в творчестве рост не имеет никакого значения. И каков бы ни был рост Александра Сергеевича, он на все времена останется гением гармонии, величавым и неисчерпаемым.

4.

Заветный посох.

Время от первых заморозков и до поздней осени было всегда любимым и плодотворным для А.С.Пушкина. Но эта осень 1835 года в Михайловском была для него скверной. «Такой бесплодной осени отроду мне не выдавалось, - писал поэт П.Л.Плетневу. – Пишу, через пень колоду валю. Для вдохновения нужно сердечное спокойствие, а я не спокоен». Уединяясь в Михайловском, он хотел отдохнуть душой, очиститься от петербургских склок и суеты, насладиться поэзией.

Пушкин часами ходил по лесам, много ездил верхом, посещал знакомых. В Голубове он навестил предмет своего давнего увлечения, Евпраксию Николаевну Вульф – «Зизи». Это ей Пушкин прислал 4 и 5 главы романа «Евгений Онегин» с надписью: «Евпраксии Николаевне Вульф от автора... Твоя от твоих». До сих пор исследова-

телей интригует эта загадочная надпись, взятая из молитвы... «Тобой внушенное – к тебе возвращается». Теперь «Зизи» стала баронессой Вревская. Но Пушкин сохранил к ней доверие и уважение.

- Евпраксия Николаевна! Голубушка моя, как рад я видеть Вас снова!

- Любезный Александр Сергеевич! Наконец-то Вы и нас посетили. А мы уж заждались. Чем это, друг мой, Вы озабочены так? Не томите - рассказывайте все... Сняв шляпу. Пушкин поцеловал баронессе руку.

- Ах, сокровище мое! Все кругом говорят, что я старею, иногда даже чистым русским языком. Давеча встретила мне знакомая баба, которой не мог я не сказать, что она переменялась. Так она возьми мне и молви жалеючи: «Да и ты, мой кормилец, состарился и подурнел».

И заразительно засмеялся.

- Хотя откровенно могу признаться, хорош никогда не был, а молод был.

- Ах, Пушкин, Пушкин! Вы все такой же, как и десять лет назад, неунывающий и насмешливый. Нисколько не изменились.

- О, нет, заступа моя! За этот срок многое переменялось... говорят: время не красит. И то верно: одни лишь глупцы не меняются, да еще мои литературные недруги.

И, вздохнув, неожиданно спросил:

- А помнишь ли, душа моя, как мерялись с тобой поясами? Тебе тогда было 15, а мне 25, а талии наши нашлись одинаковыми.

Баронесса благодарно слегка сжала ему руку.

- Я, чаю, голубушка, - продолжал Пушкин, - ты уже прочитала пятую главу «Евгения Онегина»? Не забыла?

Вревская выразительно посмотрела на поэта и по памяти стала читать:

*Цимлянское несут уже;
За ним строй рюмок узких, длинных,
Подобно талии твоей,
Зизи, кристалл души моей,
Предмет стихов моих невинных,
Любви приманчивый фиал,
Ты, от кого я пьян бывал!*

Слушая ее, Пушкин улыбался: «Как она мила и обворожительна!..»

Видимо, она почувствовала то же, потому что, неожиданно умолкнув, произнесла:

- Как мне приятно читать эти строки и вспоминать, вспоминать нашу молодость. - Некоторое время они шли молча. - Вы, верно, устали с дороги, а разговорами да воспоминаниями сыт не будешь. Пойдемте, я угощу Вас вашим любимым крыжовенным вареньем.

В доме они еще долго говорили, пили чай. Пушкин советовал барону Б. А. Вревскому, как лучше спланировать парк. Затем играли в шахматы. Ему было легко и радостно. Не хотелось уходить. Расставались они у Голубовского пруда.

...Прощаясь, он подбросил вверх свой любимый посох, поймал его на лету за противоположный конец и, размахнувшись, неожиданно забросил в пруд. Вревские были удивлены. Они прекрасно знали, что этот железный посох дорог ему. Именно с этим посохом он нарисовал свой автопортрет на страницах «Евгения Онегина».

- Это я в память о нашем свидании и в знак того, что непременно еще вернусь...

Поцеловав на прощание баронессе руку, Пушкин быстрыми шагами уходил по аллее, усыпанной осенними листьями.

...Так и лежит до сей поры на дне Голубовского пруда посох поэта, безмолвно дожидаясь своего хозяина.

5.

Безвестный портрет

Широка и раздольна Волга в ярославских краях. Кажется, несет она свои воды медленно и даже лениво, но попробуй переплыть на другой берег, и снесут тебя ее неведомые силы почти на полверсты. В этих благословенных Богом и усыпанных маковками церковей местах 30 лет тому назад довелось мне, студенту Ярославского педагогического института им. К.Д.Ушинского, проходить педагогическую практику.

Меня поместили в мансарде красивого, старой постройки, но еще хорошо сохранившегося особняка. На мансарду вела довольно крутая лестница с перилами, украшенными бесхитростным орнаментом. Из единственного окна мансарды открывался великолепный вид на волжские просторы. Соседом моим оказался молодой художник. Он делал зарисовки I приволжских лесов, рисовал характерные лики ребят и неповторимую архитектуру церковей Ярославского края. И вот однажды мой сосед сказал мне:

- Я рисую портрет Пушкина. Не мог бы ты постоять несколько минут и попозировать?

И, действительно, на картине, ярко освещенной солнечным светом, по дороге вокруг пшеничного поля шел Пушкин, со своей неизменной тростью, в камышовую ручку которой была вделана золоче-

ная пуговица от мундира Петра I. Эта пуговица была подарена Петром Великим своему крестнику, арапу Ибрагиму Ганнибалу.

Я был, естественно, удивлен, так как обликом своим совсем не походил на великого поэта, разве что ростом. По характеристике, данной Пушкину его братом, поэт был «мал ростом - 5 с небольшим вершков, но тонок и сложен необыкновенно крепко и соразмерно». Но оказалось все гораздо проще. Художнику необходимо было натурально изобразить складки на штанах Пушкина.

Я, конечно, согласился выполнить его просьбу. Так что, кто знает, может быть, где-то и сохранился портрет Пушкина в красной русской рубаше, подпоясанной ленточкой, в широких синих штанах, в соломенной широкополой шляпе и с палкой в руке. Шаггал он в хорошем расположении духа, а по краям дороги, наклоняясь от тяжести, приветствовали поэта золотые колоски зрелой пшеницы. Я не знаю, существует ли этот портрет, но эпизод, произошедший со мной много лет назад, глубоко запал мне в душу и наполнил гордостью - что хоть таким образом выпала возможность соприкоснуться с гением земли русской.

Екатерина ЛОВИНА-ЛОВИЧ

РОССИЙСКИЙ СОЮЗ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ЛИТЕРАТОРОВ В РЕСПУБЛИКЕ КОМИ.

Это любимое и частое Гребенщиковское, когда ему в очередную оттепель разрешили громко спеть, а нам разрешили ясно услышать: «... есть что-то еще», «... должно быть что-то еще». Это было просто как воздух - растем, слава Богу, и мы поняли, что - живы. Сколько тогда всего вошло, в благословенные веселые горбачевские годы, вернее, вынеслось в мир, на люди, запертое, задыхавшееся недавно - искусство, искусство - самое безгрешное и самое притесненное, как ребенок, как обычно. Я помню выставку 1989 года в, тогда еще Ленинграде, в Гавани, той живописи, которой наконец-то позволили показаться. Красиво. Страшно. Картины есть, людей, их создавших, еще совсем нестарых, нет. Кто не выдерживал, кто не хотел...

Литература, наверное, не столь неумолима к своим избранникам, как живопись или театр, или кинематограф, поскольку при, безусловно, «полной гибели всерьез», требует минимум материальности - карандаш и поверхность, все остальное - надежда. На издателя или на аудиторию, которой минимальный предел - сам.

И вообще, есть два слова: писатель и литератор. Последнее - исконное, поскольку - от «литература», а она может быть не только написанной, но и сказанной, и спетой, и разыгранной в театре, и

станцованной (Чуковский, как известно, именно танцуя по квартире, сложил свою знаменитую «Муху-Цокотуху»), и ... даже нарисованной («визуальная поэзия» та же, и не только).

Мы помним и любим Ираклия Андронникова с его блестящими литературоведческими эссе в не менее блестящем авторском исполнении, Михаила Жванецкого с прекрасной сатирической и лирической прозой и истинно артистическим темпераментом, Александра Дольского с тонкой, в лучших традициях русской классики, поэзией, вызвавшей проникновенные мелодию и исполнение, того же Бориса Гребенщикова с новым поэтическим, и больше, чем поэтическим, поскольку его так слышали, узнали в песенном образе, в живой интонации, словом. Оно рождалось и рождается у Бори Борисовича не в «писании», а в пении, исконно, фольклорно: «мелодия тянет за собой слово, слово - мелодию» (Б.Г.). Сейчас тексты песен Гребенщикова издаются, но дело совсем не в этих изданиях, к тому же появившихся вслед за живым делом. Не встречалось мне и отдельных изданий Михаила Жванецкого, да и не надо.

А ведь когда-то отсутствие этих самых отдельных печатных публикаций было непреодолимым препятствием и для Жванецкого, и для Высоцкого, и для Гребенщикова, Дольского, Макаревича, драматурга Эмиля Брагинского и многих, многих оригинальных неповторимых авторов, всенародно любимых именно за слово, свое слово, вложенное в золотой фонд русской словесности, ко вступлению в единственный в советское время литературный союз - Союз писателей СССР.

Но, как должно быть, так и было что-то еще - и тогда, и раньше, с 20-х гг., до образования по постановлению партии и правительства СП СССР, - а именно добровольные писательские товарищества, или «профессиональные комитеты литераторов» согласно официальному статусу, полученному в 1932 г. В особенности после образования союза писателей, эти комитеты были спасением для тех литераторов, которых не принимали в союз или, приняв, дискриминировали по творческим, идейно-политическим или национальным причинам - был тогда и такой ценз. Был жанровый ценз - очеркисты, музыковеды, театроведы, эссеисты также оказались в профессиональных комитетах.

В свое время здесь нашли защиту и понимание такие известные авторы, как Осип Мандельштам, Эрнст Генри, Агния Барто, Виктор Шкловский, Анастасия Цветаева, Эмиль Брагинский, Елена Благинина, Виталий Шенталинский, Леонид Дербенев, Роман Сеф, Дмитрий Пригов, Илья Резник, Андрей Макаревич, Михаил Жванецкий, Людмила Петрушевская, Людмила Улицкая, Артемий Троицкий, Генрих Сапгир, Любовь Воропаева, Екатерина Горбовская, Нина Искренко, Татьяна Бек.

В 1960-80 гг. в двух российских столицах профессиональные комитеты литераторов существовали при двух издательствах: «Художест-

ственная литература» и «Советский писатель», а также при Литфонде и при Союзе театральных деятелей и объединяли несколько тысяч членов. В 1990 г., когда совсем оттаяло, на основе комитетов был учрежден новый творческий союз - Союз литераторов Российской Федерации (в то время РСФСР). В 1991 он был зарегистрирован Министерством юстиции РСФСР первым среди российских творческих союзов, в 1998 г. на своем третьем съезде получил новое имя: Российский союз профессиональных литераторов.

Так что теперь есть не только два слова: писатель и литератор, но и два соответствующих союза, которые существуют на равных - как общественные организации, вне расходов государства, если не считать солидного имущественного наследства Союза писателей России с советских времен. Лучше не считать.

И это хорошо, что их больше одного - всего пять. Хорошее число, круглое. Теплое. Живое. Не нравишься писателям России - давай к российским писателям. А то к журналистам или к драматургам. Или вообще ко всем, кто по душе. А лучше всего - к литераторам, слово-то самое универсальное. У них - и секция прозы, и секция очерка и публицистики, и поэзии, и детской литературы. И драматургия, и искусствоведение, и частушки, и анекдоты - все тебе зачтется, если только это талантливо.

Председатель РСПЛ Алексей Николаевич Баташев - музыковед с 45-летним стажем творческой деятельности в области джазовой музыки: музыканта, исследователя, ученого-аналитика, участника многих научных конференций, преподавателя в университетах и консерваториях тогда еще СССР и США, автора громадного количества научных статей в отечественных и мировых музыковедческих журналах. Теперь он еще и автор очерковой и исторической прозы, когда-то же - кандидат физико-математических наук, ученик Капицы и Ландау, с 30-летним стажем работы в промышленности. Как депутат Государственной Думы и председатель РСПЛ, Алексей Николаевич огромное количество сил потратил на разработку и продвижение «Закона о творческих работниках и творческих организациях», согласно которому труд литераторов, музыкантов, художников был бы введен в юридическую категорию труда и соответственно бы оплачивался государством. Потому, что искусство - это серьезно и на самом деле, поскольку не уходят от него, раз вступив на этот тернистый и звездный путь, а приходят к нему - отовсюду, пренебрегши степенями и званиями.

Поэтому основная цель РСПЛ - поиск в российской глубинке талантливых литераторов и помощь им. Которая - и ежегодные государственные творческие стипендии, и возможность участия в Артриаде и других конкурсах и фестивалях искусств, возможность публикаций в центральных литературных журналах и изданиях. Традиции взаимо-

выручки, милосердия, тактичности, терпимости, демократизма здесь те же, что и в 20-х, и в 30-х, и в 70-х.

Прочитав литературные сборники, изданные к 70-летию Московского союза литераторов и к 10-летию российского, я поняла слова Алексея Николаевича о своих коллегах: «Симпатичные люди, пишут в меру своего таланта, пытаются заработать этим деньги. Иногда не получается, и зарабатывают чем-то другим, но не бросают любимое занятие». Очень какая-то человечная литература, добрая, умная, современная, но без вызова. В качестве первого знакомства и подарка вам, уважаемые читатели, предлагаю рассказ Татьяны Михайловской «Клубника со взбитыми сливками».

Вообще-то Татьяна Георгиевна Михайловская - поэт, руководитель поэтической секции Московской организации союза, руководитель Георгиевского клуба, известного на всю столицу. Где штуки разные интересные бывают, например, премия за ...лучшую фразу. А еще там, на Большой Дмитровке 5/6, в помещении Московской организации, есть поэтический авторский театр - то есть от первого слова до финального поклона одной творческой личностью - Александра Прахова со товарищи содеянный, называется «Тихий омут».

А про фестиваль «Золотой Остап» в Санкт-Петербурге слышали? Это питерские профессиональные литераторы веселятся который год, и фестиваль двойников - тоже их проделки. А еще - Дом сатиры и юмора, Детский театр, издательства, Фонд помощи больным детям, организация доплаты к пенсиям старым писателям. В регионах России (более 60) РСПЛ- это литературные семинары, клубы, периодические издания и другие интересные проекты.

Творческие личности союза: Виктор Шендерович, Игорь Иртеньев, Александр Минкин, Семен Альтов, Александр Розенбаум, Борис Гребенщиков, Александр Дольский, Иван Ахметьев, Дмитрий Ухов, Владимир Вишневский, Борис Вахнюк, Игорь Никольский, Бернгард Рубен, Светлана Алиева, Юрий Орлицкий и еще более 800 самобытных авторов, литераторов, работающих в самых разных жанрах, стилях и направлениях.

В этом сборнике есть стихи Людмилы Втюриной, сыктывкарки, второго «русского литератора» на Земле Коми. Основное качество ее поэтического текста - эксклюзивность каждого варианта, неповторимость его в ритме, размере, рисунке, если хотите, не говоря уже об эмоциональности и образности - когда только Муза, явившись вдруг, руководит поэтической рукой, и нет, и не может быть никаких заданных и уже опробованных параметров вербальной формы выражения всегда эксклюзивного духовного содержания. Это та живая литература, пусть пока не шибко виртуозная (здесь переборщить смерти подобно), которая сейчас так насущна в ситуации между все еще, увы,

соцреалистической мертвечиной и болезненным постсоветским андеграундом.

И еще одно новое имя хотелось бы назвать - Елена Холопова. Ее «Деревенский диптих» - в художественной прозе дебют. Но какой! Жесткая, честная, смелая литература, уверенное, энергичное, определенное и лаконичное повествование с абсолютно женской болью, состраданием и нежностью внутри - и сердца, и текста. Это та любовь к человеку - обиженному, «маленькому», на которой и восстала вся русская литература - против и за.

Как хорошо, что сегодня все это можно читать - и от Союза писателей, и от Союза литераторов, и ...что-то еще.

Андрей КАНЕВ

ОТКРЫТЫЕ МИРЫ ЛИТЕРАТУРЫ

Литература отражает мир зеркалом души писателя. И только от самого писателя зависит, каким будет это отражение. Если зеркало кривое, то и художественное слово автора будет отображать искаженный мир. Но мне хотелось бы поговорить о другой, настоящей литературе, которая несет читателю гармонию и красоту нашего пусть не всегда совершенного мира. А как сказал известный немецкий мыслитель Георг Кристоф Лихтенберг: "Книга – это зеркало. И если в него посмотрится обезьяна, то из него не может выглянуть лик апостола".

На моем рабочем столе лежат книги Валерия Вьюхина "О тебе", Вероники Тарбаевой "Миры открыты радостному сердцу", Николая Терентьева "Сорок вечеров" и "Когда ухает филин", Аркадия Калимова "Мой Север белокрылый", Андрея Евстюничева "Северо-Двинская магистраль", а также Анатолия Илларионова "Осенним светом" и "Лирика". О них мне и хочется сегодня рассказать.

Доктор филологических наук В.Н. Демин писал в своем двухтомнике «Писатели Коми»: «Валерий Николаевич Вьюхин – русский поэт, чье творчество прочно связано с Коми республикой. Здесь вышла первая книга его стихов, здесь он сформировался как поэт, здесь нашел своего читателя, наконец, здесь он обрел свою поэтическую самобытность, понимание того, что с Коми землей он связан такими крепкими узами, что их нельзя разорвать».

Вышедший недавно в свет в издательстве Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук поэтический сборник Валерия Николаевича Вьюхина «О тебе» собрал под своей обложкой ровно сто поэтических текстов. Начинается он со стихотворе-

ния «Мольба», которое в философском ключе выстраивает выстраданную поэтом жизненную позицию его лирического героя:

*Заклинаю, Господь, вразуми!
За сомненья, обиды и вины,
За напрасные споры с людьми,
За нездешние эти седины.*

*За не выпитый счастья глоток,
За судьбу, не цветастее клавиш,
За крутой и несправедный рок,
И за что еще, Господи, знаешь.*

А завершается неким лирическим подведением итогов пройденному немалому жизненному пути. Содержание этого стихотворения, его основную мысль, может с почти полной точностью раскрыть написанное однажды французским философом Рене Декартом: «Люди с сильным и великодушным характером не меняют своего настроения в зависимости от своего благополучия или своих несчастий», а созданный В. Вьюхиным лирический герой именно таков, ведь он, как пишет поэт: «Незванные слезы обратно втирал кулаком»:

*Бывали и медные трубы,
Но чаще огонь и вода.
Бывали и жаркие губы,
И пресные, как лебеда...*

*Случались стихи-откровенья,
Как будто шептала их высь,
А те, как сырые поленья
С чего-то в душе не зажглись.
(Бывали и медные трубы...)*

Между этими двумя стихотворениями представлена лирика поэта, глубоко и ярко раскрывающая внутренний мир нашего современника, а так же основные мотивы его поэтического творчества – поклонение женщине, ее красоте, доброте и нежности, любовь к нашему прекрасному северному краю, к его суровой и величавой природе и еще многое, многое другое, чем полнится душа истинного русского поэта Валерия Вьюхина.

*Ты окно в весну протерла
От угла и до угла,
Ты с простуженного горла*

*Шерстяной платок сняла, -
(На голос)*

а это уже им написано о любимой женщине, без прикрас и надуманной выпренности, как у Маяковского, у которого: «Две морковинки несусь за зеленый хвостик...» – это тоже о любви к женщине, когда некая яркая бытовая деталь добавляет трепетной жизненности в показ отношений между любящими людьми. Как известно, голландский живописец Винцент Ван Гог, знавший толк в плотской любви, считал, что: «Жизнь без любви – греховное и безнравственное состояние». Лирический герой В. Вьюхина без любви не может, не может он жить и без мимолетных влюбленностей:

*Мелькнула тенью светлолицой
И не оставила следа,
Но с красотой, как с уликой,
Тебе не скрыться никуда.
(Богиня)*

Наиболее ярко любовную лирику в книге представили такие стихотворения как «О тебе», «Богиня», «На голос», «В глазах», «Ожидание», «Я жгу наши письма от страха...» и другие.

В разные годы В. Вьюхин издал четыре сборника стихов «Тяготение» (1973), «Кровная связь» (1978), «Земное небо» (1982), «Поколение» (1991), которые выходили, как в Сыктывкаре, так и в Москве. Он член Союза писателей России, Заслуженный работник культуры Республики Коми. Сейчас работает ведущим редактором Научного архива КНЦ УрО РАН.

Но было в судьбе Валерия Николаевича и такое, что на протяжении многих лет он поднимал в небо пассажирские лайнеры. Вот откуда появляется в его поэтическом творчестве мотив полета на самолетах, и всего того, что с этим связано. «В лучших стихах, - писал о нем в своей книге «Литераторы земли Коми» известный литературовед В.И. Мартынов, - поэт ощущает связь настоящего с историей, стремление быть на быстрине жизни. Радости и горести сограждан ощущаются поэтом как глубоко личное, им самим пережитое». Небу посвящены несколько стихотворений сборника: «Бывали и медные трубы...», «В зенит», «Старый самолет», «Трасса», «Ночные самолеты». В них романтика неба переплетается, с земной брэнностью нашего существования:

*Распластав перебитые крылья,
Самолет доживает свой век.
Он стоит, засыпаемый пылью,*

*В окруженьи таких же калек.
(Старый самолет)*

Французский философ-моралист Мишель Моктень писал о жизни: «Жизнь сама по себе – ни благо, ни зло: она вместилище и блага и зла, смотря по тому, во что вы сами превратили ее». А Л.Н. Толстой однажды отметил, что «В судьбе нет случайностей, человек скорее создает, нежели встречает свою судьбу...» Задумывается над этими философскими категориями, как «жизнь», «судьба» в своем поэтическом творчестве и В. Вьюхин:

*Когда повсюду тернии,
И взглядов пламень злой,
Быть хочется примернее
перед своей судьбой...
(Судьба)*

Или в другом стихотворении, которое называется «О жизни», поэт возмущен инертной бездеятельностью большинства людей, а ведь он сам, а, значит, и его лирический герой, как писал В.Н. Демин: «...любит людей, которые живут на этой неласковой земле, потому что на них можно положиться. Они выдюжат в экстремальных условиях, они придут на помощь, спасут погибающего...», однако:

*Но все-таки тысячи тысяч
На свете живут кое-как.
Не каждый торопится высечь
Судьбы отличительный знак.
(О жизни)*

Американский философ, эссеист Уолдо Ралф Эмерсон считал, что: «Нравственное воздействие природы на любого человека измеряется правдой, которую она ему открыла». Судя по обилию стихотворений в сборнике В. Вьюхина «О тебе», посвященных северной природе («В лесу», «Сосны», «Осенняя тайга», «Вымские берега», «Северный пейзаж», «Ранняя осень» и др.), она много поведала поэту своих тайн о правде жизни. Природа в его стихах – живое существо, которое существует рядом с человеком по своим неизменным законам временного круговорота:

*Листою лето отшумело,
Забилось долгим, тихим сном.
И осень ранняя несмело
Крадется в холоде ночном.*

*И все яснее слышит взмахи
Крыла отлетного земля,
И в полинявшие рубахи
Оделись утром тополя.*

Сборник стихов В. Вьюхина «О тебе», замечательно оформленный художником О. Велигжаниновым получился светлым и добрым, как сам поэт. Он изобилует сочным своей смелой образностью, исконно русским словом, интересен затрагиваемыми темами, тонким психологизмом портрета лирического героя и авторской самобытностью. Его выход в свет, думается, не останется незамеченным ни читательской аудиторией, ни творческой интеллигенцией республики. «В. Вьюхин, - как писал о нем В.Н. Демин, - поэт неброской, но искренней красоты, который стремится открыть подлинное, который не разменивается на внешнее, показное, но несет в своей поэзии любовь к настоящему». Его стихи прокладывают к душам людей в сугробах и метелях нашей суматошной жизни свои зимние стежки с надеждой на весну, с надеждой на возрождение великой русской литературной традиции...

*Души предавать сокровенные тайны!
Довольно подслушивать голос из сердца
И рифме и ритму его подчинять!
Ужели, заставлю словами скупыми
Проснуться и вздрогнуть ослепшее сердце?... –*

так написала в одном из своих стихотворений Вероника Тарбаева. Ей, действительно, удалось подарить "мертвой" бумаге, а, значит, и нам всем живое слово своей поэзии и дать насладиться ею, дать прозреть, может быть действительно, ослепшему в суматохе нынешних дней нашему сердцу.

Вероника Тарбаева – имя в литературе Республики Коми новое и критиками пока не "обласканное". Однако, с выходом в свет в Санкт-Петербурге в конце 2002 года в Производственно-полиграфическом предприятии "ШиК" ее поэтического сборника "Миры открыты радостному сердцу" появился повод для разговора о ее литературном творчестве, о том пути, который этот автор выбрал в поэтическом пространстве нашего региона. Тем более, что около двух сотен стихотворений, более тридцати из которых написаны на английском языке, и две мини-поэмы, подражания Пушкинскому "Евгению Онегину" предоставляют автору сделать серьезную заявку на то, чтобы обозначить свое имя на республиканском литературном Олимпе.

Сборник стихов "Миры открыты радостному сердцу" с нежными цветами на обложке, открывает читателю двери в поэтический мир Вероники Тарбаевой строчками:

*А жизнь и многограннее и проще,
Чем этот поэтический туман,
Невольный, может быть, обман,
Иль шутка, или что-то большее?*

Я позволю себе не согласиться с автором этих строк. В книге, которая попала мне в руки благодаря поэту Алексею Иевлеву, выстроен достаточно интересный, на мой взгляд, стройный и удивительный поэтический мир, который ни сколько не ниже самой жизни по внутреннему содержанию, образности, психологии лирической героини, богатству языка, а порой и глубже, благодаря авторской фантазии, чем сама реальная жизнь. Ибо, поэзия Вероники Тарбаевой изначально личностная и опасно для поэта автобиографичная.

Сборник снабжен большим количеством фотоиллюстраций, что еще более сближает лирическую героиню с личностью самого автора книги. Хочется сразу отметить, что многие ученые пытаются выразить себя еще и в поэтическом или прозаическом, в общем, художественном амплуа. Это, вообще-то, свойственно русской научной интеллигенции. Но большинство из них так и остается участником ведомственных альманахов, стенгазет или героем-рифмоплетом вечеров и "капустников". Так вот, на мой взгляд, лирика Вероники Тарбаевой выходит за эти узкие рамки, так называемой "кухонной" поэзии, благодаря поэтическому таланту автора книги стихов "Миры открыты радостному сердцу", став культурным достоянием республиканского литературного процесса.

Вероника Михайловна Тарбаева – состоявшийся ученый биолог, опубликовавший свою первую научную статью еще во время учебы в школе. Вот что написала о ней в газете "Республика" под рубрикой "Ах, какая женщина!" поэт и журналист Марина Щербинина, ее статья и предваряет исследуемый сборник:

"Вероника Тарбаева – доктор биологических наук, профессор, заведующая кафедрой ботаники СГУ. Не кривя душой, можно сказать, что Вероника Тарбаева – практически первая "биологиня" России, защитившая докторскую диссертацию в тридцать четыре года. "Жизнь так коротка, а нужно успеть так много сделать хорошего!" – любит повторять Вероника. Да, надо сказать, что она успела немало: закончить химико-биологический класс физико-математической школы при Ленинградском государственном университете, музыкальную школу по классу скрипки, биологический факультет ЛГУ, потанцевать в школе современного балета при джаз-клубе "Квадрат", сыграть город-

скую сумасшедшую в спектакле Питера Вейса на сцене студенческого театра, опубликовать стихи и рассказы в нескольких сборниках и далее... и далее... и далее..."

Если быть точнее, то стихи и проза Вероники Тарбаевой выходили в свет в литературных сборниках и альманахах "Моя звезда была Полярной", "Давно пора остепениться", "Дорога с грустным перекрестком", "Первоцвет" и некоторых других.

Книга "Миры открыты радостному сердцу" состоит из нескольких разделов: "Из цикла "Детские и школьные стихи", "Из цикла "Ранние студенческие стихи", "Цикл "Замуж не напасть, как бы за мужем не пропасть", "Цикл "Ленинградский государственный университет, 1981-1983 годы" и Питерский цикл Ю.Ф.", "Цикл "Ранний сыктывкарский период"(1983-1985), "Институтские капустастики (КФАН СССР, 1984-1992 годы)", "Больничный цикл", "Из цикла "Ветер перемен"(1994-1996 годы), "Стихи, посвященные друзьям", "Цикл "Киммерийское лето"(1996 год), "Цикл "Семь кругов судейского ада" (2000-2001), "Валдosta, Джорджия, США, август-декабрь, 1999 год", "СГУщенка в моей жизни 1997-2002 годы", "Сана-вожские стихосложения (2001 год), "Из цикла "Туда и обратно" (поезд "Россия" Владивосток-Москва, 2002 год), "Стихи, посвященные М. Тарбаеву" и другие.

Лирика Вероники Тарбаевой – это истинно женская поэзия, которой свойственны мотивы, связанные с показом внутреннего мира лирической героини, с ее любовными переживаниями, где, исходя из русской ментальности, любовь к мужчине обязательно связана с болью, как, например, это показано в стихотворении "Голос плоти":

*Внутри лишь сплошная боль,
Здесь негде теплу поселиться,
И я ей шепчу: "Позволь
Мне грезой любви насладиться..."*

И любовь эта распространяется не только на любимого мужчину, но и на окружающий поэта мир, отдельные детали которого, тоже включаются в любовный мир лирической героини, а, значит, принадлежит безраздельно только ей:

*Я с восторгом бросаюсь
Прямо в воду с головой,
И до дна достать пытаюсь,
Чтоб сказать ключу: "Ты – мой!"
Спрятан ключ на глубине,
В темно-синей тишине.*

Интересен, на мой взгляд, в этом стихотворении "Ичеттукчи" образ "темно-синей тишины" омота, он как нельзя лучше, раскрывает природу речушки, в которой "...много в ней бьет ключей из-под камней..."

В цикле "Семь кругов судебного ада" боль лирической героини, личная боль поэта, за сына, по роковой случайности, попавшего в беду, ведь в России, как говорится, никто от сумы и от тюрьмы не зарекается, перерастает в гражданскую боль человека, ответственного за судьбы всей страны. В следствии чего и рождаются у Вероники Тарбаевой строки:

*Небо серо, и дождик с утра,
А на сердце мне камень от сына,
Как избавить его от суда?
Ожидание так опостылело.
И надежды лишь теплится луч,
В церкви свечи уже догорают,
А в России коррупция, путч,
Наши дети в Чечне погибают...*

Так, казалось бы, личная трагедия автора дает почву для более широкого и глубокого осмысления политической ситуации в современной России. При прочтении этого цикла, на память приходят стихи Анны Ахматовой и Марины Цветаевой, посвященные своим детям, попадавшим в подобные ситуации.

В книге достаточно много посвящений, но, особенно, обращают на себя внимание тонким лиризмом и нестандартной образностью строки, посвященные мужу поэтессы, Михаилу Тарбаеву:

*И снова две свечи,
Распахнутая дверь,
Но комната мертва
Из пропасти молчаний.
А за окном дожди
По клавишам потерь...
И порванная нить
Мечты первоначальной.*

Когда читал книжку стихов Вероники Тарбаевой "Миры открыты радостному сердцу", показалось, что изначально она задумывалась автором, как подведение некоего итога всему поэтическому творчеству. Этим, думаю и можно объяснить соседство под одной обложкой откровенно слабых, незрелых, ученических текстов, датированных серединой и концом семидесятых годов прошлого века с удивительной,

подкупающей своей искренностью и общечеловеческим, философским осмыслением жизни поэзией состоявшегося, вдумчивого автора (Прощание с Балхашем):

*Ты уехал, и ночь почернела в тоске,
Вот и сердце мое, как пустой переулок,
Лишь клюет чей-то шаг в тишине, вдалеке,
Чей-то шаг запоздалый, тревожен и гулок.
Я пытаюсь уснуть, но никак не могу,
Ощущение жгучей пылающей страсти,
Когда тело твоё, прикипев к моему,
Исторгало желание сладостной власти...*

Чтобы не быть голословным по части ученичества и для сравнения, чтобы дать читателю вполне ощутить насколько вырос автор со времени своих первых опытов в поэзии, приведу четверостишие из стихотворения датированного 1977 годом:

*Может все это куда-нибудь забросить,
Может быть, уйти, куда глаза глядят.
Ну, зачем мне это высшее с дипломом,
Место чье-то в жизни занимать?*

Конечно же, присутствие подобных текстов в таких нечастых в наше время поэтических сборниках спорно, но в смысле изучения творческого роста поэта, думаю, в данном конкретном случае – обосновано. Хотя, в дальнейшем хочется пожелать автору более избирательно подходить к публикуемым стихам.

Не буду анализировать, ввиду исключительно слабого знания каких бы то ни было иностранных языков, стихи написанные на английском языке. Только выражу надежду, что, если они так же талантливы и качественно исполнены, как английские тексты Иосифа Бродского, то автора ждет и мировая известность. А так же стихотворные тексты, написанные для конкретных стенгазет, юбилеев и капустников, ввиду их малой художественной ценности. Скажу лишь о том, что написание "стихов в альбом", схожих по предназначению, уходит своими корнями в 17 век. Необходимость такой поэзии обусловлена чисто бытовым и прикладным ее использованием в определенных житейских ситуациях и тоже имеет право на жизнь в той или иной степени в зависимости от жанрового качества произведения. Но, мне кажется, в лирическом сборнике таким текстам не место.

Огромное, на мой взгляд, влияние на поэтическое творчество Вероники Тарбаевой оказали ее периоды пребывания в Америке. В это время в ее творчестве превалирует мотив тоски по дому, по при-

вычной обстановке, по своим близким, что свойственно любому человеку (Горы ВУ):

*Радуюсь безумно, безудержно,
Получая письма от друзей,
Письма мужа я целую нежно,
И ответ пишу ему скорей.*

Она восхищена всем новым, что предстает взору поэта (Сели в Нью-Йорке):

*Сели в Нью-Йорке. Толпы людей.
Негры с дубинками строят в шеренги,
Мы в ожидании багажей
Нервно стоим, и трясутся коленки.*

Живо описывает автор сборника "Миры открыты радостному сердцу" поразивший ее воображение своим величием Атлантический океан, но в нем она видит всего лишь природную стихию, которая когда-нибудь все равно подчинится человеку (Атлантический океан):

*Ты год за годом отнимал
У Флориды прекрасный берег,
Не созидал, а разрушал,
И в своей мощи был уверен.
Но гнев на милость изменив,
Ты ласки просишь, как котенок,
Барашки, белые твои,
Мне в ноги тычутся спросонок.*

Вообще, описание природы, ее красоты занимает немалое место в творчестве поэта. Раскрытие и осмысление темы навеяло автору не мало замечательных строк (Начало):

*В мокром марте запахло весной,
Поредела туманная мгла,
До березы дотронься рукою,
Как кора под ладонью тепла.
Выше неба лазурного купол,
Оседает и плавится снег,
И во сне телеграмму отстукал
Пестрый дятел на старой сосне.
Шубы снежные сбросили ели,
Пробудившись от долгого сна.
И со звоном хрустальной капли*

К нам на Север приходит весна.

А это уже городской пейзаж:

*Вокруг меня дома многоэтажные.
И тополя среди них стоят, сутулятся,
Как дирижеры важные-преважные.
И дождь лишь аплодирует распутице.*

Природа и человек в стихах Вероники Тарбаевой взаимодействуют, как одно живое существо с общими интересами сохранения и улучшения жизни на планете Земля.

Несколько стихотворений в сборнике, такие, как "На нашей дискотеке", "А. Шнитке. Concerto Grosso", "Я слушаю джаз", "На смерть Джона Леннона", посвящены мотиву музыки в жизни человека. И этот мотив присутствует в поэтическом творчестве В. Тарбаевой не просто, она знает музыку, несколько лет изучала ее в музыкальной школе, танцуя в балете при джаз-клубе. Не оставят равнодушным внимательного читателя и музыкальность стиха автора книги "Миры открыты радостному сердцу", народная песенность некоторых ее стихотворений.

Отсюда, видимо, и стремление автора спародировать некоторые известные песни, так сказать, перепеть их на собственный лад. Из-под пера В. Тарбаевой вышли в свет такие стихотворения как "Все усталые девчушки сладко спят...", "По полю грабли грохотали...", "Ой, стоит копейка в поле у ручья..." и другие. Юмор в поэтическом творчестве В. Тарбаевой заслуживает отдельного разговора, поэтому не буду загружать литературоведческими выкладками небольшую рецензию, лишь скажу, что в сборнике присутствуют басни, написанные по мотивам Пушкинских стихотворений, а некоторые посвящения коллегам по научной работе сродни хорошо написанным стихотворным шаржам.

Несколько стихотворений "Ожидание вертолета", "Протест", "Инструкция по предзащите кандидатской диссертации" раскрывают в поэзии В. Тарбаевой мотив "романтики поля" и "романтики научного руда", научных экспедиций.

Ни в коей мере не претендую на академичность этих критических зарисовок, но все то, что написал о работе, а это именно работа, В. Тарбаевой, шло от сердца. Хочется верить, что книга Вероники Тарбаевой "Миры открыты радостному сердцу" найдет свою дорогу к внимательному читателю и будет востребована современными любителями поэзии. Ведь с выходом в свет этого поэтического сборника она открыла рожденные ее воображением и талантом творческой природы собственные миры перед нами современниками, а сама книга

В. Тарбаевой, став частицей литературного процесса республики, а, значит, фактом истории литературы, откроет их и потомкам.

Русский писатель-эссеист М.М. Пришвин однажды отметил, что: "Многие любят природу, но не многие ее принимают к сердцу, и даже тем, кто к сердцу принимает, не часто удается так сойтись с природой, чтобы почувствовать в ней свою собственную душу" – именно это, когда человек душой срастается с природой, на мой взгляд, произошло с автором охотничьих бывальщин Николаем Терентьевым. Если вам интересен ответ на вопрос, когда ухает филин, то вы обязательно прочтете его замечательные книги, которые вышли в издательстве ЗАО "Красное знамя" и были отпечатаны в Кирове. В обоих изданиях использованы фотоиллюстрации Н. Нейфельда, а талантливо оформил их главный художник Коми книжного издательства Г. Шарипков.

Недавно появившийся на полках книжных магазинов сборник "Когда ухает филин..." - вторая по счету книга Н. Терентьева, первая "Сорок привалов" увидела свет в том же издательстве в 2000 году. Обе они сложились в основном из опубликованных ранее в газете "Красное знамя" небольших по объему красочных зарисовок, рассказов и очерков об охоте и рыбалке, народных примет, пословиц и поговорок, анекдотов, связанных с природой, советов бывалого лесника и другой полезной для любителя природы информации.

Когда-то миссионер культуры, художник и русский мыслитель Н.К. Рерих сказал: "Всякое общение с природой как-то освящает человека, даже если оно выражается в такой грубой форме, как охота". Парадокс обеих книг прозы Н. Терентьева и "Сорока привалов" и "Когда ухает филин..." заключается в том, что автор вроде бы почти все свои бывальщины, рассказы, зарисовки и очерки посвящает теме охоты и рыбалки, но пишет об окружающей нас природе, тайге, реках, озерах с такой искренней любовью, что просто дух захватывает. Ведь "Природу побеждают, - как мудро заметил английский философ Фрэнсис Бэкон, - только подчиняясь ее законам".

Николай Михайлович Терентьев родился в 1948 году в печорском селе Усть-Уса. Закончил Печорской речное училище, работал начальником изыскательской русловой партии, в редакции Троицко-Печорской районной газеты "Заря". Сейчас он ведущий специалист комитета по охране природы в Троицко-Печорске. Он знает и беззаветно любит Припечорье, его уникальную природу. Его рассказы, очерки, этюды о природе как бы наполнены солнечным светом добра и любви к обитателям лесов и рек.

Вот лишь небольшой кусочек его проникновенной прозы, написанной языком литератора тонко чувствующего свою родную речь, ту магию русского слова, которая не каждому маститому-то писателю под силу бывает:

"Густой туман окутал все вокруг. Даже в десяти метрах не видно нашей палатки. Сильнее запахло прелой травой,. Вроде, тихо, но прислушаешься, и... в кустах что-то шуршит. В лесу кто-то возится, на озере плещется... На миг охватывает такое чувство, будто к тебе подкрадывается большое, невидимое животное. Но я-то знаю, что на озере в эту ночь из глубины выплыли на нерест щуки. В кустах шуршат прошлогодней травой мыши. В лесу на полянке собрались на брачные игры зайцы. Чу, слышу... на высокой сосне переступает с ноги на ногу в ожидании рассвета глухарь. Может, я ошибаюсь, может это сама земля-матушка в эту ночь скидывает с себя оковы, просыпается от зимней спячки и, сладко потягиваясь, вздыхает в истоме..." (И наступила ночь).

Вот уж воистину, читая подобные строки, словно ополоснул лицо в чистых водах лесного ручья, а душу окунул в купель богатого на ассоциативную образность истинно народного русского языка. Особенно, на мой взгляд, в новом сборнике Н. Терентьева, писателю удалась рассказы: "Третье желание", "Схватка за поселком", "Охота... со слезами на глазах", "Прогулка за Печору", "Тайна одноглазого карася" – в которых он показал себя зрелым, состоявшимся прозаиком, со своим видением окружающего его мира людей, и мира природы, со своим ярким художественным словом и богатейшим жизненным опытом.

А еще в прозе Н. Терентьева очень много доброго деревенского юмора, который придает текстам особенную ажурность и легкость.

В полной мере к прозе Николая Терентьева, опубликованной в сборнике "Когда ухает филин..." можно отнести слова знаменитого русского писателя К.Г. Паустовского о том, что "Природа будет действовать на нас со всей силой только тогда, когда мы внесем в ощущение ее свое человеческое начало, когда наше душевное состояние, наша любовь, наша радость или печаль придут в полное соответствие с ней и нельзя будет отделить свежесть утра от света любимых глаз и мерный шум леса от размышлений о прожитой жизни..." Именно это, на мой взгляд, и произошло с книгами Н. Терентьева, с ним самим, произойдет и с теми, кто прочтет оба его прозаических сборника "Сорок привалов" и "Когда ухает филин..."

«Поэзия – это душа подвига, обращающего красоту в добро» – так словами замечательного русского писателя М.М. Пришвина можно охарактеризовать выход в свет в 2003 году в издательстве «Полиграф-Сервис» книги стихов сыктывкарского автора Аркадия Калимова «Мой Север белокрылый». Этот сборник открывает красивое своей бесхитростной любовью малой родине стихотворение:

*Мой Север белокрылый,
Любимый сердцу край!*

*Душе моей открытый
Земной блаженный рай.*

*Крещенские морозы,
Февральская метель,
Абсурдные узоры,
Апрельская капель.*

*Из синя-синь разливы
Его могучих рек...
Не правда ли, красиво,
А, добрый человек?
(Мой Север белокрылый)*

«Демографическая и экологическая ситуация, существующая в последние годы в республике, - отметил в своей рецензии на книгу поэт Юрий Ионов, - это боль автора за свой народ. Стихи последних лет имеют особенно философское звучание. Здесь не только обычные земные переживания и более глубокое проникновение в образы, но и приход автора к Богу». В стихотворении «Реквием» поэт призывает:

*И дух мой витает над лесом,
А я прохожу вдоль берез,
И снова сражаюсь я с бесом
Без чувства, без сердца и слез.*

*Так пойте ж церковные песни,
Гармонии звуков канон.
Дух Божий услышь с поднебесья
Набат и малиновый звон.*

Известный российский поэт Андрей Вознесенский однажды заметил по этому поводу: «Пишешь и чувствуешь, что общаешься с небом... А это человеку необходимо сейчас...».

Далее, Ионов замечает, что: «Стихи о любви, о борьбе Добра со Злом, о цене духовной свободы имеют право быть напечатанными и найдут своего читателя». Аркадий Калимов находит исключительно свои краски, для отображения любовного чувства, этим и интересна, на мой взгляд, его любовная лирика:

*Они кружились в танце не спеша,
Как будто это сцена из балета,
И музыка Чайковского слышна,
А ночи белые, что ярче лампы света.*

(Лебеди)

Аркадий Пантелеймонович Калимов родился 21 июля 1940 года в глухой деревеньке Вольдино Усть-Куломского района Республики Коми в многодетной семье. Чтобы не умереть с голоду в годы Великой Отечественной войны мать отдала ребенка в семью дальних родственников, которая жила тогда в поселке Асфальтовый Рудник (Ухтаижемлаг) под Ухтой. Там мальчика и усыновили. После окончания школы А.П. Калимов поступил в Сыктывкарское музыкальное училище. И уже со второго курса начал трудиться в Государственном театре оперы и балета сначала артистом, а затем почти тридцать лет на административно-творческой работе. Много сил и здоровья Калимов отдал работе в учреждениях культуры и искусства, особенно во время длительных гастролей с театром и коллективами Коми республиканской филармонии.

Жизнь поэта не была простой, вот что он о ней пишет в одном из своих стихотворений:

*Не виноват, что я родился здесь,
Мать не виню я из глухой деревни,
Что сердцем и душой, корнями – весь
Я врос по пояс в Северную землю.*

*Себе я родину не выбирал.
И не искал я в мире лучшей доли.
Я здесь свою культуру создавал,
Хоть не играл в ней значимые роли.*

*Я свой родной язык не забывал...
Ведь он и есть стило всего народа.
Частицы сердца людям раздавал...
Я коми человек, я часть природы
(Не виноват я, что родился здесь...)*

«Мой Север белокрылый» – второй поэтический сборник А.П. Калимова. Первый «Сосна» вышел в 2000 году в издательстве «Миянкыв». В нем были опубликованы стихи, написанные в разные годы с 1962 года. Вот что об этой книге написал Юрий Ионов: «Собранные здесь стихи Аркадия Калимова разных лет интересны, очень разнятся и виден духовный рост. Не спутаешь бесхитростные юношеские стихи 60-70-х годов со стихами 90-х годов. Главное в них во многом философское отношение автора к жизни, к природе, переосмысление происходящих перемен».

А еще стихи Калимова публиковались в эстонском журнале «Талин» и в трех выпусках литературно-художественного альманаха «Сыктывкар» (2001, 2002, 2003), выпускаемом Управлением культуры столичной администрации, а также в республиканских и районных газетах. Не даром именно Сыктывкару он посвятил одно из своих самых лучших стихотворений:

*Город мой, моя надежда,
Ты раздумья, боль моя,
Чист зимою, как невеста
В серединке января.
Я люблю твои рассветы,
Летом мой ты и зимой,
И не слушаю наветы...
Буду я всю жизнь с тобой!
(Сыктывкар)*

В поэтическом сборнике «Мой Север белокрылый» автор представил на суд читателей небольшую поэму «Россия», которая состоит из четырех частей («Времена», «Полистрадания», «Воспоминания» и «Печальные думы») и охватывает почти все сферы современной народной жизни, его страдания. И он не одинок в стремлении провинциальных авторов, таких как Н. Мирошниченко и В. Подлuzский, тоже создать свои поэмы, раскрывающие их видение извечной российской проблемы: «Как мы жили, и как начать жить правильно...» Может быть, «глобальности» Калимову и не хватает, по сравнению с названными выше авторами, но свои мысли он выражает достаточно конкретно и образно:

*Чтоб Солнце всем светило беспрестанно,
Но как-то странно...
Земля лишь ускоряет бег.
Куда несемся мы?
Наступит ли прозренье?
Ведь всем дана одна лишь только жизнь.
Иль так и будем жить, надеясь на везенье?
А может, просто мы привыкли ныть?
Не думать, не творить и не предвидеть,
Что будет с Миром, матушкой Россией,
Иль попросту сказать, как дальше будем жить?*

Поэтический мир автора, его манера выражать себя, свои мысли и чувства интересны в первую очередь самобытностью и оригинальностью поэта, национальным колоритом, который он старается

предвнести в свое поэтическое слово. Этим, на мой взгляд, новая книжка и будет интересна читателям. А в заключение предоставлю слово самому автору. Вот, что он написал в предисловии к своему новому сборнику стихов:

«К серьезному творчеству, если можно так выразиться, меня подтолкнули не только мой лирический склад характера, любовь к природе, музыке, но, прежде всего, думы о чаяниях народа и потрясениях, происходящих сегодня при переустройстве России. Поэт-гражданин, как мне кажется, обязан отобразить свою эпоху через проникновение в образы, конкретизируя мысли народа...» И в этом, думается, и есть правда жизни в поэзии Аркадия Калимова, в этом и есть его восприятие своего белокрылого Севера, своей географической, духовной и национальной родины.

Выход в свет с печатных станков сборника прозы и поэзии Андрея Петровича Евстюничева «Северо-Двинская магистраль» подтвердил то, что «гулаговская» тема в русской литературе Республики Коми еще не исчерпала себя, а пополняется новыми литературными произведениями.

«В своих рассказах и стихах автор, - отмечает во вступительной статье М.Н. Вологдин, - размышляет о войне, победе над врагом, любви, ненависти, преданности, патриотизме, о сталинских репрессиях, охвативших всю страну... Но даже в тех условиях народ выстоял, не потерял чувство патриотизма, все вынес на своих плечах, чтобы победить в кровавой войне с фашизмом...»

Андрей Петрович Евстюничев является автором мемуарной повести «Наказание без преступления», документального исследования «Уничтожение России» и сборника стихов и рассказов «И кровь, и слезы, и любовь», вышедшего в 2000 году в издательстве «Эском». В 2003 году он представил на суд читателей свою новую книгу, в которой центральное место занимает документальная повесть «Северо-Двинская магистраль». В ней автор, очевидец тех страшных событий, описывает недавнюю историю нашей страны, связанную с гулаговской системой строительства экономики силами заключенных, в частности, постройки железнодорожной магистрали. Постройка участка железнодорожного полотна от Коноши до Котласа была необходима для перевозки воркутинского угля.

В повести рассказывается о некоторых событиях, которые привели действующих лиц на строительство железной дороги в «Севдвинлаг». В ней главный герой Алексей и его товарищ по несчастью Николай, попавшие в лагерь по политической статье за надуманные дела, как «враги народа», проходят сквозь голод, холод и примитивные условия труда. Повесть состоит из вступления, эпилога и нескольких частей, которые называются «Бакарицы», «Строительство дороги» и «Воровские разборки». Отличительным элементом ав-

торского письма у Евстюничева является то, что он в своих художественных текстах практически не использует диалоги.

Немецкий писатель и публицист Людвиг Карл Берне отмечал, что «Всякий человек любит свободу, с той лишь разницей, что справедливый желает ее для всех, а несправедливый только для себя». Активная позиция автора повести неприятия «гулаговской» системы существования человеческого общества говорит сама за себя. Мемуарная проза Евстюничева сильно политизирована, что, впрочем, не умаляет ее художественной ценности для регионального литературного процесса. В новой повести А.П. Евстюничева так же как это было и в «Наказании без преступления» много описаний бытовых сцен жизни заключенных, порой страшных, но искренних своей правдивостью. Приведу лишь небольшой отрывок текста документальной повести «Северо-Двинская магистраль»:

«В ответ на эту акцию через некоторое время, уже суки изловили одного из подозреваемых воров. И прямо днем в рабочее время на виду у всех, держа за ноги и за руки, на циркулярной пиле вдоль туловища распилили жертву на две половины. Вор страшно кричал, звал на помощь, сопротивлялся как мог... Но все было бесполезно. Пилой вырвало его внутренности. Ноги, руки, грудь, голова окровавленные лежали по обе стороны пилы.

В ту же ночь в одном из бараков раздались крики и ругань. Группа воров, потушив свет и пробравшись в барак, где жили суки, стала рубить их сонных топорами. Прибежавшая охрана пыталась разогнать дерущихся, но удалось это сделать лишь открыв стрельбу на поражение. Убитых и раненных с обеих сторон враждующих группировок насчитали около тридцати человек.

Это событие ни на шутку встревожило администрацию лагеря. Дело дошло до Москвы. Вскоре прибыла спецкомиссия. Началось следствие с допросами всех заключенных в зоне. Воров и сук изолировали друг от друга в разные помещения под усиленной охраной. Впоследствии участников побоища судили закрытым судом, некоторых потом расстреляли. Остальных отправили по разным штрафным лагерям ГУЛага...»

Великой Отечественной войне в разделе прозы книги А. Евстюничева посвящены несколько рассказов «Они защищали Родину», «Штрафной батальон», «Долина смерти». В них война показана в несколько необычном для русской литературы республики ракурсе. Писателю пришлось повоевать в составе штрафного батальона, а это, поверьте, совсем не та война, о которой показывают в кинофильмах советской эпохи. В этих рассказах война еще страшней, еще неприглядней, чем в романах и повестях Быкова, Карпова и Бондарева, а если вспомнить республиканских авторов, то и в романах и повестях А. Клейна (Дитя смерти) и Ю. Коврижных (Черная метка).

Остальные представленные в сборнике рассказы, очерки и зарисовки, посвящены послевоенной жизни страны и несколько из них воспоминаниям деревенской юности А.П. Евстюничева. Особенно, на мой взгляд хорошо выписаны такие из них, как «Воскресший», «Смерть моряка», «Зимняя рыбалка», «Морошка», «Охота на лося» и другие.

В сборнике представлен обширный раздел поэзии, который составили сто тридцать два стихотворения. Многие из этих поэтических текстов, посвящены темам ГУЛага («Мученица Анна», «Сталинские колхозы», «Дорога в ГУЛаг», «Я видел сам...» и другие) и Великой Отечественной войне («Я знал войну», «Штрафной батальон», «Женщины во время войны», «Бой под Новоржевом», «Ко Дню Победы», «Конец войне» и другие), где:

*Капли мелких, холодных росинок
На траве придорожной блестят.
На тропе от солдатских ботинок,
Осыпаясь, они шелестят...*

Но есть среди представленных стихов и любовная лирика («Вернись», «Дарю себя», «Люблю», «8 марта», «Я жду прощенья твоего...» и другие). В этих стихотворениях поэт восторгается своей любимой. А как отмечал Михаил Пришвин: «Переживая любовь, человек переживает всю историю культуры человечества, начиная от каменного века и кончая возможностями, заложенными в его личности». Вот и родились у поэта строки:

*Я ждал тебя. Часы ползли устало,
Быстрее себе позволить не могли.
Всю ночь твой голос сердцем слышал талым,
И грезил, вот они – шаги...
Я ждал тебя. Прозрачен, свеж и светел...
День пролетел пугающий, с грозой.
В немой тоске я грустный вечер встретил,
Его, омыв осеннею слезой.*

Откликается в своем поэтическом творчестве А. Евстюничев и на современную жизнь, происходящую в стране. Так появились из-под его пера стихи «Гибель атомной подлодки «Курск», «Война в Чечне», «Есть в России такие семейства» и другие.

В заключение хочется отметить, что книга стихов и прозы Андрея Евстюничева «Северо-Двинская магистраль» – несомненная творческая удача автора, которая своим выходом в свет вписала в историю литературы Республики Коми свою самобытную страничку.

Писатель показал нам те долины смерти, которые связаны с войной, пленом, ГУЛагом, издевательским процессом реабилитации и отмены несправедливого приговора, причем, уже после принятого незаслуженного наказания. Те долины смерти, которые видел сам. И сделал это по-своему, самобытно, живым русским словом, а, как однажды заметил поэт Андрей Вознесенский: «Язык – это для поэта все...».

Однако, хочется отметить, что книга А. Евстюничева, не смотря на все показанные в ней ужасы человеческого бытия в экстремальных условиях войны, плена и лагеря, все-таки не оставляет после прочтения гнетущего чувства. Перелистнув ее последнюю страницу сердцем начинаешь чувствовать, как его долины смерти превращаются в долины жизни, населенные литературными образами и героями, которые устремлены к другой светлой и доброй жизни, что неминуемо, по мысли автора, ждет их впереди.

"Судьба определила Анатолию Илларионову стать поэтом. И этот счастливый и, в то же время, тяжелый крест он несет всю свою жизнь. Он уже и не помнит, когда родилось первое стихотворение. Наверное, когда впервые осознал, в каком огромном и красивом мире посчастливилось жить. Это радостное чувство любования окружающим не проходит у него до сих пор", – так написано в предисловии к книге стихов Анатолия Илларионова "Осенним светом", вышедшей не так давно в ООО "Региональный Дом печати". В сборник вошли семь десятков поэтических текстов, начинается он трогательным стихотворением живописующим жизнь на богом забытом полустанке:

*Живу не в городе – в глуши,
Такая выпала планида.
Здесь все, что надо для души
И нету ничего для быта.*

*А именинники судьбы,
Что иногда в гостях бывают,
Со вкусом хрумят грибы
И водку морсом запивают.*

*Что по течению плыву
Им, захмелев, я сочиняю.
Что на болоте не живу,
А просто клюкву собираю...*

"Анатолий Илларионов свои первые стихи опубликовал в Ухте, - написал в своей книге "Литераторы земли Коми" известный литературовед В.И. Мартынов, - затем подборки его стихотворений публиковались в коллективных сборниках "Северный автограф" (1986),

"Диалог под звездами" (1990), "Отражение" (1994), альманахах "Белый бор" и "Сыктывкар". Афористичность с сугубо реалистическим подходом к явлениям жизни характерна для лирики Илларионова..." И с этим выводом литературоведа трудно не согласиться, ведь поэт пишет:

*Под вечерними березами
Посижу на старом пне.
Утонули звезды в озере,
И душа моя на дне.*

Единение человека и природы – один из главных мотивов поэтического творчества Анатолия Илларионова. Его лирического героя можно встретить в тайге и на озере, в тундре и плывущим в лодке по реке. И каждый раз природа раскрывается перед ним своими новыми красками, будь то осень, весна, зима или разгар лета. Его стихи воспевают неброскую красоту Севера:

*Октябрь, я рад твоей погоде,
Ты дождиками не мутил,
Рассыпал клюкву на болоте
И небеса посеребрил.*

*Морозец утренний сердился,
Но шапку к полудню снимал.
Голубоватый снег кружился,
Но до земли не долетал...*

"Коми край красив и своеобразен, - отмечал в одной из своих статей В.А. Стромцов, - Только некогда нам в повседневной суете остановиться и прислушаться к нежному лепету ручья, вдохнуть сухой зной жаркого лета, утонуть в роскошном багрянце осени, увидеть, как тает на ладони воздушная снежинка. Анатолий Илларионов живет в этих звуках, красках, запахах, облекает их в поэтическое слово и старается донести до нас. Его чуткая душа идет дальше содержания. За всеми движениями природы он видит законы вселенной, смысл человеческой жизни. Это поэт высшей пробы".

И такая высокая оценка творчества поэта, на мой взгляд, обоснована. И обоснованность эта подтверждается его творчеством, особенно стихами, посвященными малой родине, тому месту на земле, где он родился и живет по сей день:

*Опять весна пришла туманная,
Черемуховый холодок.*

*А жизнь моя такая странная:
Один виток, другой виток...*

*Цветут цветы на майском дереве,
Как не растаявший снежок.
А я всю жизнь живу на Севере –
Черемуховый холодок.*

А родился поэт 8 мая 1952 года на станции Ираель Сосногорского района Республики Коми. В 1969 году закончил среднюю школу, служил в армии. После демобилизации учился в железнодорожном техникуме, где получил специальность оператора дефектоскопии. Последние двадцать лет работает в Ираельской дистанции пути Сосногорского отделения железной дороги. Он член Союза писателей России, автор поэтических сборников, вышедших в Коми книжном издательстве "Одиночество" (1995), "Маленькая станция" (1997). Его стихи переводились на коми и венгерский языки, выходили в свет в таких журналах как "Север" и "Наш современник".

Несколько стихотворений посвящены непосредственно поселку, в котором и живет автор:

*В нашем, забытом Богом поселке
Жизнь не покажется раем.
Люди друг другу, конечно, не волки,
Но волчьи следы за сараем.*

*Никто не борется здесь за природу,
А просто с природой в ладу.
Если и мутят чистую воду,
Так это лишь раз в году.*

"Никогда так не нужна поэзия, - написал однажды английский поэт-романтик Перси Биши Шелли, - как в те времена, когда вследствие господства себялюбия и расчета количество материальных благ в обществе растет быстрее, чем способность освоить их согласно закону души". Трудно ли, легко ли живется поэту в "забытом Богом поселке" можно понять лишь живя там. Вот, наверное, почему в стихах А.Д. Илларионова довольно часто возникает тема бытовой неустраивенности:

*Наверное, я долго жил
В плену иллюзий и химер.
Наверное, не так любил
И мир мой мал,*

И быт мой сер.

Читая подобные строки, буквально чувствуешь, как он хочет вырваться из того "малого и серого" мира, в котором жизнь как бы остановилась, и меняются только времена года. Прошлым летом поэту исполнилось пятьдесят лет. И семья устроила ему настоящий подарок, Анатолий Илларионов побывал в круизе и объехал на автобусе почти всю Европу, побывал в Париже, Берлине... А еще в МУП "Ухтинская типография" вышла в свет его очередная, юбилейная книжка стихов "Лирика", в которой А.Д. Илларионов собрал под одной обложкой пятьдесят стихотворений, написанных им с 1970 по 2002 год.

Ретроспектива поэтического творчества Анатолия Илларионова показала в развитии его путь как поэта, воспитавшего в себе умение профессионального отношения к великому русскому языку, видения самобытных образов и тематического разнообразия. А еще новая книга показала тот огромный потенциал, который дает ему право на создание новых еще более глубоких произведений. Ведь в заключение своего сборника поэт пишет, и этому хочется верить, что:

*Господи, лебеди с юга летят!
Значит, еще серебристое лето
Будет аukatь
В березовой мгле.
Значит, еще моя песня не спета
В тундре и парме,
На Коми земле.*

"И этот миг пускай продлится..." - под таким названием вышла в свет книга стихов, прозы и литературной критики Валентина Охупкина. Ее составили более тридцати стихотворений, небольшая юмористическая поэма «История государства Российского», пять рассказов и около десяти статей, посвященных А.С. Пушкину и прозаику и историку А.М. Чернецову «Гамбит Чернецова».

Проза В.Е. Охупкина («Белогорье – мое подспорье», «Колодец», «Подравнял», «Яблоки памяти», «Я оглянусь, мама») – это величальная песнь малой родине писателя. «В шестнадцатом веке, - написал он в «Белогорье – мое подспорье», - в Белгороде была обустроена граница Руси «Белгородская черта», которая стала препятствием от набегов крымцев, печенегов, половцев. Через эти места проходил знаменитый Муромский шлях. И теперь это граница России. В Великую Отечественную войну город освобождала восемьдесят девятая гвардейская дивизия – впоследствии носившая имя «Белгородская». В Москве в честь освобождения Белгорода 5 августа 1943 года был произведен первый салют. Здесь прошли мое детство и юность. Впечатления ран-

него детства сохраняются, греют душу и подобно зерну прорастают в душе человека, давая силу новому ростку. Ведь не даром говорят: «Ищите корень жизни в детстве...»

В рассказе «Колодец» автор передает те краски жизни, само настроение и бесхитростный уклад этой самой жизни в малом российском городке в послевоенное время. На его окраине «центром цивилизации», связующим эту самую жизнь разных людей в одно общее целое служил колодец. К нему ходили не только за водой, около него знакомились молодые люди, ссорились и выясняли отношения бабы, проводились гулянья и народные сходки. Об этом и рассказ, о том невозвратимом времени, когда люди были намного ближе друг другу, чем сейчас. Эта трагическая для автора мысль становится главной в рассказе, который оканчивается словами: «Застроили Харьковскую гору, асфальтировали дороги, провели газ и водопровод, но куда-то исчезли родники, и не стало нашего колодца. Ругаются по-прежнему. А вот песен уже не поют. А жаль...»

«Люди, слышали! Война кончилась! Побе-да-а!!!» – так начинается рассказ «Подравнял». И главный герой мальчишка радуется этой победе вместе со всеми, победив внешнего врага, страна еще долгое время не могла победить внутреннего – голод. В этом рассказе автор нашел неординарный сюжетный ход, он, сравнив фронтовое «войска отступили, чтобы выровнять линию фронта» из сводок Совинформбюро то, как выравнивал края оставленной родителями на ужин для пятерых человек единственной лепешки маленький мальчик и, в конце концов, съел ее совсем, показал то страшное время разрухи и голода.

В рассказе «Яблоки памяти» встречаются под любимой яблоней два друга. Жизнь уже почти прожита, но под этой яблоней, на которой друг главного героя, от имени которого и ведется повествование, привил ветви разных сортов, плодоносящих раньше или позже, и посвятил их своим любимым женщинам, забывается время. Дружья вспоминают своих любимых и философствуют о любви к женщине. Рассказ «Я оглянись, мама!» тоже о любимой женщине – о матери. О ее трудной жизни, о любви к детям, о Боге и еще о многом другом, что приходит в душу и сердце в родительском доме, когда ты уже проснулся, а вроде бы еще спишь, потому что с кухни тянет домашним уютom и запахом выпекаемых матерью пирожков.

Большинство стихов Валентина Ефимовича Охупкина написаны как тексты песен, но это ни в коей мере не умаляет их стихотворной художественной ценности. В таких стихотворениях как «Русь», «Женщины России», «Я сегодня нисколько не пьян...», «Это я, Господи...» на первый план автором выводится патриотическая тема, которая напрямую связана с верой поэта в светлое будущее нашей страны:

*Полна напастями дорога,
Враги поют за упокой.
Народ надеется на Бога,
Крестясь просящею рукой.*

*Терпеть молитва призывает,
Растленью душ дает отпор –
И Божья Матерь простирает
Над грешной Русью омофор.*

*И в исцеляющем терпении,
Уныний, страхов и сует
Придет и к нам преображенье
Увидит Русь Фаворский свет.
(Русь)*

Любовная лирика в сборнике «И этот миг пуская продлится...» представлена так же несколькими яркими стихотворениями «В этой жизни быстротечной...», «Догорает костер, и затихла молва...», «Любовь сегодня не в чести...», «Я тихонько гитару настрою...», «Шагреневая кожа» и др. Лирический герой в стихах Валентина Охупкина влюбляется страстно и верит в чистоту отношений между мужчиной и женщиной. Он словно купается в любви, он в ней гусар одновременно и галантный:

*Я тихонько гитару настрою,
И опять вам спою о любви.
Сердце другу я настезь открою:
Ах, любовь!.. Позови!.. Позови!..
(Я тихонько гитару настрою...),*

и бесшабашный:

*В этой жизни быстротечной
Мы от смерти на вершок.
Наливай-ка, друг сердечный,
За Любовь на посошок.
(В этой жизни быстротечной...)*

Когда читаешь любовную лирику Валентина Охупкина, на ум приходит высказывание известного американского психолога и социолога Эриха Фромма: «Тот, кто любит по-настоящему какого-то одного человека, любит весь мир». В отношении лирического героя

Охалкина это очень верное высказывание, он действительно живет любовью не только к конкретному человеку, а к целому миру, который окружает и его самого и объект его обожания. И начинаешь это понимать особенно тогда, когда на глаза попадаются стихи, посвященные жене поэта Валентине Александровне:

*Хочу в тебе я заблудиться,
Умом понять, не торопиться,
И этот миг пускай продлится,
Пока дышу, пока живу.
(Судьбе мне надо поклониться...)*

Вообще, в книге достаточно много посвящений (Т.И. Засухиной, В.С. Морозовой, Т.А. Кутузовой, М.Д. Жгилевой, А.С. Клейну, А.М. Чернецову, А.В. Каневу), в которых автор не только вступает в разговор со своими близкими по духу и творчеству людьми, но и дает их портретные характеристики. Вот, например, посвящение замечательному писателю историку, автору книги «Государево верхнее дело» Александру Матвеевичу Чернецову:

*Ты, боярин, вельми умный,
Мира древнего певец.
Сам «Тишайший» мне дозволил
Величать тебя Чернец.*

В сборнике представлены несколько стихотворных миниатюр, в которых автор подводит некую философскую базу, под размышления своего лирического героя о смысле земной жизни и смысле творчества:

*Пусть вашей доли не коснется
Измена – острием меча,
И в вашем сердце пусть зажжется
Любви не гаснущей свеча.*

В них порой проявляется жесткая публицистика:

*Угодила Русь на тризну:
Пораспродали Отчизну!
Грабь Россию – богатей!
...Вот реформы упырей.*

«Историю государства Российского» (подражание А.К. Толстому) сам автор определил как «народную поэму», в которой поэт в

юмористической форме рассказывает об истории нашей страны, накрепко связывая ее с теми людьми, которые в ту или иную историческую пору стоял у кормила власти. Началась эта история у В. Охупкина с Великой октябрьской революции и В.И. Ленина и закончилась в поэме нынешним Президентом России. Лейтмотивом выступили слова А.К. Толстого: «Послушайте, ребята, что вам расскажет дед. Земля наша богата, порядка только нет...» Основная мысль поэтического «повествования» заключается в последних строках поэмы:

*Так прошла уж тыща лет,
А порядка, нет, как нет,
А народ все ждет и ждет,
Кто ж порядок наведет.*

*Не взирая на покой
Написал я свиток свой
Без амбиций и причин
Раб смиренный – Валентин.
(История государства Российского)*

Заслуженный работник культуры Республики Коми, тренер и судья республиканской категории по спортивной акробатике Валентин Ефимович Охупкин сорок лет назад, женившись на коми девушке, перебрался из Белгорода на жительство в Сыктывкар, где и добился в жизни всех своих успехов. Воспитанные им акробатические пары занимали призовые места в соревнованиях различного уровня и славили нашу столицу далеко за пределами Коми края. Он председатель городской федерации акробатики почти всю свою жизнь проработал преподавателем Республиканского колледжа культуры.

При первом знакомстве с Охупкиным просто поражаешься многогранности его талантливой натуры. Но затем, узнав этого человека поближе, из-за его природной скромности, начинаешь воспринимать таким, какой он есть. В спорте - он кандидат в мастера и тренер-педагог, воспитавший ни одну акробатическую пару. Знатоки уверяют, что и в шахматы Валентин Ефимович играет на уровне перворазрядника, а то и кандидата в мастера. На одном из республиканских конкурсов бардов и исполнителей песен на стихи Сергея Есенина Охупкин занял первое место. Он виртуозно играет на гитаре и поет песни сочиненные на собственные стихи, которые просто поражают своим профессионализмом и легкостью.

А еще Валентин Ефимович Охупкин опубликовал около двадцати статей, посвященных Пушкину: "Накануне роковой дуэли Пушкин играл в шахматы", "Напорист, увертлив, неожидан и быстр", "Окрест поэта", "Заветный посох", "Безвестный портрет " и ряд других. Неко-

торые из них вошли в книгу "И этот миг пускай продлится..." Профессор-литературовед Ю.М. Лотман называл А.С. Пушкина "человеком севера", любящим лютые морозы, "унылую пору" поздней осени, когда непременно крепло его здоровье, и рука всегда тянулась к перу, а перо к бумаге. О многих увлечениях поэта можно найти упоминания в его стихах, письмах, рисунках, документах и комментариях. В том числе - и о спортивных. Со всей присущей Пушкину страстью он увлекался фехтованием, пешими прогулками, верховой ездой, стрельбой из пистолета и плаванием. Миру увлечений великого русского поэта посвящены многие статьи Валентина Ефимовича.

О Пушкине написаны сотни книг. Каждый исследователь, пытаюсь как можно точнее передать образ Александра Сергеевича, неизменно привносит в него что-то свое. Интересно, прочитав хотя бы десяток книг, попытаться выстроить обобщенный, собирательный образ поэта, как это сделал преподаватель колледжа культуры В.Е. Охупкин.

В одной из статей "Предостережение от обольщений дружбы" Валентин Охупкин касается родственных связей поэта. Известно, что Александр Пушкин был духовно близок со своим младшим братом Львом. Лев Сергеевич очень любил декламировать стихи брата и нередко давал почитателям поэта переписать их еще до издания, за что Александр Сергеевич неизменно бранил его, но исключительно любя.

В другой своей статье "Пушкин не любил стоять рядом с женой" Валентин Ефимович задается вопросом о росте поэта. Истинных ценителей и почитателей Пушкина всегда привлекали даже самые незначительные штрихи и детали его биографии. Но нередко в материалах пушкиноведов встречаются и противоречия. Особенно это касается роста Александра Сергеевича. Одни пишут, что Пушкин был мал ростом, другие доказывают, что поэт был среднего роста, но все сходится в том, что он был великолепно сложен. В письмах Пушкина к брату Льву Сергеевичу мы найдем подтверждение этому. В ноябре 1824 года он писал ему в Петербург из Михайловского: "Кстати, о тальи: на днях я мерялся поясом с Евпраксией, и тальи наши нашлись одинаковы. След. из двух одно: или я имею талью 15-летней девушки, или она талью 25-летнего мужчины. Евпраксия дуется и очень мила". В статьях о Пушкине В. Охупкина поэт предстает перед читателем обычным земным человеком, чем они и привлекательны.

Не так давно он перешагнул свой шестидесятилетний рубеж, однако, занятия спортом занимают в его жизни не последнее место. Не многие молодые люди могут поспорить с ним на водной дорожке городского бассейна. Опубликовал в местной прессе Валентин Ефимович и несколько статей, посвященных спортивной медицине "Спорт – медицина будущего", "Лечебная шагистика", брошюру «Под алым флагом «Спартака» и другие.

Личность Валентина Ефимовича Охапкина многогранна его многочисленными талантами спортсмена, тренера, барда, педагога, литератора и пушкиноведа. Наше непростое время, словно руки мастера-ювелира, ограничило алмаз его личности, которая щедро дарит людям свет и тепло души этого замечательного человека. А книга «И этот миг пускай продлится...» стала еще одним подарком современникам и потомкам, всем истинным любителям литературы.

В заключение хочется сказать, что книги Валерия Вьюхина "О тебе", Вероники Тарбаевой "Миры открыты радостному сердцу", Николая Терентьева "Сорок вечеров" и "Когда ухает филин", Аркадия Калимова "Мой Север белокрылый", Андрея Евстюничева "Северо-Двинская магистраль", Анатолия Илларионова "Лирика", "Осенним светом" и Валентина Охапкина "И этот миг пускай продлится..." – это настоящие открытые для читателя миры литературы, созданной их самобытным творчеством. И пусть некоторые их тексты бывают порой несовершенны, зато искренни и чисты. А профессионализм в писательском мастерстве достигается изнурительным трудом авторских души и сердца, с которым приходят острота мысли и реальность отображаемого мира.

Раиса КУКЛИНА

«ПРОШЕДШЕЕ ВОЗВРАЩАЕТСЯ В СНАХ»... (рецензия на рукопись)

Рукопись книги И.И. Белых «Коркояс уськодчывло вотон» («Прошедшее возвращается в снах») свидетельствует о зрелости его писательского почерка. В сборник включены рассказы, в которых проявилось умение автора художественно выразительно раскрыть сложные, отмеченные глубинным драматизмом, перипетии жизни героев, имеющие аналоги в современной действительности.

Писатель охватывает широкий спектр жизненных явлений. Мир героев – городских и сельских жителей – наполнен реальными, узнаваемыми, сегодняшними трудностями. Художественное отражение противоречий современной действительности в период интенсивного, порой мучительного, обновления очень актуально для коми прозы. В этом же направлении работает и И. Белых. В связи с этим книга может быть очень близка читателям, находящимся ныне в неустанном поиске спасительных начал в интенсивно изменяющейся жизни.

И. Белых относится к тем писателям, которые тяготеют к изображению довольно сложных, непредсказуемых и в то же время доброжелательных взаимоотношений между героями. Писатель привносит в их жизнь трудноразрешимые проблемы, показывает, как нередко

в условиях, близких к экстремальным, они ищут пути к взаимопониманию и к взаимоподдержке. Это очень актуально сегодня и важно для утверждения взаимоотношений, основанных на высоких нравственных началах.

Достоинством рассказов является наличие в них утешительных лейтмотивов. Автор умеет выразительно передавать веру своих героев в добрые наставления родителей, убедительно изобразить то животворное влияние, которое оказывают встречи с друзьями, с родными с детства местами, баня, рыбалка, лес и река. Сам автор искренне верит в добро и в животворящую силу любви, и это чувство придает особую привлекательность его произведениям.

Вот что пишет в своей книге «Литераторы земли Коми» В.И. Мартынов: «И.И. Белых родился 23 сентября 1946 года в селе Палевицы Сыктывдинского района Коми АССР. В местной школе получил среднее образование. После окончания историко-филологического факультета Коми государственного педагогического института, где он активно участвовал в работе литературного объединения, в 1965 году был принят на работу в редакцию газеты «Югид туй». В этой газете, названной затем «Коми му», был корреспондентом, заведующим отделом, заместителем редактора.

С декабря 1994 года И.И. Белых – заместитель директора Коми книжного издательства, а с весны 1997 – главный редактор этого издательства. Первый рассказ «Веж кыз пу» опубликовал в 1968 году, будучи студентом. Затем его проза выходила на страницах газеты «Югид туй» («Коми му») и журнала «Войвыв кодзув», в коллективных сборниках «Миян грездса челядь» (1987) и «Сикотш» (1994). Для творчества И. Белыха характерно хорошее владение материалом, точными и четкими деталями в изображении деревенской жизни, мира его маленьких героев – детей, мира природы, в лад с ритмом которой живут их сердца, светлые, оптимистические интонации повествования, упорядочивающие мир чувств и мыслей читателя.

В 1994 году И.И. Белыху присвоено почетное звание «Заслуженный работник культуры Республики Коми».

Рассказы в представленной рукописи написаны легким, хотя и простым, но достаточно экспрессивным, живым языком; их достоинством также является занимательные и интересные сюжеты.

Сборник рассказов И.И. Белыха следует рекомендовать к изданию. Несомненно, он займет свое достойное место, как в современной прозе, так и в жизни читателей, интересующихся литературой и творчеством коми писателей.

ПООСЛЕДНИЙ РЫЦАРЬ

(о жизни и творчестве Льва Разгона)

Жизнь известного в России и за ее пределами писателя и правозащитника Льва Эммануиловича Разгона своими трагическими годами, проведенными в сталинских лагерях, была связана с Коми краем.

Лев Разгон родился 1 апреля 1908 года в городе Горки Белорусской ССР. В 1932 году окончил Исторический факультет МГПИ. С конца 1920-х годов начал работу как редактор, критик и публицист в детской и юношеской литературе.

За свою долгую жизнь он не раз испытывал чувство свободы. Например, чудесным жарким летом 1918 года, когда, как он пишет в автобиографической повести "Позавчера и сегодня", "не было городских, классных надзирателей, инспекторов", когда "даже родители махнули на нас рукой и никто не мешал нам заниматься тем, чем мы хотели". Словом, когда, "начальство ушло".

В то же время Льву Разгону принадлежит итоговый вывод о своем поколении: "Каждый из нас, в большей или меньшей степени, был эком. Не только по официальному статусу, но и по психологии, привычкам, лексикону".

Пережив пик сталинских репрессий в должности редактора издательства "Молодая гвардия", он был арестован в апреле 1938 года. Началась семнадцатилетняя лагерная эпопея, которая унесла его первую жену, дочь известного партийного деятеля и чекиста Оксану Бокий, и соединила со второй женой, дочерью одного из главных деятелей правых эсеров Рикой Берг, с которой он счастливо прожил до ее смерти в 1991 году.

С 1938 года и в течение нескольких последующих лет Лев Эммануилович провел в Устьвымлаге НКВД СССР, в поселке Вожаель Княжпогостского района. Несколько лет спустя в этом же лагпункте родилась мать писателя Андрея Канева.

В книге "Непридуманное" Лев Разгон пишет: "Наш московский этап, прибывший на первый лагпункт в конце августа 1938 года, насчитывал 517 человек. Весною 1939 года из москвичей осталось на лагпункте двадцать семь человек. Ну, человек двадцать-тридцать, наверное, были этапированы на другие лагпункты для работы по специальности. Остальные все умерли. В первую же зиму. Кроме московского этапа вымирили смоленские, ставропольские, могилевские этапы.

В ноябре 1938 года к нам пригнали двести семьдесят китайцев с Дальнего Востока. Почти все они умерли к февралю 1939 года. Остался только один, который работал на кухне".

Автор этих строк в 1947 году проживал в поселке Железнодорожном Княжпогостского района, где было немало китайцев, все они почему-то работали ассенизаторами, и лишь один, к тому времени уже вольный, работал поваром в лагерной столовой. Дядя Федя, так звали его все, был женат на коми женщине.

Можно лишь удивляться, как в таких тяжелейших, нечеловеческих условиях Льву Разгону удалось выжить.

Окончательно свободным Лев Разгон стал лишь в 1955 году... После освобождения вступил в Союз писателей СССР. Он автор многих книг, посвященных исследованию детской и юношеской литературы, а также повестей о жизни выдающихся русских ученых.

Но темой лучших его книг стало пережитое в ГУЛАГе. С 1988 года не было образованного человека, который бы не прочел его произведений, беспощадно свидетельствующих о преступлениях сталинского режима.

Он позволял себе многое, потому что видел смерть.

Не только книги стали его вкладом в изменение нашей жизни. В 1988 году Лев Разгон вместе с Андреем Сахаровым и Алексеем Адамовичем стал одним из основателей Историко-просветительского и правозащитного общества "Мемориал". До последних дней он помогал создавать музей и архив "Мемориала".

В 1992 году Лев Эммануилович был одним из основных свидетелей в Конституционном суде по делу КПСС. Он был одним из тех немногих, кто отчетливо понимал, что без осознания всем обществом масштабов творившихся в стране беззаконий, а без покаяния виноватых невозможно двигаться дальше.

Общество же равнодушно и с непростительной забывчивостью отнеслось к осуждению недавнего прошлого.

Лев Разгон – Лауреат Сахаровской литературной премии "За гражданское мужество писателя". Его книги переведены на многие языки, удостоины многочисленных международных наград и премий.

Лев Эммануилович был приверженцем основных либеральных ценностей. И он отстаивал их в своей ежедневной многолетней работе в Комиссии по помилованию при Президенте Российской Федерации.

Его человеческие качества и многолетняя мемуарная и правозащитная работа сделали Л.Э. Разгона одним из символов тысяч бывших заключенных сталинских лагерей.

Он умер 8 сентября 1999 года.

Во время гражданской панихиды писательница Лидия Борисовна Либединская о Льве Разгоне сказала очень проникновенные слова: "Он был последним рыцарем. Он был рыцарем дружбы, любви, любви

к своей земле и к жизни, рыцарь он был. Последний рыцарь на этой земле..."

Анатолий ПОПОВ

ПОИСКИ РАУЛЯ ВАЛЕНБЕРГА

Рауль Валленберг, швед по национальности, родился 4 октября 1912 года. Но дата его гибели до сих пор вызывает сомнение, хотя официально считается, что он скончался в Лубянской тюрьме в Москве 17 июля 1947 года. Он был на дипломатической должности в оккупированной немцами Венгрии и, выдавая шведские паспорта, спас около десяти тысяч человек.

17 января 1945 года Валленберг был арестован советской военной контрразведкой "Смерш", приказ о его задержании подписал генерал армии Н. Булганин.

В 2001 году в Москве издано исследование Джона Вирмана "Праведник", история о Рауле Валленберге, пропавшем герое. Одновременно, дополняя исследование Бирмана, опубликован отчет шведско-российской рабочей группы "Рауль Валленберг".

По сути, эта книга – попытка Швеции ответить на вопрос о судьбе Валленберга, своего сына и национального героя. В книге анализируются все материалы, которые удалось исследователям собрать на эту тему. Их много и они противоречивы. И есть в конце книги страница, на которой приведены "Вопросы, остающиеся без ответа". Таких вопросов шестнадцать. Они убедительно подвергают сомнению истинности всех материалов, переданных советской стороной Правительству Швеции по делу Валленберга. Семнадцатым пунктом в этом вопроснике обозначен как бы ответ на все вышеизложенные сомнения:

"До тех пор, пока нет совершенно надежных доказательств о судьбе Рауля Валленберга, вопросы в связи с рядом свидетельств должны сохранять свою актуальность и получить удовлетворительное объяснение..."

И подобное недоверие официальной версии смерти Валленберга в Лубянской тюрьме в 1947 году существует все послевоенные годы. А это означало только одно: надо искать!

И Валленберга искали и ищут. И где только его не "находили" или видели? Некоторые сведения "селили" Валленберга в Магадане, в Норильске, на острове Врангеля. Не осталась без внимания и наша Республика Коми.

В 1991 году в Воркутинский "Мемориал" прислал письмо из Риги латышский поэт Янис Зиле, который был узником на Воркуте, в

котором было написано: "У нас развернулась компания по поиску Рауля Валленберга. Будто он работал в шахте № 8..."

Шахта № 8 была самой первой шахтой Воркуты, построенной еще в 1934 году.

Протестантский священник А. фон Юхен на Воркуте отбывал срок с 1948 года и считал, что Валленберг был на Воркуте.

Доктор М. Мельцер сообщил, что, вероятно, встречал Валленберга в Халмер-Ю во время обследования больных, когда один из них назвался Раулем, и шведом...

Немецкий офицер Т. фон Дуфинг сообщил, что в 1949 году встречал и разговаривал со шведским дипломатом в пересыльном лагере в Котласе или в Кирове...

Швед Рауль Валленберг мог общаться с людьми разных национальностей: он в совершенстве владел английским, немецким, французским, русским языками.

В 1989 году работники Воркутинского отдела КГБ, обещая мне содействие в доступе к лагерным архивам, просили только об одном: если вдруг попадутся мне какие-либо материалы о Рауле Валленберге, обязательно поставить их в известность. Пришло, мол, распоряжение из Москвы искать Валленберга. Я понял, что и в Москве тогда не знали толком, что же с ним произошло.

А вот еще одно письмо, датированное 1991 годом, которое пришло в воркутинский "Мемориал" из Прибалтики от А.Я. Янсонса:

"В Воркуте я отбыл семь лет, в 1956 году освобожден со снятием судимости... Да, на восьмой шахте я работал вместе с напарником (1951-1952 годы) Раулем Валленбергом. Если есть данные, то прошу выслать обе эти справки по адресу..."

Вот такие есть свидетельства о том, что шведский дипломат Рауль Валленберг мог находиться в Коми АССР. Приведу еще одно свидетельство, которое пришло ко мне совсем недавно. Свои воспоминания Валентина Григорьевна Иевлева-Павленко назвала "Я знала Рауля Валленберга". Они планировались быть опубликованными как одна из глав книги "Непричесанная жизнь", вышедшей в свет в Москве в 1994 году, но остались за рамками издания.

Прежде чем обратиться к ним, хочу рассказать об авторе этих воспоминаний.

Валентина Григорьевна – прямой потомок адмирала времен Петра Первого Сильвестра Иевлева, одного из главных героев романа Ю. Германа "Россия молодая", опубликованного в пятидесятые годы прошлого века. По роману был снят одноименный телефильм. Роман "Россия молодая" был удостоен Сталинской премии. Свою "сталинскую премию" в виде лишения свободы в лагере получила и Валентина Григорьевна.

Во время войны Валентина Иевлева была красивой девушкой, жила в Архангельске, где в это время часто базировались иностранные морские конвои. В 1945 году она родила дочь Беллу, отцом которой был американский офицер. А это в те времена означало, что Иевлева – агент американской разведки. После проведенного следствия Валентина Григорьевна была осуждена за антисоветскую агитацию и получила срок в шесть лет лагерей. Окончание срока Иевлева отбывала на строительстве дороги от Салехарда до Игарки. Это время бывшая узница до сих пор считает самым счастливым временем своего пребывания в заключении. Тогда она работала в лагерном театре, там же познакомилась с поэтом Лазарем Шерешевским, который, спустя время, и познакомил меня с Валентиной Григорьевной.

А после освобождения из лагеря и реабилитации в 1959 году у Валентины Иевлевой случилась судьбоносная встреча с Зоей Федоровой, поклонницей таланта которой она была всю жизнь. Судьбы обеих женщин были в чем-то схожи. С той лишь разницей, что Зоя Федорова нашла "своего" американца и помогла дочери Виктории обрести отца, а Валентине Петровне этого сделать не удалось.

Бывшую лагерную актрису Зоя Федорова привела на "Мосфильм"... Свою дочь Беллу, после выхода из лагеря, она нашла в детском доме. После долгих скитаний у Валентины Григорьевны была семья. родились еще дети. Сейчас ей 75 лет, она живет во Владимирской области, имеет большую библиотеку и огромный архив с массой автографов писателей и актеров, солагерников...

Теперь вернемся к воспоминаниям о событиях, происходивших на станции Козье Северо-Печорской железной дороги, в которых Валентина Григорьевна пишет: "Тогда, в 1947 году, женский барак находился на территории мужского лагеря для иностранцев-узников. Они работали на кирпичном заводе. В лазарете для истощенных познакомилась с интеллигентным иностранцем Раулем..."

В лагере я увидела молодого мужчину, очень истощенного, который мне понравился своей воспитанностью и интеллигентностью. Мы часто сидели на скамеечке у лазарета и с симпатией поглядывали друг на друга. Однажды он заговорил, спросил меня, как я оказалась в заключении. В то время мне исполнилось только девятнадцать лет. Рауль, так звали моего знакомца, был дипломатом. Он знал, что я сижу за американцев, и очень сочувствовал, что я такая молодая и красивая, и томлюсь в неволе.

О себе он мало говорил. В основном на тему нашей жизни в лагерных условиях. Нам приходилось жить, чтобы выжить. После того, как мы поправились, нас выписали на работу. Мы оказались с Раулем в одной бригаде "доходяг". Ходили не на лесоповал, а на кирпичный завод. Это считалось легким трудом. Рауль явно мне симпатизировал. Он мне тоже очень нравился. Мне было приятно находиться в его об-

ществе. Он мне напоминал английских лордов, с которыми мне приходилось встречаться на банкетах в английской миссии (в Архангельске – А.П.). В Рауле было много нежности и чуткости.

Я продала свой американский костюм начальнице санчасти. Это позволило мне купить в ларьке повидло. Утром я намазывала пайку хлеба и брала с собой. В обед мы с Раулем лакомились. Он жил в бараке, где жили заключенные-интернационалисты. В бригаде к нему часто подходил какой-то русский в капитанской фуражке, Виктор. Он был явно нацелен сдружиться с Раулем. Я не хотела, чтобы нам мешал кто-то третий. Но Виктор старался постоянно виться рядом с Раулем. Они говорили по-немецки, и я не понимала о чем...

В этот день на кирпичном заводе случилось ЧП. Рауль и Виктор сбежали с объекта. Нас всех выстроили и повели в зону. Я ничего о подготовке побега не знала и очень была удивлена тем, что Рауль даже со мной не попрощался. Но от всего сердца желала ему удачи.

Три дня нас не выводили за зону на работу, видимо, искали беглецов. Но так и не нашли. Это, как говорили старожилы лагеря, за все время его существования был первый удачный побег. Наше знакомство с Раулем началось 15 мая. В одной бригаде мы оказались 3 июня 1947 года, а исчезли они с Виктором 21 июня.

Сейчас, когда я узнала на портретах Рауля, и знаю о его благородном подвиге, считаю, что эти уговоры уйти в побег были провокацией, которая имела цель окончательно замести следы Валленберга. Ведь все побеги до этого заканчивались печально. Из тайги всегда возвращали только трупы беглецов. Наш лагерь ц/я 202 теперь стерт с лица земли..."

Такие вот строчки воспоминаний...

Валентина Григорьевна не ответила мне, почему эта глава не вошла в книгу "Непричесанная жизнь" Она только подсказала несколько эпизодов, которые могут помочь сверить ее рассказ с документами.

Во-первых, станция Козье – есть в Архангельской области. Вполне возможно, что во времени или памяти название станции трансформировалось, и станция назвалась раньше или называется сейчас иначе.

Во-вторых, союзником в этом лагункте В.Г. Иевлевой был А.А. Ванеев, который затем был переведен в Абезь, где сдружился с Карсавиным. И написал о нем в своей книге "Два года в Абези". Ванеев умер в 1985 году. Но существует его архив, который хранится у его семьи в Питере.

Зададимся вопросом, могло ли такое быть? И ответим на него словами из ранее цитировавшейся книги о Р. Валленберге: "До тех пор, пока нет совершенно надежных доказательств о судьбе Рауля Валленберга..."

Таким образом, рассказ Валентины Григорьевны о том, что Рауль Валленберг был сознательно подготовлен к побегу из лагеря, чтобы таинство побега стало вечным, должен иметь право на жизнь, должен оставаться версией до тех пор, пока эти воспоминания не получат документального опровержения, или документы не подтвердят его правдивость. Имя этого человека и его деяния заслуживают того, чтобы все версии его судьбы были проверены и исследованы.